

И. ВАСИЛЕНКО

АРТЕМКА

Annotation

Цикл из пяти повестей об Артемке, который прошел путь от бездомного мальчика до бойца Красной Армии.

Содержание:

Волшебная шкатулка

Артемка в цирке

Артемка у гимназистов

Заколдованный спектакль

Золотые туфельки

Рисунки И. Харкевича и Б. Винокурова.

-
- [Иван Дмитриевич Василенко](#)
    - [ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА](#)
    - [ЧУДЕСНОЕ ОБЕЩАНИЕ](#)
    - [ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА](#)
    - [АРТЕМКА](#)
    - [ПРОЩАЙ, ШКАТУЛКА!](#)
    - [АРТЕМКА В ЦИРКЕ](#)
    - [«КАКОЙ БОЛЬШОЙ СПАСИБО!»](#)
    - [РЫБОЛОВЫ](#)
    - [СЧАСТЬЕ ПЕПСА](#)
    - [ЛЯСЯ. ПЕПС ГРУСТИТ](#)
    - [БОЛЬШОЙ ДЕНЬ. СКАНДАЛ. ОВАЦИИ](#)
    - [ОБЕЩАНИЕ](#)
    - [НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ](#)
    - [ДЕД ШИШКА ЧУТЬ НЕ ЗАБЫЛ!](#)
    - [АРТЕМКА У ГИМНАЗИСТОВ](#)
    - [«ЖЕЛАЮ УДАЧИ У ГИМНАЗИСТОВ!»](#)
    - [ТЕАТР ВО ДВОРЕ](#)
    - [ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО](#)
    - [У АРТЕМКИ ПОЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖДА](#)
    - [БЕГСТВО](#)
    - [РОЛЬ](#)

- [ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ](#)
- [АРТЕМКА ОБЗАВОДИТСЯ ГАРДЕРОБОМ](#)
- [ДЕБЮТ](#)
- [У ЛЕНОЧКИ](#)
- [СЕНЯ СТРУСИЛ](#)
- [«ФАРАОН ИДЕТ!»](#)
- [АРЕСТ](#)
- [В КАТАЛАЖКЕ](#)
- [КТО НАПИСАЛ «РАЗБОЙНИКОВ»?](#)
- [АРТЕМКУ УЧАТ](#)
- [ПИСЬМО](#)
- [ЗАКОЛДОВАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ](#)
- [ПО БЕЛУ СВЕТУ](#)
- [К НАМ В ОТРЯД](#)
- [ВИНТОВКА](#)
- [«ВАНЬКА ЖУКОВ»](#)
- [ПЕРВЫЕ ДНИ](#)
- [РАССКАЗ ТАНИ](#)
- [ПАРТИЗАНСКИЙ НАЛЕТ](#)
- [АРТЕМКА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ](#)
- [У БЕЛЫХ](#)
- [ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ](#)
- [ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ](#)
- [АРТЕМКА ПРИОБРЕТАЕТ ЦИЛИНДР](#)
- [ПАРОЛЬ](#)
- [ПРАВДА ЖИЗНИ](#)
- [ВСЮ ЖИЗНЬ - НАШЕМУ ДЕЛУ](#)
- [ОШАЛЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ](#)
- [ЧЕРНЫЙ ВЕЛИКАН](#)
- [Я ДОГАДЫВАЮСЬ](#)
- [КОНЕЦ НОЧИ НА ЗЕМЛЕ](#)
- [ЗАКОЛДОВАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ](#)
- [В МОСКВУ](#)
- [ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ](#)
- [СГИНУЛ](#)
- [ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ](#)
- [НЕОТВЯЗНАЯ МЕЧТА](#)
- [НОЧНОЙ ГОСТЬ](#)
- [ХРЕН РЕДЬКИ НЕ СЛАЩЕ](#)

- [ЗАПISKA](#)
- [В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ](#)
- [ЕЩЕ ОДНОГО ПОВЕЛИ](#)
- [«НЕ РОДИЛСЯ ЕЩЕ ТОТ КАТ...»](#)
- [БЕДА](#)
- [ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПЕТРУШКИ](#)
- [ЛУНИН ДЕЙСТВУЕТ](#)
- [ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА](#)
- [«СЕ ЛЯ ЛЮТТЕ ФИНАЛЕ...»](#)
- [НАРОДНЫЙ КОМИССАР](#)
- [ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ](#)
- [«АРТЕМКА» И ЕГО АВТОР](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Иван Дмитриевич Василенко

Артемка

И. ВАСИЛЕНКО

АРТЕМКА

---

*Г*ОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА
ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР

Москва
1960

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

ГЕРЦОГ БУКИНГЕМСКИЙ

Мой отец был лудильщик. После своей смерти он оставил паяльник, палочку олова, бутылку соляной кислоты и пачку железных листов. В то время мне было девять лет, и я только что перешел во второе отделение приходской школы. Но учиться мне не пришлось. Когда последний лист железа был продан, мать приладила себе на спину большой мешок, а мне поменьше, и мы стали тряпичниками.

Мы заходили во дворы и рылись в мусорных ящиках, ходили на свалку.

Сначала это занятие меня даже увлекало, вроде охоты. Я все ждал, что вдруг случайно попадетсЯ какая-нибудь ценная вещь: золотые часы или кожаный бумажник, туго набитый трехрублевками. Наша знакомая тряпичница Феклуша уверяла, что однажды в мусорной яме нашла чулок с зашитыми в нем золотыми десятирублевками. Но нам попадались только рваные калоши, кости, тряпки, старые подковы и пузырьки, сохранявшие еще запах лекарств.

Наступила осень. Подвал, в котором мы жили, стало затоплять водой. Тогда мать пошла к знакомой трактирщице и заплакала. Трактирщица наняла ее за четыре рубля в месяц на хозяйских харчах.

Трактир стоял посредине большой базарной площади. На ней ютилось множество лотков, закоптелых сапожных будок, бакалейных, скобяных, семенных и фруктовых лавок. Запах ромашки, чабреца и мятных пряников перемешивался с запахом керосина и дегтя.

В те времена рестораны делились по разрядам: чем выше был разряд, тем ниже было общественное положение его посетителей. Ресторан третьего разряда был таким заведением, куда даже иные парикмахеры или приказчики считали неприличным для себя заходить. Что касается нашего ресторана, то он стоял вне всяких разрядов. Хотя на его вывеске и было написано: «Трактир М. Сивоплясовой», но хозяйка называла его «харчевней», а посетители - просто «обжоркой». Помещалось это заведение в кирпичном здании казарменного вида, окрашенном в грязно-бурый цвет. За четыре копейки здесь подавали миску борща, сваренного на говяжьей требухе, а еще за четыре - и самую требуху.

Никаких других блюд здесь не готовили, да никто и не требовал их: посетители наши стояли на такой ступени общественной лестницы, что очутиться ниже вряд ли было возможно.

Среди них-то я и провел два года своего детства.

Я мыл на кухне посуду, подметал пол, таскал с базара овощи и говяжью печенку, подавал посетителям борщ и выслушивал от хозяйки попреки в дармоедстве.

Мне шел десятый год, и мне тоже хотелось играть в бабки, бегать с босоногими мальчишками наперегонки и запускать бумажный змей с трещоткой... Но куда там!

Только, бывало, соберешься с Артемкой, сыном сапожника, пойти к морю понырять или половить бычков, как хозяйка уже окликает меня:

- Чтой-то в сон клонит. Ну-ка, сядь за стойку, а я пойду малость вздремну. Да смотри не отлучайся, а то штаны спущу!

Однажды, когда я сидел за стойкой, в трактир вошел человек, которого я раньше никогда у нас не видел. Он сунул руки за веревку, служившую ему поясом, отставил вперед ногу в рваном лаковом ботинке и прищелкнул языком:

- Ну и апартамент! Это что же столовая его величества короля английского? А запах, запах! Настоящая амброзия!

Пошатываясь, он подошел к столу, сел и вытянул вперед ноги.

- Сэр! - крикнул он в мою сторону.

Я подошел.

Прядь бледно-желтых и, вероятно, очень мягких волос свесилась на его вспотевший лоб; в голубых глазах, таких ясных и чистых, что их не смог замутить даже хмель, прыгали искорки смеха.

- Вы герцог?

- Нет, - ответил я.

- Граф?

- Нет.

- Может быть, вы барон?

- Сам ты барон! - огрызнулся я.

Но он так весело засмеялся, что невольно стал смеяться и я.

- Беф-строганы есть?.. Нет? А антрекот?.. Тоже нет? Жаль! Придется кушать перепелку!

- Да у нас только борщ и печенка.

- Что-о? Борщ и печенка? Разве ты не знаешь, что это мои любимые блюда?

Первый раз в жизни я подавал с удовольствием.

Первый раз в жизни я подавал с удовольствием.

Человек ел, шутил и расспрашивал. А когда узнал, что я сын трактирной кухарки, стал называть меня пэром.

Наевшись, он сказал:

- Ну-с, пэр, побеседовал бы я с вами еще, но должен спешить на экстренное заседание в палату лордов. Скажите достопочтенной владелице сих апартаментов, что из боязни ограбления я с собой денег не ношу. Вместо денег передайте ей мой вексель и объясните, что она может учесть его в любом банке.

Огрызком карандаша он написал на клочке оберточной бумаги несколько слов, дружески пожал мне руку и ушел.

Когда хозяйка выспалась, я вместе с медяками вручил ей и клочок оберточной бумаги.

- Что это? - спросила она.

- Вексель.

- Да ты в уме? Разве такие векселя бывают?

- Бывают, - уверенно ответил я и рассказал о недавнем посещении.

- А ну читай.

Я прочел:

- «По сему векселю обязуюсь уплатить графине Сивоплясовой восемь копеек, когда войду во владение наследственным замком. Герцог Букингэмский».

Среди наших посетителей было не редкостью встретить опустившихся военных чиновников и даже помещиков. Я привык к этому и ни на минуту не усомнился в герцогском происхождении голубоглазого весельчака. Но хозяйка посмотрела на дело иначе. Она взяла веник, которым я подметал пол, и начала меня бить им, приговаривая:

- Не принимай векселей от бродяг! Не принимай векселей, собачья шкура!..

Я вырвался из ее рук и с плачем выбежал на улицу.

ЧУДЕСНОЕ ОБЕЩАНИЕ

На базаре стоял деревянный старый амбар на высоком каменном фундаменте. Несколько камней из фундамента выпало, и в нем образовалась дыра, в которую я свободно пролезал под амбар. Это было мое потайное место, куда я обычно скрывался от хозяйки. Летом, в знойный, яркий день, под амбаром было прохладно. Здесь я хранил любимые вещи: складной нож, молоток, записную книжку с карандашом, бумажный фонарик со свечой и две книжки: «Как львица воспитала царского сына» и «Джек-потрошитель».

Забравшись в свое подполье, я долго и горько плакал. Чувство ненависти к хозяйке смешалось с чувством обиды на герцога: я так доверчиво отнесся к нему, а он подвел меня.

К ночи меня стал мучить голод, но возвращаться домой мне не хотелось; я знал, что в угоду хозяйке мать выдерет меня за уши, хотя потом и будет тихонько плакать.

Так я провел ночь под амбаром.

Утром в дыру просунулась вихрастая голова Артемки:

- Я ж так и знал, что ты тут. Мамка твоя плачет, думает, что ты побег топиться, а я ей говорю: «Не должно быть. Верно, пошел на свою квартиру». На, закусывай! - И Артемка вынул из-за пазухи сухую тарань, огурец, головку лука и ломоть черного хлеба.

Я ел и сквозь слезы рассказывал, как было дело. Артемка сердито плюнул:

- Твоя хозяйка - ведьма. Разве можно человека бить веником? Что он собака? А герцог тоже вредный. Ему и дела нет, что из-за него человек страдает. Все они, герцоги, такие. - Артемка показал мне две копейки. - Видал? Айда пить квас!

Мы вылезли из подполья, пошли к квасной будке и взяли по стакану хлебного кваса. После тарани он казался особенно приятным и колко бросался в нос.

Вдруг мы услышали веселый призыв:

- Граждане! Становитесь теснее в круг, держитесь за чужие карманы! Сейчас под наблюдением господина городского начнется небывалое гала-представление, нон плюс ультра!

- Артемка, - говорю я, - да ведь это ж герцог!

Окруженный толпою крестьян и базарных зевак, «герцог» почтительно

говорил подходившему усачу-городовому:

- Господин блюститель порядка, прошу вас занять наблюдательный пункт! Поправьте вашу шаблюку и примите боевой вид. За неимением здесь другого начальства ешьте глазами меня.

Толпа хохотала. Уязвленный городской скривил губы и потянулся к воротнику «герцога»:

- Ты эти насмешки брось! Инструкцию знаешь? А ну, предъявь паспорт!

- Паспорт? - изумился «герцог». - Да какой же может быть паспорт, если половина сбора в вашу пользу?

Городовой быстро успокоился и занял «наблюдательный пункт», а «герцог» продолжал развлекать публику:

- Позвольте представиться: главный наездник цирка Труцци и бенгальский факир. Тигры, леопарды и другие насекомые придут дополнительно, а сейчас прошу посмотреть несколько фокусов, за которые имею почетный отзыв от митрополита киевского. Итак, начинаем. Вот вы, молодой человек, - обратился он к деревенскому парню, - подойдите-ка сюда поближе. Видите эти два шарика?

- Бачу, - ответил парнишка.

- Красный я кладу в ваш правый карман. Видите?

- Бачу.

- Зеленый - в левый. Видите?

- Бачу.

- Ну, где у вас зеленый шарик?

- Ось тут.

- Вынимайте его.

Парень вынимает красный шарик и растерянно улыбается:

- Як же це вин перескочив?

«Герцог» показал еще несколько фокусов, потом разостлал на земле платок и приказал:

- Гоните все по две копейки! Не видите, что мне пора водку пить? Живо!

Зазвенели медяки, толпа поредела.

- Получите, ваше превосходительство, двенадцать копеек, - подал «герцог» городовому несколько монет.

Тут я подошел и сказал:

- А меня хозяйка веником побила.

- Поздравляю, - ответил «герцог». - За что ж она тебя?

- Да за ваш вексель.

Он недоуменно посмотрел на меня, потом вдруг вспомнил:

- Постой, постой! Ты из харчевни?..

Он был явно смущен.

Мы присели на бревно, и я рассказал, что произошло после его ухода. Я сказал, что живу теперь под амбаром на базаре и боюсь идти домой.

Он покрутил головой и с досадой крикнул:

- Что ты скажешь! Подвел мальчика! Ну, ничего, не горюй, дело поправим. А это кто? - кивнул он в сторону Артемки. - Товарищ? Как звать-то тебя, курносый?.. Артемка? Ну вот что, Артемка, шагай в трактир и шепни там кухарке, чтоб она не беспокоилась, что Костя, мол, жив и здоров, только домой сразу не придет. Пусть хозяйка малость поостынет, тогда он и вернется. Вали!.. Ничего, Костя, не горюй! Пойдем, покажи мне твою нору.

Мы пошли к амбару.

- Прекрасно! - сказал «герцог». - У тебя, Костя, дача - первый сорт. Вот только перин нет. Ты, Костя, возьми меня к себе квартирантом. Мой дворец сейчас ремонтируется, так мне на время нужна квартира. Возьмешь?

- Что ж, - говорю я притворно равнодушно, - живите, мне не жалко.

- Ну, так считай, что мы поладили. Жди, вечером приду.

Я хитрил. Мне не только не было жалко, но я был счастлив жить с веселым и добрым человеком, который знает столько интересных фокусов и так смело разговаривает с городовым.

С нетерпением я ждал вечера. А когда в дыре показалась голова и знакомый голос окликнул меня, я, уже не скрывая радости, живо отозвался:

- Здесь, здесь, герцог! Лезьте скорей!

«Герцог» влез, а вслед за ним, шурша и шелестя, вползло в освещенное лунным светом отверстие какое-то чудовище со вздыбленной шерстью. Я схватил «герцога» за рукав и в страхе крикнул:

- Ой, что это?

- Это же охапка сена, которую я тащу за веревку!

Я засмеялся, а «герцог» сказал:

- Я, брат, не люблю спать на голой земле. Твердо. То ли дело на сене! И мягко, и запах приятный.

Он сделал себе и мне из сена постели и вытащил из кармана небольшой сверток:

- Вот принес кое-что поужинать, а свечку не захватил. В темноте, пожалуй, еще и рта не найдешь.

- Найдешь, - сказал я уверенно. - Я найду. А свечку можно мою зажечь.

Мы зажгли свечку и вставили ее в бумажный фонарик. Подполье

осветилось голубым светом.

Я достал тарелку и нож; «герцог» вынул из свертка украинскую колбасу, помидоры, сладкий болгарский лук, хлеб.

Мы поужинали и улеглись на свои душистые постели.

- Тебе сколько лет? - спросил «герцог».

- Скоро десять будет. А вам?

- Мне уже тридцать один. А твой отец кто?

- Кастрюли паял, чайники. Он уже умер.

- А мой был дьякон. Не герцог, а дьякон. Про герцога я наврал. Я люблю шутить. Ты где учился?

- В церковноприходской.

- А я, брат, духовную семинарию окончил. Чуть-чуть меня попом не сделали, да я вовремя догадался драпу дать.

- А как вас зовут?

- Зовут меня Алексеем Евсеевичем. А проще Евсеичем. Вот фамилия у меня неподходящая-Погребальный. Я человек веселый, люблю солнышко, траву, птиц люблю до страсти. На что мне такая фамилия?.. А ты что любишь?

Я любил многие вещи: фасоль с солеными огурцами, медовую халву, клюквенный квас, переводные картинки. Но об этом говорить я не решился, чтобы Евсеич не подумал, что я совсем еще маленький.

- Я тоже траву люблю и птиц. И еще людей люблю, которые добрые и веселые, вот как вы, - сказал я.

Евсеич помолчал.

- Эх, паренек, - и голос его стал ласковым, - жалко мне тебя! Сердце твое тянется к людям за теплом, как подсолнечник к свету, а дают тебе только пинки. Ну, какие у тебя радости? Бродягам борщ подавать? Ты, наверно, за всю жизнь и игрушку-то в руках не держал.

Я стал припоминать, какие у меня были игрушки, но вспомнить было нечего. Сапожная колодка, дверная ручка, кран от бочонка-разве ж это игрушки!

- А вы держали? - спросил я.

- Да! У меня, Костя, хорошие игрушки были: и плюшевый медведь, и лошадка на колесиках, и заводной пароход. Одна игрушка и теперь еще сохранилась-в деревне, у старухи тетки в сундуке лежит. Это, брат, такая игрушка, что не налюбишься. Случилось моему деду в Швейцарии побывать. Понравилась там ему эта штука, и он купил ее для своего сына, то есть для моего отца значит, когда тот маленьким был. От отца она перешла ко мне. Вынимали ее из сундука только по большим праздникам,

вот как берегли! Оттого и сохранилась она.

- Что же это за игрушка такая? - живо спросил я. - Заводной автомобиль, да?

- Нет, не автомобиль, их тогда еще не делали. Не автомобиль, а волшебная шкатулка. Сделана она из черного полированного дерева. На передней стенке три перламутровые кнопки. Нажмешь одну-поднимается крышка, и перед тобой - цирк. Круглая, в золотом песке арена; на арене белая лошадка, на лошадке наездница в голубом блестящем платье, на ножках золотые туфельки, а в руке серебряный обруч. За лошадкой собака, за собакой кошка, за кошкой мышка. Нажмешь вторую - слышится малиновый перезвон. А когда нажимаешь третью, то лошадка, собака, мышка и кошка мчатся вскачь по кругу арены под веселый марш. Вот, брат, какая игрушка!

Я слушал, зачарованный.

- Вот бы мне взглянуть... хоть разок!

- Разок взглянуть? - спросил Евсеич. - Гм... да-а... - и задумался. Затем, как бы прервав какие-то мысли, решительно сказал: - Спать надо! А то мы с тобой до утра проболтаем.

Я послушно закрыл глаза, по уснул не сразу, растревоженный рассказом о волшебной шкатулке. Прекрасная наездница до того пленила мое воображение, что даже явилась ко мне во сне.

Мне снилось, будто я сижу за стойкой и подсчитываю медяки. Вдруг слышу цокот копыт. Дверь широко распахивается, точно от порыва ветра, и прямо в харчевню въезжает на снежно-белой лошади золотокудрая красавица с блестящим обручем в руке. Лошадь подходит к стойке и кланяется мне, а наездница гладит рукой ее серебристую гриву, смеется и говорит; «Вот, Костя, какая у меня умная лошадка! Хочешь покататься на ней?» Вдруг из кухни выскакивает хозяйка и грязным веником бьет лошадь. Я вижу на белой лошадиной голове грязные полосы, и это приводит меня в исступление. «Ведьма! Ведьма!» - закричал я, бросаясь на хозяйку со сжатыми кулаками... и проснулся.

Евсеич спал. Его ровное дыхание успокоило меня, и я опять заснул.

Утром Евсеич сказал:

- Ну, Костя, сегодня играем, завтра уезжаем. Больше трех дней мне не усидеть на месте. Привыкли ноги ходить, и никак их не удержишь. Завтра беру курс на Мариуполь.

Пришел Артемка, и от него мы узнали, что хозяйка «отошла» и теперь очень «нудится». Вчера целый день зевала, спать хотела, а посадить за стойку было некого.

Решили, что наступил самый подходящий момент для моего возвращения.

В харчевню вошли все трое: впереди Евсеич, за ним я, за мной Артемка.

- Мадам, - сказал Евсеич, галантно кланяясь, - на днях вследствие моего врожденного легкомыслия, житейской неопытности Кости и вашего африканского темперамента произошел весьма печальный случай. Позвольте уплатить вам восемь копеек и уверить вас, что веник имеет только одно назначение - мести сор. Я поклялся именем святой Пелагеи, покровительнице всех харчевен, что вы Костю отныне пальцем никогда не тронете. Бойтесь, мадам, превратить меня в клятвопреступника! В гневе я режу трактирщиц, как кур. Адью, мадам! Весной я ваш гость.

Затем он взял меня за руку, отвел в сторону и сказал:

- Ну, Костя, до свиданья! До весны я побываю на родине, весной опять буду в ваших краях. Жди, Костя! Шкатулка будет твоя!

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

И я стал ждать весны; время тянулось медленно и тоскливо.

Осенью неделями моросил мелкий дождь. Не верилось, что когда-нибудь опять выглянет солнце, из земли ползут лебеда и калачики, а на каменных плитках харчевни высохнет наконец грязь.

Выпал первый снег. Все посветлело и прояснилось вокруг, даже стены харчевни, даже лицо хозяйки.

Прошли и лютый февраль и влажный март. И наконец над немощеной площадью заколебался прозрачный пар, и земляные дорожки между лавками стали быстро подсыхать.

Нетерпение мое возрастало.

Артемка, заходя навестить меня, всякий раз спрашивал:

- Ну как, не было? - И, хотя весна еще только-только задышала, удивлялся: - Вот же как долго человек идет!

Что человек «идет», ни я, ни Артемка не сомневались.

- Не такой он, чтобы зря болтать, - говорил Артемка и добавлял: - Наверно, уже близко.

Дни шли за днями. На смену отцветшей в скверах сирени по всем улицам города забелела акация и тоже отцвела, усыпав тротуары высохшими белыми лепестками.

А Артемка все спрашивал:

- Ну как, не было? Ну чего он так долго идет?

Но когда и розы отцвели, в наши сердца закралось сомнение. Первым усомнился Артемка:

- А может, он идет, да не сюда?

- Как не сюда? - испугался я. - А куда же?

- Да мало ли на свете всяких городов! Их аж четырнадцать: Петербург, Ростов, Вареновка...

И вот однажды, когда хозяйка ушла к кому-то на крестины, а я уныло сидел за стойкой, в харчевню вошел седенький старичок. Не торопясь снял он свою котомку, отвязал жестяной чайник и вытер лысину красным платком.

- Сынок! - позвал он меня.

Я подошел.

- Покушать чего найдется?

Старик степенно поел, потом спросил кипятку и заварил чай. Он

вынул из котомки и положил на стол кулек с вишнями, жестяную коробочку с сахаром и вязку бубликов.

- Чайку выкушать желаешь? - предложил он мне. Я притащил еще одну чашку и уселся против деда. После того как мы с удовольствием выпили по третьей чашке, дед сказал:

- Вот пью я с тобой чай, беседы беседую, а как зовут тебя, касатик, не знаю.

Узнав, как меня зовут и чей я сын, дед закивал головой:

- Так-так, приметы эти самые. Адрес правильный, в самую точку... - И вдруг неожиданно спросил: - Это, значит, тебе Алексей Евсеич обещал доставить машинку?

Я еле мог прошептать:

- Мне... Дедушка, миленький, а где же он?

- В бараке он заразном, в больнице, значит. Пробирался сюда, к морю. До Ростова мы шли вместе, а в Ростове его тиф подломил. В ночлежке на нарах мы рядом лежали, когда его в жар стало бросать. А как приехала будка, чтоб в барак его свезти, он и говорит мне: «Разденут меня, отберут одежонку и вещицы. Барахло-то при выписке назад отдадут, а шкатулку, что при мне, как пить дать стянут. Так ты, дед, возьми ее с собой и отдай мальцу, которому я ее пообещал». Рассказал мне все приметы, где найти тебя, и показал, как эту шкатулку в действие приводить. На другой день пошел я в барак, чтоб, значит, повидать его или хоть бы узнать что про него, а фельдшер и говорит: «Ты, дед, сюда не ходи, не разноси лаптями заразу по всему свету. Коли умрет, так и без тебя умрет». Вот он какой, фельдшер-то этот!.. Ну, а шкатулку я доставил тебе в исправности.

Дед наклонился к котомке, покопался в ней и, кряхтя, вынул что-то, завернутое в зеленую тряпицу.

- Вот она, - сказал он, - шкатулочка-то твоя. За-ня-атная штука!

Как заколдованный, смотрел я на руки деда, которые бережно протирали тряпочкой черную, тускло поблескивавшую шкатулку. Я видел на ней три белых перламутровых кружочка, от прикосновения к которым должна появиться прекрасная наездница, и боялся шевельнуться, чтобы не исчезли, как в сказке, и чудесный дед и волшебная шкатулка.

А дед все так же неторопливо объяснял:

- Замечай! Вот эту ручку надобно покрутить двенадцать раз: будешь крутить больше-пружинка лопнет, и твоему цирку крах наступит. Ну считай: раз, два, три...

Я осторожно стал вращать рычажок.

- Стоп! - сказал дед. - Будет. Машина в полном заводе. Теперь нажимай

на эту пуговку, а другой рукой придерживай крышку-пусть не враз отскакивает, не портит петельки зря.

Крышка отскочила, и я жадно впился взором в маленькую красавицу на белой лошадке.

Шкатулка была сделана прекрасно. Явственно были видны не только каблучки на золоченых туфельках наездницы, по даже белые коготки на лапках собаки. Трудно сказать, что меня больше восхитило: нежное ли лицо красавицы, блестящие глазки мышонка или свисавший набок розовый язычок собаки.

А когда после мелодичного перезвона колокольчиков лошадка, собачка, кошка и мышка, точно по команде, поднялись на задние ноги, поклонились все в одну сторону и галопом помчались по кругу, я вцепился в дедов рукав и от восторга закричал.

В тот же момент за нашими спинами раздался хриплый бас:

- Ты где же это стащил шкатулку, старый колдун? Ах ты...

Я вздрогнул, а дед поспешно поднялся со скамьи. Перед нами, расставив широко ноги, стоял толстый околоточный надзиратель Горбунов, а из-за плеча его выглядывал городской Нестерчук. Я их хорошо знал: наша хозяйка, торгуя без патента водкой, каждый месяц задабривала Горбунова новенькими серебряными рублями и потчевала в своей комнате коньяком с лимоном: Нестерчук же частенько заходил выпить стопку водки «за здоровье мадам Сивоплясовой».

Дед, вытянув руки по швам и выпятив вперед грудь, по-военному ответил:

- Никак нет, ваше благородие, не извольте беспокоиться: шкатулочка не краденая.

- То есть как это не краденая? Не скажешь ли ты, воронье пугало, что нашел ее на дороге? А может, тебе подарила ее для забавы добрая барыня?

- Ваше благородие, позвольте объяснить: шкатулочка эта подарена вот этому мальцу. Он ее, почитай, год целый ждал. Алексей Евсеич, отца дьякона сынок, еще прошлым летом ему пообещал, да заболел тифом. Как ему, значит, невозможно самому-то двигаться, он и препоручил мне шкатулочку-то эту доставить.

- Какой Алексей Евсеич? Что ты врешь, старый пес! Где он, этот твой Алексей Евсеич?

- В бараке он, ваше благородие, в заразном бараке в Ростове лежит.

- В бараке? Сын отца дьякона в бараке лежит? Да ты что-смеяться надо мной вздумал?.. Нестерчук! Взять его! Тащи его, каналью, в участок!

И не успел я опомниться, как жирная красная лапа вырвала у меня из

рук шкатулку.

- Конфискую! Краденая вещь подлежит передаче в казну.

Я вскрикнул и зубами вцепился в руку надзирателя. Но сейчас же отвалился в сторону от тяжелого тумака и ударился головой о стену. Искры брызнули у меня из глаз, и я потерял сознание.

Очнувшись, я увидел над собой мать с кружкой воды в руке. Ни полиции, ни деда, ни шкатулки в харчевне уже не было.

АРТЕМКА

Велико было мое горе! И хотя в голове у меня шумело, а из носа шла кровь, я все-таки отыскал Артемку и рассказал ему, что случилось.

- Ну, деда они выпустят, на что им дед, - сказал рассудительный Артемка. Надают ему по шее и выпустят. Нос твой заживет. А шкатулка как же? Ее надо назад воротить.

Легко сказать-воротить!

Все-таки мы решили, что Артемка станет около участка и проследит, выпустят ли деда, и если выпустят, то расспросит его обо всем.

Полицейский участок находился в переулке близ площади. Часа через два Артемка вернулся в харчевню и рассказал о своих наблюдениях...

Артемка ясно видел в открытое окно участка голову и плечи деда. Старик что-то говорил и кланялся. Спустя минутку дед появился в дверях. Часто крестясь, он засеменял по переулку Артемка в несколько скачков оказался рядом с ним.

- Поймай, дедушка, минуточку! Я Костин товарищ, - отрекомендовался он. - Ну что, воротили тебе шкатулку?

- Куда там! - махнул дед рукой. - В казну забрали, так и скажи Косте. А мне велели из города уходить, чтобы в секунду тут не было... Вот они какие, слуги антихристовы! Еле ноги уволок... Надзиратель-то этот ка-ак даст мне...

В это время в дверях участка показался Горбунов.

Дед чуть не рысью припустил вдоль улицы. Под мышкой у Горбунова темнела шкатулка. Артемка пошел следом за надзирателем.

«В казну понес, - подумал Артемка. - Надо посмотреть, где она, эта казна».

Дом, в который вошел Горбунов, был небольшой, одноэтажный, с тремя окнами, прикрытыми от солнца деревянными решетчатыми ставнями. Артемка стоял перед ним и размышлял, почему казна имеет вид такого обыкновенного жилья.

Из калитки вышла старуха в грязной подоткнутой юбке и вылила на дорогу помой.

- Бабушка, казна тут помещается? - спросил Артемка.

- Тю, дурак! - удивилась старуха. - Горбунов тут помещается, надзиратель, а не казна.

Подождав, пока старуха скроется в калитке, Артемка подтянулся на

руках и заглянул в окно. Он увидел кресла в белых чехлах и круглый стол, покрытый темной скатертью. Со стола прямо на него направила свое широкое жерло граммофонная труба. В комнате людей не было, и Артемка хотел уже соскочить на землю, но тут шевельнулись две длинные занавески, раздались в разные стороны и пропустили в комнату черноволосую женщину в туфлях на босу ногу и Горбунова. Надзиратель поставил на стол шкатулку и начал вращать рычажок.

В это время на улице послышался скрип чьих-то сапог. Артемка поспешно спрыгнул с карниза и рысью помчался в харчевню.

На следующий день Артемка не показывался: он помогал своему отцу-сапожнику. Но, вбивая в подошву деревянные гвозди, он ни на минуту не забывал о шкатулке. Перед закатом солнца он опять отправился к дому Горбунова и в харчевню явился уже в сумерки.

- Был, - сказал он. - Сейчас только оттуда. Ставни раскрытые. И колокольцы слышал. Забавляется Горбуниха чужой игрушкой. Ну, ничего, мы свое возьмем! Завтра после работы отправимся вместе.

Весь следующий день я провел как в лихорадке. Часто выскакивал из харчевни и смотрел на солнце, скоро ли оно начнет садиться.

Наконец я потерял терпение, побежал к будке сапожника. Артемка сидел против отца на низеньком чурбане и с хрустом раз за разом втыкал шило в каблук чьей-то туфли.

- Бог в помощь, дядя Никита! - произнес я обычное приветствие. - Вам не пора кончать?

- Бог-то бог, но и сам не будь плох, - ответил Артемкин отец. - А кончать еще рано: видишь, сколько непчатого лежит!

Я с удовольствием втянул носом знакомый запах лака, смолы и мокнувшей в лохани кожи. Чтоб скоротать время, я попросил Никиту:

- Давай, дядя, я латку пристрочу! Ты не бойся, я умею. Меня Артемка уже учил!

Мы молча стали работать втроем. Но вот дядя Никита опустил плотно насаженный на колодку башмак и снял очки:

- Шабаш! Бросайте работу! Артемка, чисть селедку!

- Ты, батя почисть сегодня сам, а то у нас с Костей времени нету, по делу надо спешить, - сказал Артемка.

Мы прошли площадь, свернули в переулок. Солнце было уже совсем низко. Еще немного, и оно скроется за зеленой крышей маслобойки.

Погружая босые ноги в мягкую, теплую пыль дороги, мы пристально смотрели вдаль.

- Ну что, далеко еще? - нетерпеливо спрашивал я.

- Дом вон он, да только не видать отсюда, раскрыты ставни или нет.

Спустя минуту Артемка сказал:

- Кажись, раскрыты... Так и есть, раскрыты. А ну, прибавь пару!

Мы перешли на рысь и вскоре очутились у дома Горбунова. Здесь, у ворот, остановились и выждали, когда поблизости не стало прохожих.

- Момент подходящий, - шепнул Артемка. Он открыл калитку и решительно вошел во двор. Я остановился у калитки. Мне хорошо были видны окна, выходящие на улицу, и Артемка, который стоял перед окном во дворе. Артемка оглянулся по сторонам, сплюнул, вынул из кармана губную гармошку и заиграл.

Белая занавеска заколебалась, сдвинулась, и в окне показалась молодая женщина. Сквозь глубокую лень, лежавшую на ее сытом чернобровом лице, проглянуло любопытство. Артемка еще немного поиграл, затем оторвал гармошку от губ, сплюнул и сказал:

- Тетенька, вы мне дайте копейку, так я вам и не то сыграю.

- А что ж ты сыграешь?

- Да хоть бы и краковяк!

- Ну, играй, - сказала она, - а копейку я потом дам.

Артемка значительно взглянул на меня (я стоял так, что женщина не видела меня), приложил гармошку к губам и опять заиграл.

От волнения у меня перехватило дыхание. Я быстро оглянулся, сделал три скачка к окну, выходящему на улицу, и только поднял руки, чтобы ухватиться за подоконник, как увидел, что из соседней улицы вышел мужчина и зашагал в нашу сторону. Я опустил руки и опять стал на прежнее место. Артемка взглянул на меня и поперхнулся.

- Разве ж это краковяк? - сказала женщина недоуменно. - Это даже и не поймешь, что такое.

- Нет, тетенька, краковяк! Вот ей-богу, краковяк! Что ж, я брехать буду?

- Ну ладно, играй что-нибудь другое.

Артемка снова сплюнул, вытер губы рукавом и сказал:

- Можно и другое.

Он поднял глаза к небу, как бы вспоминая, минутку подумал и опять заиграл. Женщина пренебрежительно фыркнула.

- Э, да ты больше ничего не умеешь! - сказала она и сделала движение, чтобы отойти от окна.

- Тетенька! - с отчаянием в голосе крикнул Артемка. - Подождите! За бога ради подождите! Я ж вам сейчас стишки расскажу!

На ее лице проглянуло любопытство.

- Ну, говори.

Артемка взглянул на меня, и в этом взгляде, исполненном недоумения, отчаяния и возмущения, я ясно прочел вопрос: «Да чего ж ты стоишь, трус несчастный?» Я не знал, как дать ему понять, что к дому приближается прохожий, и смотрел на своего приятеля молча и жалобно. Артемка порывисто вздохнул и часто затараторил:

Ну, так едет наш Иван
За кольцом на океан...

- Не хочу я тебя слушать, - сказала женщина и бросила к ногам Артемки копейку. - Бери и убирайся!

- Тетенька! - чуть не заплакал Артемка. - Да куда ж вы? Я ж вам сейчас такое покажу, что вы аж лопнете со смеху... Вот смотрите!..

Он сел на землю, пригнулся и большим пальцем ноги стал чесать у себя за ухом.

Женщина сначала смотрела с величайшим изумлением, затем упала грудью на подоконник и затряслась в неудержимом хохоте.

- Да ты что же, из цирка, что ли? - выговорила она, вытирая платочком выступившие от смеха слезы.

— Вот смотрите, как я умею! — и Артемка пустился
вприсядку.

- Ага, тетенька, из цирка, - соврал Артемка не моргнув глазом. - Вот
смотрите, как я умею! - И он пустился вприсядку, выкрикивая:

Эх, солдатска жизнь завяла:
Жалованья дают мало!
По три денежки на день
Куда хочешь, туда день:
И на шило, и на мыло,
И чтоб выпить на что было.
Гоп, гоп, гоп, гоп!
И чтоб выпить на что было.

Женщина громко смеялась. Артемка бешено кружился. Вокруг никого не было. Я поднялся на подоконник, влез в комнату и схватил со стола свою шкатулку. Но второпях я зацепил ногой за стул. Женщина оглянулась и пронзительно крикнула. Только что я успел вскочить на подоконник, как в дверях появился Горбунов. Он был в форменных шароварах и в ночной сорочке: должно быть, отдыхал после обеда. С ревом выскочил он вслед за мною в окно и понесся по переулку.

Мы с Артемкой бежали быстро и, вероятно, скоро скрылись бы от Горбунова, но, на нашу беду, экипажи пересекли дорогу. Горбунов оказался вблизи нас. Я слышал около себя его прерывистое дыхание. Чувствуя, что мне не, уйти, я выпустил из рук шкатулку в расчете, что ее подхватит Артемка, и бросился под ноги Горбунову. Надзиратель с разбегу шлепнулся в пыль. В то же мгновение я услышал жалобный стон лопнувшей пружины.

Полицейский, ударившись головой о шкатулку, проломил ее. Я вскочил. Горбунов сидел на дороге, щупал голову руками и ошалело таращил глаза. Я схватил шкатулку.

Минуты через три мы с Артемкой уже сидели в подполье и напрасно старались пробудить в шкатулке жизнь: в ней все было неподвижно и немо.

ПРОЩАЙ, ШКАТУЛКА!

Трое суток я почти не вылезал из подполья и все думал, как мне поправить шкатулку. Через ее проломанный бок были видны блестящие колесики, валики, пружинки. Я часами смотрел на таинственный механизм, стараясь разгадать его тайну. Перепробовал все винтики, гаечки и пружинки, но узнать, где случилась порча, не мог.

Когда на третьи сутки Артемка принес мне очередную тарань и горбушку хлеба, он застал меня до того огорченным, что и сам заморгал глазами.

- Ну, чего ты? - утешал он меня. - Вот же какой чудной! Починим, не бойся. Батька сказал, что надо в слесарню отдать, и сорок копеек дал. Починют! Еще лучше будет!

Мы завернули шкатулку в тряпочку и понесли ее в полуподвальное помещение с вывеской «Слесарная мастерская и починка примусов. Аснес и К°». Ни один старожил не помнил, чтобы в этой мастерской работал еще кто-нибудь, кроме самого Аснеса, но старик думал, что эта вывеска придает солидность его предприятию, и тщательно подновлял свежими красками слова «и К°». Он долго рассматривал шкатулку, дул на механизм, царапал ногтем стенки и даже нюхал их; наконец завернул шкатулку в тряпочку и вернул нам:

- Несите к часовщику.

- Дедушка, - сказал я, - возьмите меня в компанию!

Старик добродушно рассмеялся:

- Какая же ты мне компания? Таких, как ты, берут в ученики, а не в компанию.

- Ну, хоть в ученики.

Но Аснесу ученики не нужны. Он не знал, как самому прокормиться. Где уж тут лишний рот держать!

Часовщик тоже не взялся чинить шкатулку.

- Дядя, - сказал я, задыхаясь от волнения, - возьмите меня в ученики!

- Это ж для чего? Чтобы ты у меня часы выкрал, как эту шкатулку?

- Нет, дядечка, эта шкатулка не краденая. Эту шкатулку...

Но часовщик не дал мне договорить:

- Ступайте, хлопцы, ступайте! Не надо мне учеников.

Так мы обошли почти все часовые мастерские в городе. Нигде не хотели чинить шкатулку, нигде не принимали меня в ученики.

И только в одной мастерской, где работали трое рабочих, мне повезло.
- Что ж, - сказал хозяин, выслушав мою просьбу, - пусть придет отец или кто там у тебя есть, может, и столкнемся: ученик мне нужен.

Когда мы подходили к подполью, Артемка сказал:

- Давай закопаем шкатулку, чтоб ее Горбунов не нашел. Пусть она лежит закопанная до того лета, а тем летом откопаем и заведем. Ты же до лета научишься починять?

- Научусь, - сказал я уверенно. - Я и новую такую сделаю. Вот увидишь, сделаю и подарю тебе.

Мы вырыли под амбаром ямку, устлали дно ее соломой и опустили туда завернутую в тряпочку шкатулку...

Надо ли говорить, сколько страданий принесли мне годы ученичества!

Я переменил много хозяев и городов, но всюду было одно и то же.

Вырыть шкатулку мне так и не удалось. Шли годы. Однажды я проездом заглянул в свой родной город, но на том месте, где когда-то стояли базарные лавки и наш амбар, я увидел зеленый сквер. Было это уже после революции.

Артемка и сейчас мой лучший друг.

Встретились мы с ним лет через пять, далеко от родного города. У Артемки было много приключений, и я расскажу о них в других повестях.

1938

АРТЕМКА В ЦИРКЕ

ПРИЛИЧНОЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

Началось это у Артемки с того, что нашел он пантомиму. Шел от моря, где ловил бычков, и нашел. Лежала пантомима в песке, недалеко от берега, только уголок высовывался. Взял Артемка за уголок, потянул - книга; развернул, а печать какая-то странная: буквы крупные, редки и не черные, а синие.

«Что такое? - подумал Артемка. - Книга какая-то не такая...»

Взял под мышку и принес к себе в будку.

Артемкина будка стояла на базаре среди таких же покосившихся и закоптелых будок. На ней еще сохранилась отцова вывеска - сапог и надпись от руки: «Мастер Никита Загоруйко, прием Заказов и Пачинка». Но все знали, что Никита Загоруйко умер два месяца назад, и обувь носили чинить в другие будки. Если же случались такие, что не знали о смерти Никиты, то постоят, посмотрят, покачают головой - дескать, еще испортит малец - а уйдут. Досадно было: ведь Артемка мог не только латку поставить, но даже новые головки притачать, а вот не доверяют. Если бы не дочка, хоть умирай.

Артемка почистил бычки, вывалял их в муке и положил на сковородку. И тут, нагнув голову, чтобы не набить шишку, вошел учитель Борис Николаевич, у которого Артемка обучался в приходской школе:

- Косячки на каблуки поставить можешь?

Обрадовался Артемка, но виду не подал. Взял туфли, повернул вверх подошвой и деловито оглядел.

- Это можно, - сказал он, как говорил отец.

- А долго будешь делать?

- Да сейчас же при вас и сделаю.

Артемка обстругивал острым ножом подошвенную кожу, а учитель сидел на чурбане и дымил папироской.

- Так, значит, и живешь один? - спросил учитель.

- Так, Борис Николаевич, и живу.

- Ну, а зарабатываешь как? На жизнь хватает? Артемке хотелось пожаловаться на недоверчивых заказчиков, но не позволила гордость.

- Сами знаете, какие нынче времена: здорово не разживешься. Ну, а

все-таки жить можно. Кому раз почию, тот уже другому не понесет.

- Да-а... - сказал учитель раздумчиво. - Ты скорей подрастай да женись. А то что ж так...

Артемка промолчал.

Учитель взял со стола запыленную книжку и вслух прочитал:

- «Тарас Бульба. Пантомима по повести Н. В. Гоголя». Что такое? Пантомима? - удивился он. - Откуда это у тебя?

- А это я в песке нашел. Возле моря. Хотел было почитать, да разве за работой успеешь.

- Подожди, - сказал учитель. - Что это я недавно читал? Ну да, так и есть, в газете объявление было от цирка: «Утеряна пантомима «Тарас Бульба». Нашедшего просим вернуть за приличное вознаграждение». Ясно, это и есть она. Тащи ее в цирк, да смотри не продешеви.

Артемка с интересом взглянул на книжку.

- А какое это такое - приличное?

- Приличное? Ну, значит, хорошее, не обидное для той личности, которая принесет. Рублей пять, а то, может, и десять.

Когда учитель ушел, Артемка достал с полки маленькое зеркальце и долго рассматривал себя: зеленые, как у кошки, глаза, нос гургулькой и желтые, выцветшие на солнце волосы, - нет, десять не дадут.

Артемка причесался, аккуратно завернул в газету книжку, как делал это с башмаками, когда отец посылал отнести их заказчику, и пошел к цирку.

Цирк был круглый, деревянный, большой. Оттого, что на всей площади, кроме него, не было других построек, он казался важным. На стенах, около входа, висели афиши, а на афишах боролись полуголые люди со вздувшимися мускулами, стояли на задних ногах лошади, кувыркался рыжий человек в пестром капоте. Ворота цирка оказались раскрытыми, и Артемка вошел в помещение, где стояли буфетные столики с досками под мрамор. Малиновая бархатная портьера прикрывала вход куда-то дальше. Артемка постоял, прислушался. Никого. Даже окошечко кассы задвинуто. Тихонько приподнял портьеру - запахло свежими стружками и конюшной. Шагнув вперед, Артемка увидел круглую площадку и невысокий круглый барьер, а за барьером вокруг площадки поднимались деревянные скамейки все выше, выше, чуть ли не к самому потолку. У Артемки даже в глазах зарябило - так их было много. А над кругом, высоко, как в церкви, на толстых голубых шнурах висела трапеция.

«Вот это самое и есть цирк, - подумал Артемка, - Огромный!»

Напротив распахнулась портьера, и оттуда выскочил маленький лысый

человек. Он ударился ногами о барьер, подскочил, перевернулся в воздухе и сел на древесные опилки, которыми был усыпан круг:

- Добрый вечер! Как вы поживаете?

Артемка удивился: был ведь еще день. Но все-таки ответил:

- Ничего. Помаленьку.

Человек быстро повернул в его сторону голову, встал и сердито сказал:

- Дурак!

Артемка обиделся:

- Я не дурак. Я пантомиму принес за приличное вознаграждение.

- Какую пантомиму? - нахмурился лысый человек. Он подошел, взял из рук Артемки книгу и развернул ее:

- Ага! Вот оно что. Нашлась, значит. Ну, неси ее хозяину. Вон туда, показал он на портьеру.

Артемка пошел к портьеру, а лысый человек быстро просунул голову и руки себе под ноги, заквакал и по-лягушечьи запрыгал по кругу.

«Вот чудак!» - усмехнулся Артемка.

Он уже протянул руку, чтобы раздвинуть портьеру, но в это время она распахнулась сама и, чуть не сбив Артемку с ног, на арену промчалась огромная бело-розовая свинья. Лысый взвизгнул, вскочил на свинью верхом, а руками схватил ее за уши. Пронзительно вереща, свинья помчалась по кругу, а лысый залаял так, что Артемка даже оглянулся - не гонится ли за ним собака.

«Ну, цирк!» - удивился Артемка.

Он раздвинул портьеру, сделал несколько шагов и остановился. Направо и налево, закругляясь, шел коридор. Откуда-то скупо пробивался дневной свет. Подумав, Артемка повернул направо. По одну сторону смутно вырисовывались деревянные переборки, как в конюшнях; другая стена была глухая. Артемка остановился, прислушался.

За одной из переборок он услышал сдержанный говор. Думая, что здесь и находится хозяин, Артемка осторожно приоткрыл дверь и очутился в небольшой разукрашенной афишами комнате. На топчане, лицом вниз, лежал огромный человек в желтых ботинках на толстой подошве и всхлипывал. Шея и руки его были иссиня-черные, а волосы курчавые и тоже черные. Чуть поодаль на табуретке сидел дед с большой розовой шишкой на лысой голове и утешающе говорил:

- А ты не обращай внимания, не расстраивай себя. Все они жулики и фараоны. Плюнь!

«Наверно, американские», - подумал Артемка про ботинки. А о самом человеке решил так: «Какие-то жулики и фараоны вымазали ваксой ему

руки и шею, оттого он и плачет. А деду шишку набили».

Мужчина повернулся, и Артемка увидел, что и лицо у него было черное.

- Он мне сказал: «Ти черный дьявол. К твой черний морда никакой белий краска не ляжет. Это, - сказал, - нигде не бил, чтоб черний рожа играл белий человек».

«Негр!» - догадался Артемка.

- Дурак он, потому так и говорит, - отвечал дед. - Плюнь!

- Он мне сказал: «Ти борец, ти не есть актер. Публик смеяться будет».

- Ну и дурак! Другие же борцы играют!

- Я сказал: «Другие борцы играют». Он сказал: «Другие борцы белий, а ти черний».

После этих слов негр опять всхлипнул и горестно, как-то по-старушечьи, закачал головой.

Артемке стало жалко его.

- Эх, - сказал он, - как обидели человека!

Дед и негр одновременно повернулись к дверям.

- Чего тебе, хлопчик? - спросил дед.

- Пантомиму принес, - сказал Артемка. - За приличное вознаграждение.

- Пантомиму?.. - Дед подумал и решительно сказал: - Не требуется. Неси в театр. Там, может, примут.

- Зачем в театр? - поднялся негр. - Ти «Бульба» нашел?

- «Бульбу».

- Эта пьяная Самарин потеряла.

- А-а, - догадался дед, - это про которую в газете объявляли? Где же ты нашел?

- В песке, на берегу.

- Ишь, куда его нелегкая носила! Это он угорел от водки и полез ночью в море. Ну, неси хозяину. Пойдем, я покажу где.

- А вы не хозяин? - спросил Артемка.

- Я? - удивился дед. - Нет, хлопче, я не хозяин, я сторож. А хозяин сбоку кассы сидит. Все опасается, как бы кассир не убежал. Вот и хозяин, а тоже вроде сторожа. Ну, пойдем. Сейчас он тебе монету отвалит, держи карман!

Артемка пошел вслед за сторожем по коридору. Узнав, что дед - сторож, Артемка перешел на «ты»:

- Кто это тебе, дед, шишку набил?

- Шишку? - Дед провел рукой по голове и добродушно ответил: - Она у

меня, хлопче, отроду тут сидит. Только раньше ее волосья закрывали, а теперь волосья, понятное дело, вылезли.

- А тот негр, чего он плачет?

- Роли не дают, вот он и плачет.

- А тебе дают? - спросил Артемка, думая таким образом узнать, что такое роль.

- Моя роль - в колотушку стучать да смотреть за вашим братом, чтоб чего не сперли.

- А разве крадут?

- А то кладут? - Дед показал на дверь: - Сюда вот иди, тут он.

На двери, как и на Артемкиной вывеске, надпись была сделана от руки и тоже, вероятно, разведенной в воде сажей: «Дирекция».

Артемка приоткрыл дверь. За столом сидел смуглый человек с горбатым носом и щелкал на счетах.

- Чего тебе, мальчик? - спросил он сюсюкая.

- Пантомиму принес за приличное вознаграждение, - сказал Артемка и подошел к столу.

Мужчина взял книгу, внимательно осмотрел ее:

- Где ты нашел?

- В песке, на берегу.

- О, хороший мальчик, хороший! Ну, иди.

- Куда?

- Домой иди, чтоб мама не беспокоилась.

- А вознаграждение? - удивился Артемка.

В свою очередь, удивился и мужчина:

- Какое вознаграждение?

- Приличное, вот какое! - ответил Артемка.

- А-а! - вспомнил хозяин. - Можно, это можно.

Он обмакнул перо, что-то написал и подал Артемке маленький листок бумаги.

- Что это? - спросил Артемка, недоверчиво глядя на листок.

- Контрамарка. Придешь сегодня вечером на галерку. Бесплатно.

- И все?

- Все, - ответил хозяин.

- А деньги?

- Деньги? - У хозяина поднялись вверх брови, выпучились, как у рака, глаза. - О, какой нехороший мальчик, какой нехороший мальчик, тца-ца-ца!..

Артемка вспомнил, каким видел себя в зеркале, и пошел к двери.

«КАКОЙ БОЛЬШОЙ СПАСИБО!»

Нельзя сказать, чтобы Артемка очень огорчился. Конечно, деньги ему пришлось бы кстати: он отощал, да и поизносилось на нем все. Но попасть на представление в цирк тоже неплохо.

Едва стало темнеть, как Артемка ходил уже вокруг цирка и заглядывал во все щели. Было рано, в цирк не пускали даже с билетами, не то что контрамарочников. Но, когда стемнело, со всех сторон к цирку повалил народ. Зазвонили в колокольчик, и люди стали занимать места. Те, кто был одет получше и от кого приятно пахло, пошли через нижний вход, а прочие полезли вверх по лестнице. Артемка тоже взобрался по лестнице и предъявил листок. Билетер поднес контрамарку к самым глазам, подозрительно оглядел Артемку, но все-таки пропустил.

На галерке люди стояли, навалившись на барьер. Артемку сжали со всех сторон, он не замечал этого и жадно смотрел на арену. Теперь цирк ему показался совсем не таким, как днем. Днем здесь было пустынно, все казалось серым, тусклым. Сейчас же ослепительно горели огромные круглые фонари и на всех скамьях, сверху донизу, сидели разодетые, как в праздник, люди и обмахивались веерами.

Вот под звуки духового оркестра распахнулась бархатная портьера, по обеим сторонам арены выстроились люди в одинаковой красно-желтой одежде, и мимо них прогарцевала гнедая лошадь с белой гривой и белым хвостом. У Артемки в предчувствии чего-то необыкновенного даже похолодело в груди. Наверно, лошадь долго купали и чистили - так она блестела. На ней было невиданно широкое седло, а на седле - расшитый цветами ковер. Вслед за лошадью выбежала белокурая красивая женщина в голубом с блестками платье. В волосах ее сверкала и переливалась разными цветами звезда. С разбегу артистка вскочила на лошадь и двумя руками послала всем - и Артемке - поцелуй. И тут Артемка вспомнил волшебную шкатулку вот с такой же красавицей на белой лошадке и радостно замахал наезднице рукой. Наездница танцевала, становилась на голову, прыгала сквозь обруч, оклеенный разноцветной бумагой, а посередине арены, будто заведенный, крутился человек в сером фраке и сером цилиндре и щелкал длинным кнутом.

Потом люди в красно-желтой одежде засуетились, вытащили две блестящие подставки и высоко натянули между ними стальной канат. Выбежала чернокудрая девочка. Она взобралась вверх по лестнице и

заскользила по канату. Оркестр заиграл вальс. В каждой руке девочка держала по большому розовому вееру и, когда танцевала, была похожа на красивую бабочку.

И все, кого Артемка увидел в этот вечер на арене, навсегда остались жить в его памяти: и ловкие жонглеры с блестящими шарами, и огненно-красный черт, от полета которого захватывало дух, и клоуны, и потешные медвежата-музыканты.

Когда появился лысый человек и крикнул: «Добрый вечер! Как поживаете?», Артемка, как старому знакомому, живо ответил с галерки: «Ничего! Живем!», чем и насмешил всю публику.

Но самым интересным было все же третье отделение. Как только заиграла музыка, все насторожились, даже с мест стали подниматься. На арену вышел человек с бритым лицом, в модном сером костюме, поклонился и поднял руку. И сейчас же музыканты послушно смолкли.

- Кальвини, Кальвини! - зашептали в публике.

Зычным голосом мужчина сказал:

- Семнадцатый день международных состязаний по французской борьбе на оспаривание звания чемпиона мира и почетной ленты через плечо!

Он опять поднял руку вверх:

- Парад! Алле! Маэстро, марш!

Грянула музыка. И тут на арену один за другим стали выходить полуголые великаны с голубыми, розовыми и красными лентами через плечо. Борцы шли по кругу, упругисто ступая по усыпанной опилками арене, и каждый становился на свое место. А когда появился стройный черный великан, Артемка даже перегнулся за перила. Кальвини снова поднял руку - музыка оборвалась.

- Рекомендую прибывших борцов! - обращаясь к публике, сказал Кальвини.

Он выкрикивал имена, а борцы делали два шага вперед, раскланивались и опять становились на свое место. Одним публика хлопала еле-еле, другим же кричала «браво» и бросала цветы.

- Победитель международных состязаний в Лондоне, - Кальвини взял тоном выше, - чемпион ми-ира Клеменс... - Он сделал паузу, поднялся на носки и крикнул: - Гуль!

Цирк точно треснул, так дружно хлопнули все в ладоши.

Клеменс Гуль, сияя белизной своего тела и улыбкой, короткими кивками благодарил публику и ловил на лету цветы.

Кальвини подождал, пока стихли приветствия, и, все так же повышая

тон, отрекомендовал:

- Победитель на международных состязаниях в Гамбурге, Риме, Бухаресте, борец-атлет, чемпион мира черный Чемберс Пепс!

Пепсу тоже здорово похлопали, но цветов не дали.

«Эх, - подумал огорченно Артемка, - черному и цветов-то жалко! Кабы знал, я бы ему целый куст с розами притащил...»

После парада началась борьба.

Сначала публика смотрела довольно равнодушно, но все изменилось, как только на ковер вышел чемпион России Иван Кречет и борец в голубой маске. Борец в маске бросал Ивана Кречета через бедро, через голову, поднимал на вытянутых вверх руках и бешено кружил в воздухе, мял, ломал, комкал и не давал ему ни минутки передышки, но Кречет выскальзывал, пружинно взвивался над противником и, в свою очередь, бросал его на ковер. Кальвини бегал вокруг борцов, держа наготове свисток, и выкрикивал приемы: «Тур-де-тет! Бра-руле! Двойной нельсон!» А на скамьях вскакивали с мест, кричали, свистели, хлопали.

Артемку цирк привел в восторг. За всю жизнь он не видел столько богатых, ярких нарядов, блеска и ловкости, как за один этот вечер. Долго он потом ворочался ночью в своей будке на скрипучей деревянной лавке, и ему все представлялось множество скамей, а на скамьях сидят люди и обмахиваются веерами.

На другой день Артемка опять явился в цирк - и прямо к греку-хозяину.

- Что тебе, мальчик? - нахмурился тот.

- Вы бы мне еще билетик дали на галерку, - попросил Артемка.

- О, какой нехороший мальчик! Все ходишь и ходишь... Савелий! Савелий!

Пришел дед Шишка, как мысленно назвал сторожа Артемка.

- Зачем пускаешь посторонних? Выведи мальчика по шее.

- Разве ж убережешь! - проворчал дед. - Они во все щелки лезут...

Пойдем!

Дед шел впереди, Артемка позади.

- Дед, - сказал Артемка, - давай я тебе латку на сапог поставлю.

Смотри, дырка какая.

- Еще чего! - сердито ответил дед. Но уже через минуту, помолчав, миролюбиво спросил:

- А ты сапожник разве?

- А то кто же!

Опять помолчав, дед сказал:

- Ну, допустим. Только как же я, к примеру, в одном сапоге ходить буду?

- Да разве ж это долго? К обеду я тебе и принесу.

- А ежели совсем не принесешь? Так мне всю жизнь и ходить в одном сапоге?

- Дед, - строго сказал Артемка, - ты Никиту Загоруйко знал? Спроси у людей: украл он хоть один сапог за всю жизнь? А я, брат, весь в него!

В этот день у Артемки было дело по горло: поставить деду на сапог латку раз, незаметно прокрасться в сад к купцу Адабашеву, где росли красные розы, два и, в-третьих, поймать хоть пяток бычков.

Больше всего ушло времени на купца Адабашева. Перелезть через забор было нетрудно, но на веранде долго сидели гости, пили чай и закусывали. Артемка лежал в кустах и ругался. И все-таки дождался...

Еще не стемнело, как Артемка уже сидел в комнатухе деда Шишки.

Дед натягивал начищенный до глянца сапог и, любуясь, говорил:

- Смотри, как разделал! Прямо зеркало или, к примеру, экипаж. - Он был очень доволен и сам сиял, как сапог. - Ну, а насчет представления - это мы устроим. Скажу билетеру, чтоб всегда беспрепятственно... Внук, скажу, мой - и все тут. Пусть только не пропустит!..

В тот вечер боролись два чемпиона мира: Клеменс Гуль и Чемберс Пепс. Еще с утра у кассы выстроилась очередь. Поклонники и в особенности поклонницы Клеменса Гуля принесли с собой в этот вечер массу цветов, и, когда Кальвини, вытягиваясь на носках, бросил, как боевой клич: «Гуль!», к ногам англичанина со всех сторон полетели цветы.

Казалось, оба чемпиона решили в этой встрече показать всю свою силу, ловкость и технику. Расчетливая медлительность Гуля вдруг сменялась молниеносным броском, тем более красивым, чем он был неожиданнее и для противника и для зрителей. Пепс нередко смешил публику простодушным удивлением, когда получал энергичный и быстрый отпор. «Ну, что ты скажешь!» огорченно отступал он и снова набрасывался на Гуля. Но, конечно, Пепс был и более силен и более ловок, да и техникой он не уступал Гулю. Галерка очень хотела его победы. Наоборот, в ложах хлопали только Гулю, а по адресу Пепса выкрикивали разные злые словечки.

На девятнадцатой минуте Пепс приемом тур-де-тет бросил Гуля через голову. Падая Гуль ловко стал на ноги. Но не успел он выпрямиться, как Пепс с помощью того же приема опять заставил его описать в воздухе дугу. На этот раз Гуль пошатнулся, но на ногах все же удержался. И сейчас же опять взлетел вверх, подброшенный с помощью того же приема. Так семь

раз подряд черной молнией набрасывался на него Пепс, и, не выдержав, Гуль бросился бежать. Пепс гортанно крикнул и понесся за Гулем. Но тут в ложах и на скамьях поднялся такой вопль, такие яростные крики: «Неправильно!», «Долой Пепса!», «Вон!», что бедный негр остановился и растерянно стал поворачивать голову то в одну, то в другую сторону, откуда неслись улюлюканье и свист. Кальвини протягивал руки к публике, умоляя успокоиться, но голос его тонул в общем гаме, вопле и свисте. Галерка сначала с недоумением следила за всем происходившим, но затем возмутилась и, в свою очередь, так закричала, что в нижних ярусах охнули и заткнули пальцами уши.

Пепс стоял посреди арены, растерянно озираясь и гневно поблескивая белками глаз. Вдруг от протянул вперед руки. Подождав, пока все смолкли, он тоном глубокого упрека сказал:

- Зачем ты кричишь? Зачем? Спроси Кальвини, он скажет: я правильно делал прием. Ты кричишь потому, что я черный.

Он хотел еще что-то сказать, но Кальвини засвистел и торопливо объявил, что первая встреча чемпионов мира закончилась ничьей.

Борцы пожали друг другу руку. Им бурно захлопали. К ногам Гуля полетели опять цветы. Сияя улыбкой, он ловко ловил их и кланялся. Пепс молча следил за полетом цветов и как-то пугливо отстранялся, когда они проносились близко от него.

Вдруг с галерки раздался крик, такой звонкий и радостный, что все невольно посмотрели вверх:

- Пе-епс, держи! Это тебе!

*С галерки, над головами публики, летел к Пепсу... целый куст,
зеленый, свежий, весь в огромных пунцовых розах.*

Пепс поднял голову. С галерки, над головами публики, летел к нему...
целый куст, зеленый, свежий, весь в огромных пунцовых розах.
Галерка восторженно закричала и захлопала.

Пепс положил руку на сердце и, глядя вверх, растроганно сказал:
- О мальчик! Какой большой спасибо!

РЫБОЛОВЫ

Вскоре Артемка стал в цирке своим человеком. Прямо с моря он шел к деду в комнату и там на керосинке зажаривал улов. Потом они оба садились за стол и с удовольствием ели сладких бычков. Если в комнату заходил кто-нибудь из артистов, дед кивал в сторону Артемки и объяснял:

- Внучок мой. Сапожный мастер. Ну, и рыболов, конечно. - Деду и впрямь стало казаться, что Артемка ему внук. - Способный парнишка - страсть! - хвастался он, выставляя вперед ногу в начищенном сапоге. - У нас в роду все способные.

Дед тоже пришелся Артемке по душе. Особенно Артемке нравилась независимость дедовых суждений: ни одно распоряжение администрации старик не исполнял без воркотни и презрительной гримасы. Бывало, скажут ему:

- Дед, подмети арену. Видишь, мусору сколько!
- Как это - подмети? - говорил дед. - Разве ж арену метут?
- Ну, прочисть граблями.
- Так бы и говорили! А то приказывают и сами не знают, чего приказывают. Начальники!

Дедова комната тоже нравилась Артемке. Правда, из мебели в ней было лишь два топчана да простой, без скатерти, стол. Но зато стены были сплошь оклеены разноцветными афишами, и даже там, где полагалось висеть иконе, красовался знаменитый бельгийский акробат Альберт Бюсси.

Однажды Артемка встретил в коридоре девочку-канатоходца. Она была в простеньком платьице, но вблизи показалась Артемке еще более красивой, чем с галерки. Сощурился, девочка выжидательно смотрела на подходившего Артемку. Он уже хотел заговорить, как она фыркнула и нараспев поддразнила:

Шишкин внук
Съел весь лук.

- Дура! - сказал Артемка и показал ей язык. Он прошел мимо, но потом вернулся, сел перед девочкой на землю и большим пальцем ноги почесал у себя за ухом.

- Ты человек-лягушка? - спросила девочка, перестав смеяться.

- Я человек-сапожник, - ответил Артемка. - Я могу тебе такие туфли сделать, в каких и царева дочка не ходит!

Девочка подумала и согласилась.

- Хорошо, - сказала она, - сделай мне такие туфли.

- А товар у тебя подходящий есть? - спросил Артемка.

Он постоял и, не дождавшись ответа от озадаченной девочки, пошел дальше.

Но самым замечательным было не это.

Как-то сидел Артемка на топчане в дедовой комнате и наматывал новую леску на удилице, И тут вошел Пепс. С тех пор как Артемка бросил ему целый куст роз, им встречаться не случалось. Увидев теперь Артемку, Пепс радостно сказал:

- О, какой приятный встреча, какой приятный встреча! - и протянул Артемке обе руки. Потом сел на топчан, открыл в улыбке свои белые зубы и молча погладил Артемку по голове.

Артемка смотрел на Пепса и не знал, что бы такое сказать ему приятное. Нагнувшись, он пощупал ботинки Пепса:

- Товар - первый сорт. Такого, верно, и в Петербурге не найдешь. Дорого заплатил?

- Пять долларов, - сказал Пепс, все так же улыбаясь.

Артемка не знал, что такое доллар, но солидно подтвердил:

- Такие стоят. Главное, товар крепкий. За такие и шесть дашь - не прогадаешь. - И неожиданно для себя, в порыве дружеского чувства, предложил: - Пойдем бычков ловить!

- Зачем? - удивился Пепс.

- Ну как «зачем»! Наловим, потом зажарим и съедим.

Удивление Пепса перешло в испуг.

- О-о, - закачал он головой, - это нет позволено - чужой бик жарить. Я не хочу тюрьма сидеть.

- Эх, ты! - сказал Артемка сочувственно. - Не понимаешь! Вот смотри.

- Он показал на удочку: - К морю пойдем, будем рыбу ловить.

- О, это хорошо, это очень хорошо! - радостно закивал головой Пепс.

Он сейчас же поднялся и надел шляпу:

- Когда я бил мальчик, я очень хотел рыба ловить. Мой патрон это не позволил. Я очень плакал...

Они вышли на улицу. У Артемки в руках коробка с червями и ведро для рыбы; Пепс несет потертый коврик и две удочки, такие длинные, что чуть не цепляет ими за телеграфную проволоку. Все на них оглядываются: ишь, мол, негр с мальчиком рыбу идет ловить.

Артемку так и распирает от гордости.

- Которые не понимают, те идут на банный спуск удить. А там разве бычок? Курям на смех, - говорил он. - Тем бычком и воробья не накормишь. А мы пойдем на мол.

Артемке казалось, что уважение к нему негра возрастет, если тот узнает, каких больших бычков ловит Артемка.

- Там во бычок! - повторяет он, отмеривая себе руку до локтя.

И вот они на молу. Сидят, свесив ноги. А внизу - сваи, позеленевшие и скользкие. О них тихонько плещет вода. В порту скользят гички и часто-часто стучат моторки. К причалу идет огромный, будто весь сшитый из ржавых листов железа грузовой пароход. Он трубит тяжким басом, и на взволнованной им воде, как ореховые скорлупки, прыгают лодки.

У Артемки то и дело ныряет поплавок. Он уже вытащил семь увесистых бычков. Поплавок Пепса спокойно лежит на воде, и это Пепса возмущает.

- Ну что ты скажешь! - говорит он с той же интонацией, что и на арене, когда противник не ложится на лопатки. - Не хочет кушать моя удочка. - Смотри, - учит Артемка, - вот как надо!

Он насаживает червя на крючок и, поплевав, ловко забрасывает грузило в воду. Через несколько секунд поплавок ныряет.

- О-о, - восхищается Пепс, - ты хороший охотник на рыба! Ты на рыба чемпион!

Постепенно вокруг них собираются зеваки. Они разглядывают Пепса, шепчутся. Пепс к подобному вниманию давно привык. Артемка же сначала гордится, но потом ему начинает казаться, что в этом есть что-то обидное.

- Ну, чего вы уставились? - не выдержал он. - Что, у него рот до ушей или на макушке капуста растет? Выпучили, как рыбы, глаза! Зеваки чертовы! То-то делать нечего!

Он хотел прибавить еще несколько слов, но Пепс вдруг радостно закричал:

- Клювает! Артиомка, клювает!

И на мол шлепнулся большой черный бычок...

Подсолнечное масло вышло еще третьего дня, и, пока Артемка чистил в дедовой комнате бычков, Пепс сам сбегал в лавочку за маслом и хлебом. А потом, когда сели за стол, щурил, как и Артемка, глаза и умиленно повторял:

- О, какой сладкий!

- Определенно, - поддакивал дед. - Не рыба, а, к примеру, бекмес.

- О, Артиомка - чемпион на рыба! - восклицал Пепс. - Пожалуйста, о

пожалуйста, будем завтра ловить рыба!

В этот вечер Пепс боролся в первой паре. За несколько минут он уложил противника, наскоро раскланялся и ушел с арены. А немного спустя посетители галерки с удивлением и любопытством смотрели, как он, уже одетый в свой коричневый костюм, пробирался между ними, кого-то ища. В самом конце галерки он взял за плечо стиснутого между людьми парнишку и вместе с ним вышел на лестницу.

- Слюшай, - торопливо заговорил Пепс: - Шишка сказала - хороший рибашник ходит ночь ловить рыба. Ночь рыба очень клювает. Пойдем, Артиомка, мы очен много бичков поймайт.

- Что он выдумывает! - удивился Артемка. - Ночью рыбу не удят. Он пьяный, наверно?

- Нет, Шишка не пьяная. Шишка трезвая. Пойдем, Артиомка!

- Ну, ладно, только давай досмотрим борьбу.

- Зачем смотреть? Пойдем, Артиомка, пожалуйста, пойдем! - попросил Пепс.

- Ну, пойдем, если тебе так хочется, - согласился Артемка.

И вот опять у ног их плещется вода. В воде дрожат звезды. Вдали скользит черный силуэт лодки. Тихо так, что слышно, как скрипят в уключинах весла.

Пепс и Артемка смотрят на поплавки. В ночной темноте они еле видны: глаз то улавливает их, то вновь теряет, и от этого кажется, что они ныряют.

- Клювает... - шепчет Пепс и подбрасывает удилице.

Но крючок пуст, даже червяк не съеден.

- Ну что ты скажешь! - жалуется негр.

- Слушай, Пепс, - говорит Артемка, потеряв терпение: - что ты ночью делаешь? Спишь или не спишь?

- Спишь, - отвечает Пепс.

- А может, бегаешь по улицам, борщ с котлетами ищешь?

- Нет, я спишь.

- Ну, а рыба, по-твоему, что делает ночью?

Пепс молчит. Потом спрашивает неуверенно:

- Рыба тоже спишь?

- Ну да! Когда ж ей спать, как не ночью!

- Значит, Шишка пьяная, - решает Пепс и сматывает удочки.

Но уходить не хочется. В городе духота, а здесь прямо в лицо дует свежий ветер.

Пепс растягивается» прямо на молу, только коврик под головой.

Артемка примащивается рядом.

Сверху подмигивают звезды. Тихо, не жарко, и никто не глазеет. Хорошо!

- Знаешь что? - говорит Артемка. - Ты бы мне рассказал про чужие земли. Там, верно, все в манишках ходят. Ты в Турции был?

- Бил. Я в каждой страна бил.

- Ну какие там люди?

- В каждой страна есть хороший люди и есть плёхой люди. Хороший бедный, плёхой богатый. Я бил Франции и очень плакал, потом бил Германии и тоже плакал.

Артемка вспомнил, как всхлипывал Пепс на топчане у деда, и спросил:

- Ну как, дали тебе роль?

- Нет, Самарин очень злая, очень, очень злая.

- Дед Шишка говорит, что роль - это в колотушку стучать. Правда это?

- О нет! Это глупа! Роль - это делать так, чтоб люди плакал, чтоб люди смеялся, чтоб у люди чувство хороший бил. Роль делает артист. Я очень, очень люблю артист!

Удивительные вещи рассказывает Пепс! Оказывается, можно сидеть в зале и за один вечер увидеть и услышать все, о чем рассказано в толстой книге. Надо только, чтобы артисты хорошо делали свои роли. Когда артисты хорошо делают свои роли, то люди думают, что так все и есть на самом деле, как показывают артисты. И тогда люди и плачут, и смеются, и ненавидят, и любят. А бывает и так, что артисты не разговаривают, а только всё руками объясняют. Тогда это будет называться пантомимой. И это тоже хорошо. Он, Пепс, очень хочет делать в пантомиме роль. Пепс плохо говорит по-русски, но ведь в пантомиме говорить не надо. В пантомиме Пепс тоже может играть, но Самарин не дает ему роли. А борьбу Пепс не любит. Борьба - блеф, обман.

- Как обман? - не понимает Артемка. - Как же это обман?

И тут он узнает такое, от чего сразу тускнеет весь его интерес к борьбе. Оказывается, что чемпиона Греции Маргули Пепс мог бы положить на лопатки сразу же, на первой минуте, а положил только на пятой, потому что так велел Кальвини. Иначе публике будет неинтересно. Пепс может положить и Гуля, но ему никогда не позволяли класть Гуля, и всегда их борьба кончалась вничью. Вот и теперь его заставят заболеть, и первое место займет Гуль. Он, Пепс, может всех положить на лопатки. Он не может положить на лопатки только русского борца Ивана Поддубного, потому что Иван Поддубный сделан из железа. Пепс боролся с ним и в Лондоне, и в Петербурге, и в Брюсселе, и везде Поддубный клал Пепса на

лопатки.

Потому Поддубный и называется не чемпионом мира, а королем чемпионов.

Пепс еще много рассказывает интересного. Но бледнеет небо, звезды сжимаются и пропадают, и уже явственно видны стоящие в порту баржи, и греческий пароход «Полонес», что привез лимоны, и огромный черный «Георг», в который уже пятый день сыплют и сыплют пшеницу.

- Ну, давай закинем, - говорит Артемка. - Теперь как раз время. Рыба рано просыпается.

И действительно, к тому времени, когда из воды только показался сверкающий край солнца, в ведрах у рыболовов уже плавало до полусотни черных увесистых бычков.

- О, какая умная Шишка! - удивлялся Пепс, вытаскивая бычка за бычком. - Очень, очень умная Шишка!..

СЧАСТЬЕ ПЕПСА

По городу ходит человек со скучным лицом. Он немного прихрамывает. В одной руке у него ведро с клейстером и помазком, в другой - сверток разноцветных листов бумаги.

Хромой человек клеит афиши не только на вертушках, но и на всяком мало-мальски подходящем месте. Клеит он их и на Артемкиной будке. Раньше Артемка афиш не читал. Побывав же раз в цирке, он уже ни одной афиши не пропускал и читал все подряд, до самой последней и самой мелкой строчки, в которой говорилось, что афишу разрешил печатать полицмейстер подполковник Жуков.

Артемка знал, что в цирке готовят пантомиму. Иногда ему даже удавалось видеть, как собравшиеся на арену цирковые артисты, борцы и униформисты молча размахивают руками, дерутся деревянными мечами, кланяются, а Самарин, короткий, толстый человек с бритым лицом, стоит посередине арены и кричит:

- Где ваша мимика? Где ваша мимика, черт вас возьми?! Пахомов, сделайте улыбающееся лицо! Улыбающееся, я говорю, а не идиотское!

Артемка с любопытством ждал пантомимы и всякий раз выскакивал из будки, как только слышал, что снаружи по стене гуляет помазок.

Наконец появилась долгожданная афиша. Она была едко-зеленого цвета и вдвое больше обыкновенной. На афише стоял толстый мужчина в широченных штанах, на бритой голове косичка, усы вниз, и целился из ружья в черноусого красавца.

«Тарас Бульба», - прочитал Артемка название пантомимы и подумал: «Если б не я, не видать бы вам ни Тараса, ни Бульбы!»

- О, Артиомка! - услышал он сзади. - Я очень много искал твой фабрик. Где есть твой фабрик?

- Это и есть моя фабрика, - сказал Артемка с гордостью. - Короче, мастерская по починке обуви и заливке калош, или, что то же самое, сапожная будка.

Будка была закоптелая, вся в заплатках и мелких щелях. Пепс только покачал головой. Потом он подошел ближе к афише и провел пальцем под крупной печатной строчкой: «Участвуют все артисты цирка и весь состав чемпионата».

- Это не есть правда, - сказал он.

- Так и не дал, значит, тебе Самарин роли?

- Нет, он очень плёхая, Самарин.

- Хулиган, короче, - сказал Артемка.

- Хулиган, - согласился Пепс. Он вынул из бокового кармана небольшой томик и дал его Артемке:

- Вот, Артиомка, это я купил в магазине. Пойдем твоя фабрик. Я очень плёхо знаю русский слова. Ты будешь читать, я буду слушать Я очень буду слушать.

Артемка развернул томик. Это были повести Гоголя и в их числе «Тарас Бульба».

- О, - обрадовался Артемка, - это ты здорово придумал! - И тут же встревоженно спросил: - А ты в будку влезешь?

Пепс взглядом измерил будку и уверенно сказал:

- Влечешь.

- Ну, пошли!

В будке Пепсу неудобно: спина согнута, голова упирается в полку с колодками, ноги - в стену. Но он, кажется, этого не замечает и не сводит с Артемки глаз.

Какая, однако, досада, что так часто попадаются непонятые слова! Пепс то и дело кладет руку на книгу и, прерывая чтение, спрашивает:

- Что есть свитка? Что есть отчизна? Что есть чертовы ляхи?

Артемке и самому многие слова непонятны. Все-таки, что знает, он объясняет:

- Свитка - это шуба, или, короче, пальто. Чертовы ляхи - это которые життя казакам не давали.

Но если отдельные слова и остались непонятными, зато во всем ходе событий Пепс разобрался прекрасно, и повесть пришлась ему как нельзя больше по душе. Слушая ее, он вздыхал, качал головой, закрывал глаза и все шептал какие-то непонятные Артемке слова. К Андрию он отнесся презрительно в самом начале. А когда услышал, как тот, разнаряженный, выехал на великолепном аргамаке вместе с польскими шляхтичами, чтобы рубить своих же братьев-казаков, то гадливо поморщился и сплюнул в лохань.

- Такой сердце надо собакам бросать! - сказал он.

Зато от Остапа был в восторге и все повторял:

- О, Остап, о, это хорошая казак!

А когда Артемка прочитал: «Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап...» - кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных», Пепс схватился руками за голову и застонал.

Наибольшее впечатление произвел на Пепса сам Бульба... Человек, убивший своего сына за измену родине и так страшно отомстивший поработителям, казался ему существом сверхъестественным. Он не спрашивал, существовал ли Тарас на самом деле; он видел Тараса как живого и пугал Артемку то гневными, то радостными выкриками.

Впрочем, Артемка и сам был захвачен не меньше.

За всю жизнь Артемка прочитал всего лишь две книги: «Как львица воспитала царского сына» и «Джек-потрошитель». Но в этих книжках рассказывалось не о настоящей жизни, а о такой, какую выдумывают для забавы. Потому и отношение Артемки к книгам было такое же, как к забаве. А тут вдруг самые настоящие люди, самая настоящая жизнь, - это Артемка почувствовал сразу.

Когда последняя страница была дочитана и Артемка поднял глаза на Пепса, тот сокрушенно покачал головой:

- Плёхо, о, плёхо!

- Как плохо? - возмутился Артемка. - Что ты!

- Зачем искал люлька? Люлька можно другой купить. А другой Тараса нет.

- А ты что хотел? Чтоб из Тарасовой люльки всякое барахло курило?

- Что есть барахле? - спросил Пепс.

- Барахло? Ну, это такой человек, у которого вместо головы лохань, а совести никакой, - ответил Артемка. - Короче - дрянь. Понятно? Ой, да что это мне есть захотелось! - сказал Артемка.

Пепс взглянул на часы: было уже около трех.

- Ты сегодня кушал? - спросил он Артемку.

- Я нет сегодня кушал, - ответил Артемка, из озорства ломая язык.

- Почему? - наивно удивился Пепс.

Артемка хотел сказать, что у него такой характер - не кушать, но промолчал, и отвернулся к окну.

Пепс некоторое время смотрел на него с недоумением, но вдруг испуганно заторопился:

- Пойдем, пойдем ресторан, Артиомка! О, Пепс, какой ты есть глупый дурак!

На площадке мраморной лестницы Артемка увидел в большом золоченом зеркале всего себя: полинялая рубаха без пояса, босые, в серой пыли, ноги, а на штанах бахрома. Заглянул Артемка в зал, а там хрустальные подвески на люстрах и лакеи в манишках.

- Пепс! - сказал он. - Ну, чего нам тут делать? Пойдем в харчевню.

Но навстречу им уже скользил по паркету официант и с брезгливой

почтительностью вытягивал вперед шею.

От консоме Артемка пришел в ярость: ни капусты, ни картошки - одна вода, и эту воду почему-то надо есть ложкой. Но беф-строганов съел с удовольствием. И все-таки, когда Пепс спросил, не хочет ли Артемка еще кушать, он не задумываясь ответил:

- Борща и каши гречневой, во!

Прямо из ресторана они отправились в цирк. Там на четыре часа была назначена генеральная репетиция «Тараса Бульбы», и им не терпелось увидеть в лицах только что прочитанную повесть.

Но то, что они увидели, совсем не было похоже на репетицию: «поляки» и «казаки» сидели вместе на барьере арены и мирно курили, а по арене, ероша волосы, бегал Самарин и иступленно орал:

- Зарезал! Зарезал без ножа, проклятый человек! Ну что, ну что, ну что-о я теперь буду делать?! Ради бога, ради черта, скажите мне, что я теперь буду делать?!

Ему не отвечали. «Поляки» и «казаки» продолжали пускать спокойно дым из носа.

- Почему Самарин злая? - спросил Пепс, подсаживаясь к одному из «поляков».

- Дядя Вася по пьяному делу ногу вывихнул, теперь некому Бульбу играть.

Пепс с минуту подумал, потом решительно перешагнул барьер и остановился перед Самариним.

- Я есть Бульба, - сказал он. Самарин оторопело взглянул, хотел было раскричаться, но только покачал головой.

- Ты есть идиот, - сказал он сочувственно.

- Я есть Бульба, - упрямо повторил Пепс и вынул из кармана книжку. - Артиомка читал, я слюшал. Я все понимал. Я хочу делать Бульба.

Тогда Самарин поднял руки вверх, точно собрался прыгнуть на трапецию:

- Нет, это черт знает что! Когда же моему терпению наступит конец? Я спрашиваю вас: где видано, чтобы негр, черный негр играл запорожского казака! Где?!

Потом опустил руки и спокойно, как ни в чем не бывало сказал;

- Начинаем. Картина первая: Остап и Андрий слезают с коней, Бульба удивленно смотрит на их свитки. Пепс, становись здесь! Руки в бока. Вот так. Выше голову! Еще выше! Так.

Репетиция началась.

Когда какой-то «лях» подошел к Артемке и попросил сбежать за

папиросами, тот даже головы не повернул.

- Ты что, Шишкин внук, оглох? - удивился «лях». Нет, Артемка не оглох, он просто перестал существовать для всего мира. Он не оглох - наоборот, он весь превратился в зрение и слух. Слушает он только то, что говорит Самарин, и каждый раз страшно боится, что Пепс не сделает так, как тот показывает. Но бояться нечего: Пепс делает все так... да, так, - это видно даже из того, что Самарин уже не кричит, а только поправляет, даже называет Пепса милым другом. Нехорошо только, что Пепс горячится. Самарин то и дело напоминает ему:

- Спокойнее, спокойнее! Ты Бульба, а не факел в бурю.

Кончилась репетиция лишь перед самым началом представления, когда участвовавшим в первом отделении уже надо было идти переодеваться. От волнения и усердия Пепс даже взмок весь, как после долгой борьбы. Когда он уходил с арены, лицо его сияло от счастья.

- Артистка, ты видел, ты видел? - допытывался он. - Хорошо я делал Бульба?

Он радовался, как ребенок, и все спрашивал, «будет ли объявлено публике, что вместо заболевшего дяди Васи роль Бульбы исполнит Пепс.

- Будет, будет, - успокаивал его администратор и тут же распорядился, чтобы заготовили несколько наклеек на афиши.

Впрочем, наклейки так на афиши и не попали. Самарин сказал:

- Не надо. Неудобно перед публикой. Да и черт его знает, как к этому отнесется начальство.

И Артемка видел, как готовые уже наклейки с именем Пепса бросили в ящик.

«Как это - неудобно?» - подумал он.

Но Пепсу Артемка ничего не сказал: тот был в таком восторге! Около него суетились гример, костюмер и парикмахер. Его одевали, под одежду подкладывали подушки, мазали лицо и руки белилами, лепили из замазки нос.

Первое отделение было занято обычным цирковым представлением. Пантомиме отвели второе и третье отделения. Пантомима шла впервые, и в цирк набралось столько народу, что Артемку чуть не задавили на галерке. Сначала в публике недоумевали: как это, мол, так - ходят люди, руками размахивают, а ничего не говорят. Но потом, в следующих картинах, вошли во вкус и стали даже поощрять действующих лиц.

- Держись, держись! - кричали с галерки, когда на Остапа со всех сторон надели ляхи. - Бей их, Бульба, бей! Вот так! Еще наддай, еще!

И актеры старались что было сил.

Первая часть пантомимы кончилась под громкие хлопки и выкрики. Вызывали дядю Васю и Кречета, который исполнял роль Остапа. Пепс выходил на арену и как-то странно кланялся. Казалось, он что-то хотел сказать и не решался.

- Это не дядя Вася! - кричал Артемка на галерке. - Это Пепс! Ей-богу, Пепс!

Но на него никто не обращал внимания. Успех Пепса был явный, и Артемкины страхи как рукой сняло. Но как публика не понимает, что это Пепс, а не дядя Вася!

Ведь дядя Вася ниже Пепса. Артемка прикладывает руки трубкой ко рту и, перекрывая мужские басы, по-петушиному орет:

- Пе-е-епс! Браво, Пе-е-епс!

- Тю, дурак! - говорит рядом какой-то мастеровой, явившийся в цирк с рубанком и пилой. - То ж дядя Вася, а не Пепс.

- Дядя Вася? Дядя Вася? - У Артемки чуть слезы не брызнули из глаз. - А я говорю - Пепс! Вот ей-богу, Пепс!

И тут мелькнула у него смелая мысль. Он оттолкнулся от перил и стремглав понесся вниз по лестнице. Через несколько минут наклейки, валявшиеся в мусорном ящике, уже красовались на афишах.

- Вот так! - говорил Артемка, намазывая клейстером последнюю наклейку. - Ишь, ловкачи какие - чужую игру заедать!

Люди выходили в антракте из цирка, толпились у афиш и удивлялись:

- Так это был негр?! Смотри ты, как Бульбу разделал!

И Артемка, довольный, помчался к Пепсу рассказывать, что про него говорят в публике.

Пантомима имела огромный успех, особенно последняя картина. Конец повести был изменен так, что отступающие казаки снова наступают, в жестокой схватке разбивают поляков и уносят на руках уже мертвого Тараса.

Пепса вызывали шесть раз. Он выходил, кланялся и прижимал руку к сердцу, а ему со всех сторон разноголосо кричали: «Пе-епс!», «Пе-епс!», «Бульба-а!».

Артемка стоял у малиновой портьеры и кричал громче всех. Уходя с арены, Пепс увидел его, засмеялся, сам захлопал в ладоши:

- Артиомка, Артиомка! Я такой, такой...

Он хотел сказать: «Я такой счастливый!», но от волнения забыл, как произносится это слово по-русски.

- Я такой...

Он не договорил, схватил Артемку на руки и подбросил высоко вверх.

ЛЯСЯ. ПЕПС ГРУСТИТ

Эта девочка-канатоходец прямо-таки изводит Артемку. Она останавливается и смотрит на него, щурясь и улыбаясь. Но лишь Артемка подойдет ближе, она делает строгое лицо и уходит. Нет, Артемка к ней больше никогда не подойдет и не заговорит. Ей, наверно, завидно, что с ним дружит сам Пепс. Ну что ж, он, Артемка, знает, о чем поговорить с мужчинами, оттого мужчины и водят с ним дружбу. А о чем ему говорить с ней?

Но, когда девочка ходит по канату, Артемке делается жалко ее. Он и сам не знает почему. Может быть, потому, что ей страшно ходить по канату. Да, Артемка уверен, что ей страшно. Он однажды видел, как у нее соскользнула нога и она не могла найти равновесие. Но и тогда она все складывала губы в улыбку, потому что на арене полагается улыбаться, а губы не слушались и от страха прыгали. Артемка хотел подбежать под канат и поймать ее, если б она сорвалась. Но она не сорвалась, и Артемка даже немного пожалел об этом, потому что как бы это было хорошо, если б она падала, а он подскочил бы и подхватил ее.

Но, хотя Артемка и решил больше с ней не разговаривать, все-таки заговорить пришлось. Как-то зашел он в комнату деда, а на топчане сидит девочка-канатоходец и разматывает удочку. Увидя Артемку, она растерянно встала и поставила удочку в угол.

- Ты зачем мою удочку трогала? - обрадовался Артемка случаю придраться.

Девочка взмахнула ресницами и, обдав Артемку холодом светлых, каких-то сиреневых глаз, пошла к выходу.

- Подожди, - сказал Артемка, сразу меняя тон. - Ты не думай... Разве ж мне жалко?.. Я только так...

Девочка остановилась у дверей и опять сощурилась.

- А я твоей удочкой здесь рыбу ловила, - поддразнила она.

- Вот же какая ты... смешная! - сказал Артемка снисходительно. - Разве ж это игрушка?.. Я этой удочкой настоящую рыбу ловлю в море, понимаешь? Я раз этой удочкой такую сулу поймал, что сам испугался: думал - акула.

Девочка улыбнулась.

- А где же твои обещанные туфли, в каких и царевы дочери не ходят? - вдруг спросила она.

- Сделаю, - серьезно ответил Артемка. - Только вот товар достану - и сделаю... А насчет рыбы ты не сомневайся, хоть у Пепса спроси. А то - чего лучше - пойдем с нами. Хочешь?

- Хочу, - быстро согласилась девочка и перестала улыбаться.

- Ну вот! - обрадовался Артемка. - Сейчас Пепс придет и потопаем. Тебя ж пустит Кубышка?

Кубышка - отец девочки, клоун. Девочке смешно:

- Пусть только не пустит, я ему покажу!

На небе ни облачка. Солнце заливает море, а в море прыгают, слепя глаза, миллиарды светлых точек.

У Пепса на лице блаженство. Голова его еще кружится после вчерашнего успеха. Ведь он так любит театр! Правда, это было не в театре, а в цирке, но и в цирке тоже хорошо. Радует Пепса и солнце. Оно сегодня такое жаркое, что прогревает Пепса насквозь.

Пепс никогда раньше рыбу не ловил, а только мечтал об этом. Но ему сейчас кажется, что когда-то, давным-давно, он так же вот сидел над водой, так же смотрел на поплавок, жмурясь от солнца, и так же было у него легко и приятно на душе.

*Все радуется Пепса, но больше всего то, что рядом с ним —
Артемка и сиренеглазая девочка.*

Все радуется сегодня Пепса, но больше всего - что рядом с ним сидят Артемка и сиренеглазая девочка. Может быть, и на душе потому так тепло, что вот сидят они здесь, рядом, болтают и доверчиво кладут свои

маленькие руки на его большую черную руку, когда о чем-нибудь спрашивают.

- Когда я была маленькая, - рассказывает девочка, - мы ходили с Кубышкой по дворам. Кубышка играл на скрипке, а я танцевала. И с нами еще ходила собака Мотька. Только она была глупая. Ее Кубышка каждое утро учил танцевать, а она только лизала ему пальцы и визжала. Так и не выучилась!

- И у меня тоже бил собака, - сказал Пепс, - я гулял с ней по Фридрихштрассе. Она увидела полисмен и сказала: «Гав!» И полисмен убил моя собака.

- Собака собаку всегда тронет, - заключил Артемка. - А почему тебя на афишах печатают: «Мамзель Мари»? Ты не русская? - спросил вдруг он девочку.

- Не мамзель, а мадемуазель, - поправила она. - Это для публики, чтоб думали, будто мы французы. А меня по-настоящему зовут Маруся. И, кроме того, Ляся. Это меня так папа зовет.

- А почему твоего отца зовут Кубышкой?

- А это потому, что у него такая голова, на кубышку похожа... Это я его так назвала - Кубышка.

- У нас на базаре одну торговку тоже смешно зовут: Дондышка. Она когда напьется, то говорит: «Эх, выпила все до дондышка!»

Лясе показалось это смешным. Засмеялся и Пепс, хоть и не вполне понял. Поощренный, Артемка начал рассказывать одну смешную историю за другой.

У Пепса от смеха тряслись плечи, а у Ляси даже слезы на глазах заблестели.

- Ой, какой же ты смешной! - заливалась она, падая головой Пепсу на колени, и Артемке казалось, что в горле у нее колокольчик звенит. - Да ты ж настоящий артист!

Вдруг лицо ее стало серьезным.

- А знаешь что, - сказала она: - ведь ты сможешь и Джона сыграть! Конечно, сможешь, я даже уверена!

- Какого Джона? - не понял Артемка.

- Ну, Джона, понимаешь? Самарин новую пантомиму ставит: «Дик, похититель детей». Там есть две роли: девочки Этли и мальчика Джона. Это дети американского миллионера. Этли буду играть я, а Джона некому играть. Я слышала, как Самарин говорил хозяину: «Черт возьми, где бы это достать мальчишку?» Хочешь, я скажу ему?

- Что ты! Разве ж это можно?

- Артиомка, клювает! - крикнул Пепс. Поплавок Артемкиной удочки плясал как бешеный, но Артемка смотрел не на поплавок, а на Лясю и по лицу ее старался узнать, дразнит она его или говорит серьезно.

- Но почему же нельзя? - сказала она, и лицо ее приняло рассудительное выражение. - Конечно, можно.

- Да я ж... - Артемка запнулся. - У меня ж и пояса нету...

- Пояс тебе дадут, - успокоила она. - И чулки, и ботинки, и тужурку - все. Правда, дядя Пепс? Ну, хочешь, я скажу?

В тот же день Шишка сказал Артемке:

- Сдается, парень, тебе оракул выпал. Иди, Самарин зовет. Он там, у грека в кабинете, сифон пьет. Не иначе, как на работу нанимать будет. Акробатом. А может, по шее накостьляет. Очень даже просто: не шлейся на даровщину в цирк.

Но Артемка лучше знал, зачем его зовут, и немедленно явился в знакомую уже комнату. Там, как и раньше, за столом сидел горбоносый грек и считал на счетах, а Самарин, сидя напротив, глотал коньяк и запивал сельтерской.

Видя, что на него не обращают внимания, Артемка сказал:

- Вы звали меня?

Самарин взглянул, выпучил глаза и, не успев проглотить, прыснул сельтерской на пол:

- Ой, умру!.. Убил!.. Посмотрите, посмотрите на это чучело!.. Сын миллионера!.. Без пояса!.. Заплатанный!.. Ха-ха-ха!..

- Это тот мальчик, что пантомиму нашел, - узнал грек. - О, хороший мальчик! Только дырок много.

- Ой, да хоть не смешите вы!.. Дырок много! Да он весь сплошная дырка!

И сейчас же, как будто и не он только что смеялся, деловито сказал:

- Ну, приходи в пять часов на репетицию. Да подпояшься чем-нибудь! Миллионер!

Артемка вышел красный и растерянный. Он не знал, чего ему больше хотелось: обнять Самарина или стукнуть его кулаком по животу, чтоб не хохотал.

К пяти часам собралось на репетицию человек пятнадцать. Пришел и Пепс Он был, видимо, чем-то встревожен и нервно поворачивал голову ко всякому, кто заговаривал о пантомиме. У Артемки горели уши. Ляся сидела рядом и ободряла:

- Ты не бойся! У тебя обязательно выйдет.

Из-за портьеры появился Самарин. От него несло перегаром, но к этому все привыкли.

- Ну-с, так, - сказал он, сядя на столик посредине арены. - Можно начинать. Пантомиму все знают? Нет? Слушайте. У миллионера Уптона двое детей Этли и Джон. Их выкрадывает знаменитый похититель детей, негр Дик Бычий Глаз. Смелый мальчик нашел способ бежать, но Дик догоняет детей и жестоко избивает. Между тем миллионер обратился к знаменитому сыщику Нату Пинкертону. Сыщик находит преступника и освобождает детей, а Дик кончает жизнь на электрическом стуле. Ну-с, начнем! Картина первая: Джон и Этли играют в теннис. Шишкин внук, становись здесь, Мари, стань напротив. Начинайте!

Вслед за тем Самарин срывается с места и в ужасе кричит:

- Стой! Стой! Ты что делаешь? Что ты де-е-елаешь?

- Играю, - говорит огорошенный Артемка.

- Играешь? Во что играешь? Во что?

- Ну, в бабки...

- В бабки?.. О боже мой! Да где же ты видел, чтобы дети американских миллионеров играли в бабки? В теннис, понимаешь, дурья голова, а не в бабки! В бабки играют дети сапожников, а не миллионеров. Становись сюда. Смотри, как я буду играть с Мари. Я бью по мячу. Мари отбивает мяч. Я опять посылаю мяч, Мари вернула.

К удивлению присутствующих, Артемка довольно сносно подражает. Ляся хлопает в ладоши и радуется:

- Ну, вот видишь! Я же говорила!

- Так, - кивает Самарин, - правильно. Совсем другое дело. Правильно. Ну-с, в это время Дик со своими сообщниками перелезает через забор и прячется в кустах. Забор здесь. Кусты здесь! Пепс, лезь!

Пепс поднимается с места, в волнении глотает воздух и опять садится.

- Ты что? Нездоров? - спрашивает Самарин. Пепс хочет ответить, но только проводит ладонью по лицу.

- Ну, что же ты?

Пепс поднимается, вздыхает и направляется к «забору».

«Пьяный, - решает Самарин. - Или влюбился в кого?»

Репетиция продолжается.

Но одно дело - играть в теннис, а другое - показать манеры сына американского миллионера.

Самарин ругает Артемку идиотом, сапогом, растопыренной лягушкой. У Артемки от старания взмокли волосы, но манеры не получаются. А тут еще Артемка высморкался без помощи платка. Увидя это, Самарин

отпрянул назад и в ярости закричал:

- Вон! Вон с арены! Чтоб духу твоего здесь не было! Искалечу!..

Артемка в страхе бросился на конюшню, где стояла цирковая лошадь Роза. Но Самарин «отошел», и Артемку вернули на арену.

Когда наконец Самарин объявил, что «на сегодня хватит», Артемка пробрался в дедову комнату, лег там на топчан лицом вниз и расплакался. С тех пор как умер отец, он ни разу не плакал, а тут слезы так и лились, и от них щеки его стали мокрыми. Он всхлипывал и рукавом утирал лицо и не видел, что над ним стоит Ляся и жалобно кривит губы. А потом, когда увидел, то сказал:

- Ну, чего ты?.. Сама втравила меня, а теперь смеешься...

- Я не смеюсь, что ты! - сказала Ляся. Она села на топчан, обняла Артемкину голову и поцеловала его в мокрую щеку. И от этого Артемке еще больше захотелось плакать.

- Ты понятливый, - утешала она его, - только у тебя манеры не такие. Вот в Астрахани Джона играл гимназист. Он совсем плохо играл, а манеры у него были настоящие. А ты нос пальцами вытираешь, кулаками все время размахиваешь и в затылке чешешь. Потому на тебя Самарин и кричит.

- И черт с ним! - сказал Артемка, все еще всхлипывая. - Пусть он сам и играет Джона, когда так.

- А знаешь что? Пойдем сейчас на арену и будем сами репетировать. Там уже никого нет. Пойдем!

- Как же это? Без Самарина?

- А на что он нам! Я ведь знаю, как эту роль играть. Я четыре раза в этой пантомиме участвовала. Пойдем, а?

Артемка посмотрел на нее, вытер в последний раз рукавом лицо и поднялся с топчана.

- Ладно, - сказал он, - но только чтоб без насмешек!..

Уже на другой день Самарин заметил, что в движениях Артемки стало больше уверенности и сдержанности. Правда, когда он ходил по арене, то все еще двигал локтями и плечами, будто пробирался сквозь толпу, но уже затылок не чесал и кулаками не размахивал. А еще спустя два дня перестал и локтями двигать.

Особенно Артемке не давалась сцена, в которой Джон смело и с достоинством отказывается написать отцу письмо с просьбой о выкупе. Но, когда удалась и эта сцена, Самарин, не знавший, что наряду с ним действует другой режиссер, хвастливо воскликнул;

- Видали? Да я медведя научу герцогским манерам, а не то что...

И тут же придумал историю, как у него в Ярославле роль принцессы исполнял бродяга и как к этому бродяге приходили объясняться в любви местные поклонники.

Артемка ободрился и повеселел, но поведение Пепса его тревожило и озадачивало. А с Пепсом действительно творилось что-то неладное. На репетиции он опаздывал, а раз и совсем не явился, так что за ним пришлось посылать деда Шишку. Репетируя, он нервно поводил плечами, будто ему было холодно. От прежнего энтузиазма, с которым он играл Бульбу, не осталось и следа. Он поблек и, казалось, даже похудел. В глазах его были тревога и тоска.

«Что такое?» - думал Артемка. В эти дни, занятые репетициями, ему почти не приходилось оставаться с Пепсом наедине. Но раз, заглянув в конюшню, Артемка увидел, что Пепс стоит перед Розой, гладит ее между ушами и что-то тихо говорит. Артемка подумал, что Пепс болен, и спросил:

- Ты что? Нездоров?

Пепс взглянул и покачал головой.

- Здесь, - показал он на сердце, - очень болит.

Он еще что-то хотел сказать, но пришел конюх, и Пепс замолчал. А потом Артемку и Пепса позвали на репетицию. Так Артемка и не узнал, отчего загрустил его приятель.

БОЛЬШОЙ ДЕНЬ. СКАНДАЛ. ОВАЦИИ

Артемка не знал, чего он больше хочет: чтобы этот день пришел поскорее или чтобы он не приходил никогда. Чем он ближе, этот день, тем страшнее становилось Артемке.

Накануне он долго не мог заснуть: ему казалось, что в будке особенно душно и особенно тяжело пахнет кожей. Пошел дождь и долго выстукивал о крышу что-то тревожное. Заснул Артемка перед рассветом. А когда проснулся, то было такое чувство, будто и не спал вовсе, а только на минутку закрыл глаза. Через кругленькую дырочку прямо в глаза бил солнечный луч. С улицы доносился скрип телег, людской говор, топот. Артемка скинул с двери крючок и выбежал наружу. Там на стене будки, сияя в солнечном свете, уже висела огромная желтая афиша, а по афише, будто по пескам пустыни, бежал страшный негр и тащил за руки двух перепуганных детей - мальчика и девочку.

- Ох! - даже присел перед афишей Артемка.

Еще вчера вечером он думал: не дать ли дёру? Если что и останавливало, так это боязнь Лясиного презрения. А сейчас, увидя афишу и свое изображение на ней, он понял, что увильнуть никак невозможно, разве только броситься в море.

Этот день показался Артемке бесконечно длинным; даже не верилось, что в один день может вместиться так много разного. Сначала он сидел в костюмерной, и на него шили белые брюки и белую сорочку. Потом костюмер повел его в обувной магазин и там купил ему белые туфли. Затем они пошли в галантерейный магазин и купили белые носки, платочек и... галстук. Да, самый настоящий галстук, светло-голубой с белыми полосочками наискосок. Потом пошли в парикмахерскую. Здесь Артемку подстригли и причесали. Костюмер приказал, чтобы пробор был посередине, и парикмахер долго крутил круглый колючий еж, прежде чем волосы перестали топорщиться.

Потом была генеральная репетиция. Увидя Артемку в белом теннисном костюме, Самарин затрясся от хохота и так замахал руками, будто отгонял осу.

- Ой, не могу! Ой, не могу! - стонал он. Но вдруг успокоился и деловито сказал костюмеру: - Так. Вполне прилично. Вполне.

Когда репетиция кончилась, Ляся подошла к Самарину и сказала, что с Артемки снимать костюм не надо, а лучше пусть он, Артемка, ходит в

костюме до самого представления.

- Это чтоб привыкнуть к нему, чтоб лучше в нем держаться, - сказала она.

И Самарин с ней согласился:

- Пусть ходит.

Пепс, Кубышка, Ляся и Артемка пошли в ресторан я там обедали.

У Кубышки голова как кувшин и мохнатые брови. Он рассказывает очень смешные истории, но сам не смеялся и смотрел сумрачно, даже сердито.

Угощал Пепс. Он повеселел, поздравлял Артемку с предстоящим дебютом и все улыбался, обнажая удивительно белые зубы.

- Не болит уже тут? - спросил Артемка, показывая взглядом на сердце.

- О, я сегодня очень скажу публик! - Пепс поднял вверх палец. - Очень, очень! - и засмеялся.

Артемка хотел спросить, как это можно «очень сказать публик», когда в пантомиме разговаривать не полагается, но тут вдруг, заглушив на мгновение чинный говор и звяканье посуды, хрипло и дерзко прокричал петух: «Кик-ки-ки-кии!» У метрдотеля вытянулось лицо, официанты заметались между столиками; удивленно оглянулись по сторонам посетители ресторана. Но петуха не нашли, и все остались в полном недоумении.

Потом в фаэтоне поехали к морю. Извозчик все время оборачивался к седокам.

Потом катались на лодке. Артемка сидел на руле, а Кубышка и Пепс гребли. Солнце уходило спать и на прощанье все белое сделало розовым - и цепочки облаков на горизонте, и белый парус английского парохода, и Лясино кисейное платье. Ляся сидела рядом с Артемкой. На ее слабой, будто прозрачной шее Артемка видел маленькую родинку, и от этого ему почему-то было жалко Лясю и хотелось сделать ей что-нибудь хорошее.

В море ясно и тихо. За кормой журчит вода. Лодка несется быстро и то и дело обгоняет другие лодки. Вдруг сипло пропел петух: «Кик-ки-ки-кии!» С соседних лодок донеслись аплодисменты и смех. Заметь, что Артемка открыл в удивлении рот, Ляся рассмеялась:

- Да ведь это же он, Кубышка!

Кубышка усердно греб, сумрачно глядя на закат.

Потом опять ехали в фаэтоне, и извозчик, хоть уже и другой, тоже все время оборачивался к седокам.

Когда подъехали к цирку, уже ярко горели фонари и у входа толпились люди.

Пережитые волнения, плотный обед и катание на лодке так разморили Артемку, что он улегся на дедов топчан и заснул. Там Ляся, кончившая обычный номер, и нашла своего ученика и партнера.

- Артемка! - всплеснула она руками. - Ты спишь? Спишь, когда нам сейчас выступать?!

Артемка вскочил и в испуге уставился на Лясю.

- Как это ты мог заснуть? - удивилась она. - Или ты заболел?

- А где петух? - Артемка протер кулаками глаза.

- Какой петух? Проснись, Артемка!

Артемка обалдело оглянулся и засмеялся:

- А меня сейчас петух в нос клевал.

- Вот тебя сейчас Самарин в нос клюнет, а не петух. Посмотри, как брюки измял. Иди скорее к костюмеру, он выгладит. Да умойся: рожа сонная!

«А правда, - думал Артемка, пробираясь в полутемном коридоре к артистической уборной, - как это я заснул? То всю ночь не спал от страха, а тут сразу...»

Уборная большая, одна на всех мужчин. Вдоль серой стены - длинный деревянный стол, и за столом - актеры. Одни клеят из крепса усы, другие выравнивают при помощи замазки носы, третьи натягивают парики. Тут же ходит от одного к другому Самарин и ругается. Увидя Артемку, он скорчил гримасу:

- Благородное дитя! Сын миллионера! Полдня походил - и уже пузыри на коленях! Кузьмич, разутюжь этого парня. Парикмахер, причеши это чучело.

Но Самарин не только ругается, но и хвалит.

- Гуль, - говорит он, - вы настоящий Пинкертон. Вам и гримироваться не надо. Так сказать, Пинкертон натюрель. Ха-ха-ха!

Потом подходит к Пепсу и фамильярно бьет его по плечу:

- Вот кто душу радует! Негрище чертово! Ну где еще найдешь другого такого для Дика Бычий Глаз? У, дьявол! Так публике и скажу: черного разбойника играет сам черный разбойник! Ха-ха-ха! Натюрель, ха-ха-ха!

Пепс, сидевший против зеркала, не оборачиваясь, прошептал:

- Я тоже скажу публик... Я тоже скажу публик...

- Что ты там бормочешь? - не расслышал Самарин. И, не дождавшись ответа, сказал отходя: - Ты какой-то чудной стал. Из ума выживаешь, что ли?

Артемке вымазали лицо кремом, подвели черным брови и напмадили губы. Ему хотелось вытереть лицо рукавом, но он терпел. К костюму тоже

не так-то легко привыкнуть, особенно к галстуку. Галстук сжимал шею, и Артемка не мог понять, зачем он нужен. Вошел грек-хозяин и сердито сказал:

- Слушайте, вы скоро? Публика ужасно волнуется.

- Сейчас, сейчас! - ответил Самарин. Он подошел к зеркалу и тоже покрасил себе губы и напудрился, хоть в пантомиме и не участвовал.

- Ну-с, приготовьтесь к выходу, - сказал он и вышел из уборной.

Артисты двинулись за ним. Пошел и Артемка. В широком проходе все остановились. Там перед малиновой портьерой уже ожидала Ляся с мячом и ракетками в руках.

- На, - подала она ракетку Артемке. - О, да какой ты красивый!.. Ну, не боишься?

- Боюсь, - откровенно признался Артемка. Он подошел ближе и осторожно заглянул в дырочку. Батюшки, весь город собрался! Вверху, внизу, в проходах всюду люди. И все вытаращились прямо на него, прямо в дырку смотрят. Артемка даже руками от портьеры оттолкнулся. Удивительное дело: на базаре, бывало, тоже народу тьма собиралась, особенно в субботу, и Артемке хоть бы что, как-то даже гопака при всех танцевал. А тут все внутри холодеет от страха.

Музыканты, игравшие вальс, умолкли. Униформисты приоткрыли портьеру. Прокашлявшись, точно он собирался петь, Самарин пошел на арену.

- Что он будет делать? - спросил тревожно Артемка.

- Сейчас объявит, кто кого играет, - объяснила Ляся.

Самарин вынул из бокового карманчика листок бумаги:

- Господа! В сегодняшней знаменитой пантомиме участвуют все лучшие силы цирка, а также специально приглашенные артисты. Позвольте объявить состав участвующих. Американский миллионер Уптон - Иван Кречет; его дочь Этли - юная артистка, любимица публики, мадемуазель Мари; его сын Джон - известный артист пантомимы юный Артеме...

- Вот, слышал? Артеме - это ты и есть, - шепнула Ляся.

- Что-о? - вспыхнул Артемка. - Какое такое Артеме?

- Тише, ты! - дернули его сзади.

От обиды, что его родное имя забраковали, а взамен дали какую-то кличку, Артемка на минутку даже страх позабыл.

Вдруг в цирке затрещали аплодисменты: это Самарин сообщил, что роль Ната Пинкертона исполняет Клеменс Гуль.

Самарин сделал паузу и, предвкушая новые аплодисменты, выкрикнул:

- Роль знаменитого похитителя детей, страшного негра Дика Бычий

Глаз, исполнит натуральный негр, страшный Чемберс Пепс!

- Это глупа, это очень, очень глупа! - услышал Артемка позади себя.

Когда Самарин поклонился и под аплодисменты подошел к портьеру, у Артемки внутри все похолодело. И сейчас же он услышал громкий шепот:

- Этли, Джон, на арену!

Портьера приоткрылась, и Артемка мгновенно оказался на виду у всех. Прямо на него смотрело тысячеликое существо и молча ждало. Артемка охнул и схватился руками за край портьеры, но сзади прямо в ухо ему вонзился свистящий шепот:

- Ты что это делаешь, сссс... Брось занавес! На арену!

Артемка оглянулся. Перекосив от злобы лицо, сзади стоит Самарин, шипит и указательным пальцем хочет ткнуть Артемку прямо в глаз.

Вдруг между Артемкой и Самариным мелькнула ракетка. Взвизгнув, Самарин отдернул палец. Артемка еще не успел сообразить, что случилось, как Ляся схватила его за руку и стремительно повлекла на арену. И странное дело, у Артемки будто пропал вес. С необычайной легкостью, не чувствуя тела, он выбежал вслед за Лясей и стал на свое место.

Пантомима началась.

Впоследствии Артемка не раз вспоминал эти минуты и всегда удивлялся, куда ушел тогда его страх. С момента, как он оказался на залитой светом арене, под тысячей устремленных на него глаз, в нем все необычайно обострилось внимание, зрение, память. Даже торопливость, за которую его на репетиции ругал Самарин, исчезла и сменилась сдержанностью движений. И при всем этом у Артемки гудело в ушах и было такое чувство, точно он не сам все это проделывает, а движет им какая-то неведомая сила.

Самарин, высунув нос из-за портьеры, бормотал:

- Гм... Вполне... Даже удивительно.

Но этого Артемка не слышал. Он продолжал лететь в каком-то светлом гудящем пространстве и только тогда опомнился, когда Дик Бычий Глаз накинул на него мешок и перебросил через забор. Там, за портьерой, был уже не Дик Бычий Глаз, а Чемберс Пепс. Он сдернул с Артемки мешок, поставил дебютанта на ноги и восторженно сказал:

- О, ты очень хорошо делал свой роль! Ты есть очень хороший артист.

Подошел и Самарин. Он похлопал Артемку по плечу и похвалил:

- Молодец! Вполне!

Артемка слушал и растерянно улыбался. Ему казалось, будто он переплыл через глубокую реку, а до этого и не знал, что умеет плавать.

Ляся стояла тут же. Она не отходила от Артемки. У нее был гордый

вид.

Артемке хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, душевное, но он не находил подходящих слов.

Во второй картине Пепс, Артемка и Ляся не участвовали. Они стояли у портьеры и смотрели в дырочки. Теперь играли Гуль и Иван Кречет. Гуль лазил по арене и искал следы; при этом он все, что ни попадало, разглядывал в лупу, а Кречет ходил за ним и хватался руками за голову, изображая горе отца.

Когда началась третья картина и Артемка опять выбежал на арену, у него уже не гудело в ушах и не было прежнего чувства, будто им движет какая-то посторонняя сила. В этой картине Джон и Этли, запертые в сарае на ферме, пытаются освободиться, и Артемка с такой непосредственной живостью изображал сметливость мальчика, что со скамей не раз срывались трескучие хлопки. Правда, это все-таки не был сын миллионера, это был просто попавший в беду мальчишка, трогательный и занимательный. Но это как раз и подкупало публику.

Нравилась и Ляся, хотя игра этой изящной девочки была совсем в другом роде.

Больше всех, кажется, нравился Гуль. Ему удалось изобразить Ната Пинкертон таким, каким его и представляла себе публика по бесконечным выпускам «Похождений знаменитого сыщика».

Что касается Пепса, то он добросовестно старался делать свирепое лицо, как учил Самарин, но в общих сценах с ребятами часто забывал об этом, и вместо свирепого лица его делалось наивно-добродушным. Он спохватывался, хмурил лоб и сжимал плотно губы, а минуту спустя, в самом неподходящем месте, лицо его опять озарялось улыбкой. Публика, ожидавшая увидеть злое страшилище, недоумевала и посмеивалась.

В общем, пантомима шла оживленно, публика часто аплодировала, и Самарин уже мысленно составлял афишу о новом представлении «по требованию публики», как неожиданно для всех разыгрался скандал.

До девятой картины пантомима шла, как ей и полагалось. Благодаря сметливости Джона ребятам удастся бежать. Дик Бычий Глаз бросается в погоню за ними. Обессиленная Этли падает в изнеможении. Джон подхватывает ее на руки, но уже не может бежать так быстро. И тут, в поле, заросшем маисом, их настигает страшный негр. Он набрасывается на детей и жестоко избивает их. И Пепс действительно страшно размахивал палкой и делал вид, что изо всех сил бьет Джона и Этли. Но вдруг он положил палку и как ни в чем не бывало обратился к публике.

- Уважаемый публик, - сказал он, - один маленький минутка внимания!

После девяти картин, шедших без единого слова, вдруг прозвучавший с арены человеческий голос так всех и приподнял с мест.

- Уважаемый публик, - продолжал Пепс улыбаясь, - это очень плёхой пантомим. В этот пантомим очень много белий человек, а черний только один. Все белий человек хороший, а черний плёхой, хуже самый злой черт. Уважаемый публик, это не есть правда.

Но тут по цирку пронесся свистящий шепот:

- Пепс! На место!

Пепс обернулся и взглянул на искаженное лицо Самарина.

- Один минутка, - сказал Пепс и опять обратился к публике: - Черний очень любит детей. Черний не любит, когда бьют маленький человек. Я очень люблю Артиомка, я очень люблю Ляся. Я люблю, как свой син, так свой дочь. Я...

Самарин выскочил из-за портьеры и, заглушая Пепса, прокричал:

- Пантомима продолжается.

Не помогло и это.

- Один минутка, - сказал ему Пепс и продолжал: - Уважаемый публик, я очень хотел иметь свой мальчик...

- Да замолчишь ли ты?! - взревел Самарин, потеряв терпение.

Тут сверху кто-то спокойно сказал:

- Пусть говорит. Может, у него накипело.

- Не перебивать! Нехай говорит! Говори, Пепс, высказывайся! Самарин, отойди в сторону! - раздались голоса с галерки.

Пепс благодарно приложил руку к сердцу, но не успел он и рот открыть, как из ложи полицмейстера раздались отрывистые выкрики:

- Не раз-го-варивать!.. Не раз-говаривать! Не разговаривать с публикой!.. Молчать!..

Пепс испуганно повернул голову: большая серая борода то поднималась, то падала обратно на белый с золотыми пуговицами полицмейстерский китель.

Пепс отступил на шаг и посмотрел на Артемку, как бы спрашивая: «Что такое? Зачем он кричит? Разве я сделал что плохое?» И этот взгляд, растерянный и недоуменный, вдруг наполнил Артемкино сердце острой жалостью к своему большому и наивному другу. О, Артемка знал, что такое полиция и как она обижает людей!

- Слушайте, господин околоточный надзиратель, - сказал он, став впереди Пепса, - чего ж вы нарезались на человека? Он же правду говорит. А не верите, так хоть людей спросите. Он мне как отец родной. Мы и бычков ловим. Он и в будку до меня на базар приходит. А вы кричите, как

не знаю кто!

- Ой, да это ж Артемка! - изумился кто-то на галерке. - Ей-богу, Артемка! Это ж наш сапожник с базара!..

Мог ли Артемка предвидеть, какое действие произведет его речь!

Названный при всей знати города околоточным надзирателем, полицмейстер чуть не задохнулся от гнева и так затряс своей бородой, что она, казалось, сейчас оторвется и улетит под купол цирка.

Публика, узнав в сыне миллионера сапожника, ахнула, галерка радостно закричала и захлопала в ладоши.

Скандал разгорался.

Раздувая усы и придерживая шашку, к ложе полицмейстера торопливо пробирался пристав; сверху спускался околоточный надзиратель; из проходов к барьеру двигались городовые. На галерке засвистели. Кто-то сверху запустил арбузом, и он с хрустом разломился на кусочки у самых ног городского.

Испуганный Пепс озирался по сторонам, и неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы не вмешалась Ляся. Неожиданно прыгнув вперед, она расставила руки, как бы желая всех обнять, и очаровательно улыбнулась. Все недоуменно умолкли. Даже борода полицмейстера перестала прыгать.

- А меня Пепс на руках носил, когда я в Одессе вывихнула ногу, - с чисто женским лукавством сказала Ляся. - Ну, теперь уже все понятно, и будем продолжать пантомиму. Да сядьте же, господин! - крикнула она приставу. - Не мешайте публике смотреть!

Затем она отбежала на место и закрыла лицо руками, изображая отчаяние Этли.

И пантомима действительно продолжалась. Околоточный вновь отправился наверх, пристав сел там, где его застал окрик Ляси, городовые отошли в глубь проходов, а на галерке разжались стиснутые кулаки.

Но финальная картина, в которой Дика сажают на электрический стул, уже не вызвала ни в ком сочувствия, так как никто теперь не верил, что в Америке негры воруют детей. Погас и интерес к Нату Пинкертону. Обиженный Гуль не вышел на вызовы.

Зато Пепсу и Артемке галерка устроила овацию. Уже внизу ложи и скамьи опустели, на арене начали тушить фонари, а на галерке все еще не хотели расходиться, хлопали в ладоши и зычно вызывали:

- Пе-епс! Ар-тем-ка-а!

ОБЕЩАНИЕ

Самым неожиданным последствием циркового скандала было то, что у Артемки вдруг появилось множество заказчиков. Приходили кто с сапогами, кто с башмаками - мастеровые, грузчики, приказчики и даже конторщики.

И каждый считал своим долгом спросить:

- Что нового? Не собираетесь «Графа Монте-Кристо» ставить?

Или:

- Ну, брат, чего еще будешь пантомимить? Ох и здорово это у тебя!

- Быть тебе, Артемка, актером. Это по всему видать.

Артемка протягивал дратву, стучал молотком, а сам думал: «А может, и вправду актером буду. Вот как бы...»

На второй день после представления уже к обеду у него собралось в жестяной коробке копеек девяносто.

Он выждал минутку, когда никого из заказчиков не было, и метнулся в будку напротив, где мастерил старый Петрович.

- Дедушка, - спросил Артемка, - вы, часом, не слышали, из какого товара носят туфли царицы дочери?

Петрович наморщил лоб, вспоминая, потом сказал:

- Надо быть, из сафьяну. А по праздникам - из парчи.

- А если еще выше, то тогда из чего?

- Тогда? - Петрович опять подумал. - Ну, тогда... гм... да опять же из парчи.

- А где же она, парча эта, продается? - продолжал допытываться Артемка.

- А тут ее, парень, нету. В Ростове, у Козлова, - там, да, там она имеется. А тут нету. Да зачем она тебе понадобилась? Или царь из Петербурга заказ прислал?

- Вот это самое, - сказал Артемка.

Он вернулся в будку и до тех пор стучал там молотком, пока не увидел, что в дверь, согнувшись чуть не вдвое, просовывается Пепс, а из-за него с любопытством выглядывает Ляся.

- О-о! - сказал Пепс. - Артистка работает!

- О-о! - с уважением протянула Ляся и покачала головой.

- Вот, - потряс Артемка коробкой с деньгами, - за сегодняшний день наработал.

- О-о-о! - протянули Ляся и Пепс вместе.

- Пошли обедать, - сказал Артемка. - В харчевню пойдём. Я угощаю.

Харчевня была тут же, на базаре. Все трое уселись за длинный некрашенный стол под навесом и с удовольствием поели из разрисованных розами мисок борща и солонины с хреном. Потом Артемка сбегал в квасную лавку и принес две бутылки холодного хлебного кваса, И, угощая, сам разливал по стаканам.

Все были очень довольны.

После обеда Ляся предложила половить бычков. Артемка с готовностью согласился, но потом сказал.

- Нет, невозможно. Надо идти работу кончать, а потом новую набирать. Никак невозможно!

Условились, что встретятся вечером в цирке.

Прощаясь, Пепс сказал, что скоро он поедет в Москву, а в Москве есть такая школа, где учат девушек и юношей делать роли. Кто в такой школе поучится, тот будет очень-очень хорошим артистом. Там, в Москве, он скажет, чтобы Артемку приняли в школу. А если ему скажут «нет», то он, Пепс, пойдет к самому Станиславскому, и Станиславский напишет в школу бумажку, и тогда уж Артемку обязательно примут, потому что Станиславский - самый великий на всем свете артист.

Потом Пепс вынул плоские с серебристым циферблатом часы и подал их онемевшему от восторга Артемке.

- Это есть мой презент, - сказал он.

В голове у Артемки все перепуталось. Учиться?.. В Москве?.. На артиста?.. Так может быть только в сказке... Но разве часы не сказка? А они вот, в руке! Звенят!.. Как крохотные молоточки по тоненькому стеклышку... А циферблат!.. Такого циферблата Артемка еще никогда не видел: серебристый и весь в искорках... А это что? Надпись?.. Надпись на крышке: «Дебютанту...» Да, да, Артемка знает, что такое «дебютант», его вчера все так называли... «Дебютанту Артемке от Пепса»!

Артемка зажмурился, потом захохотал, потом подпрыгнул и пустился перед будкой вприсядку.

НЕОЖИДАННОЕ ОСЛОЖНЕНИЕ

Трое суток Артемка почти не выходил из будки. Его что-то томило. Он плохо спал, но лишь просыпался - сейчас же принимался за работу и просиживал до ночи. Он все боялся, что интерес к нему вот-вот пропадет и тогда опять не будет работы. Наконец жестяная коробочка наполнилась гривенниками и пятаками почти до краев. Артемка закрыл ее крышкой и сунул в карман. Потом запер будку и побежал к вокзалу. До вокзала было близко, кварталов пять, но, когда Артемка пересекал площадь, у него стучало в висках, а дыхание было частое и горячее.

На вокзале Артемке сказали, что в Ростов поезд отправляется только через два часа. Это было досадно: сколько времени зря уйдет! Артемка сел на скамейку и принялся ждать. Чтобы не было скучно, он достал коробку и стал считать деньги. Кругом засновали люди с воровскими глазами. Не досчитав, Артемка опять спрятал коробочку в карман. Дышать все еще было тяжело, и почему-то слезились глаза. Артемке хотелось спать. Боясь воров, он с усилием открывал отяжелевшие веки. Когда зазвонили в колокол, Артемка стал в очередь к кассе, а потом вместе с другими побежал по платформе к поезду. Едва под ногами забормотали колеса и все поплыло назад, ему опять захотелось спать.

Напротив сидел мужик с черной бородой, к которой пристали соломинки, и курил махорку. Сизый дым стлался по вагону, попадал Артемке в горло и перехватывал дыхание. Артемка пересел подальше, прислонился в уголке спиной к стене и задремал. И, пока ехал, ему все мерещилась паровая молотилка, которая чадила ржавым дымом и быстро-быстро тараторила.

Когда Артемка открыл глаза, в вагоне уже никого не было. За окном бежали люди. За плечами у них были мешки. Носильщики в белых фартуках с медными бляхами везли тележки, и кто-то громко кричал:

- Квасу холодного, квасу!

Артемка вышел из вагона. Прямо перед ним стоял человек в красной рубашке, с большим графином в руке. В графине плавали кружочки лимона и лед. Артемка жадно выпил большую кружку и через рельсы побежал к зданию вокзала.

В огромном зале люди сидели, спали на скамьях, на чемоданах и даже на полу. Носильщики куда-то спешили и перелезали прямо через спящих.

Артемка спросил у одного, у другого, где можно достать парчи на

туфли, но в ответ люди только пожимали плечами или совсем ничего не отвечали.

На площади Артемка увидел маленькие желто-красные вагончики. Они подкатывались сами, без паровоза, и, забрав людей, исчезали за поворотом. Артемка тоже сел в вагончик и скоро увидел по обеим сторонам улицы разные вывески. Тогда Артемка вышел из вагона и начал ходить по магазинам и спрашивать парчу на туфли.

Наконец в одном магазине, где продавались иконы и свечи, ему показали материю, расшитую золотыми нитками, но при этом сказали, что из нее делают не туфли, а ризы. Артемка только усмехнулся. Он отмерил парчу пальцами, сколько требовалось, и сказал, чтоб ему отрезали ее и завернули.

Потом уже без труда нашел магазин кожевенных товаров и там купил кусок тонкой и мягкой, как масло, шагрени.

На вокзал Артемка возвращался пешком. Его томила жажда, во рту все пересохло, и он останавливался чуть ли не у каждой квасной будки.

По пути попался галантерейный магазин. Артемка опять остановился и долго рассматривал через зеркальное стекло витрины коричневые и черные бумажники. Он развернул шагрень и сравнил ее с кожей бумажников. Сравнил и, хоть сильно болела голова, улыбнулся: нет, его бумажник будет куда лучше; такого бумажника Пепс нигде не найдет, даже в Москве.

Вот наконец и вокзал. Народу как будто стало еще больше. И куда они все едут? С мешками, с сундуками, с детьми... От гама и детского плача голова еще сильнее заболела. К тому же сказали, что поезд отправляется только ночью. До ночи еще часов шесть, не меньше.

Артемка поискал себе местечко, но все было занято. А стоять уже было не под силу. И тут он увидел, что из-под скамейки вылезает кудлатый и оборванный мальчишка. Артемка присел и заглянул вниз. Там было пусто и, как показалось ему, даже уютно. Артемка отвел чьи-то свисавшие ноги и залез под скамейку. Он засунул покупки под рубаху и, прижимая их к груди одной рукой, другую подложил себе под голову. Он думал, что полежит немного и голова перестанет болеть. Только не надо спать, чтобы не пропустить поезд. Да и обокрасть могут в два счета - в Ростове жуликов хватит. Но едва он закрыл глаза, как увидел мужика с соломой в бороде. Мужик наклонился и задышал Артемке в лицо. «Уйди, - сказал Артемка, - мне жарко, уйди!» Мужик откинулся и что-то сердито проговорил, а потом вложил два пальца в рот и страшно, по-разбойничьи засвистел. Артемка испугался, мужик захохотал, вскочил на бело-розовую свинью и умчался,

болтая ногами. Потом долго ничего не было, только кто-то тоненько, как комарик, плакал над самым ухом. А потом пришел сосед Петрович и принялся тормошить Артемку за плечи. Артемке не хотелось вставать, и он замычал, чтобы тот его не трогал. Скамейка затряслась, под нею застучали колеса, и она куда-то поехала...

Когда Артемка открыл глаза, то сначала ничего не понял: везде стояли кровати, а в кроватях лежали бледные, покрытые простынями люди. Одни спали, другие смотрели в потолок, а иные скрипели зубами и что-то бормотали, не раскрывая глаз. На соседней кровати лежал черноголовый парень с красным, как после бани, лицом. Глаза у него были закрыты, но он безостановочно кричал:

- Папаша, держитесь за гриву! Папаша, держитесь за гриву!

Сам Артемка тоже лежал на кровати, и на нем была такая же ночная сорочка, как у всех.

«Как же я попал сюда? - подумал он. - Не иначе, это больница».

Потом вспомнил, что лежал на вокзале под лавкой, и в испуге зашарил руками по кровати. К нему подошла женщина в белом заношенном халате, взяла его за плечи и положила на подушку.

- Тетенька, - сказал Артемка жалобно, - а где ж парча?

Женщина усмехнулась и покачала головой.

- Парча! - сказала она шепотом. - Придет же в голову такое!

Тогда Артемка закрыл лицо руками и заплакал. Женщина наклонилась, отняла руки и посмотрела в мокрое от слез лицо.

- Да ты, никак, очнулся? - удивилась она.

- Очнулся, тетенька, - сказал Артемка всхлипывая.

- Так чего ж ты плачешь? Очнулся - значит, жить будешь.

- У меня, тетенька, парча пропала... Тут вот, под рубахой была. Парча и шагрень...

- Ишь ты! - сказала женщина. - А я думала, что ты бредишь. Ну, не плачь, может, она и не пропала. Вот придет кастелянша, мы ее и расспросим.

- Расспросите, тетенька, - попросил Артемка. - Я вам за то штиблеты починю или еще что...

- А ну тебя! - засмеялась женщина. - Тебе и говорить-то, по правилам, не полагается, а тоже туда: «Починю!»

Утром пришла кастелянша и принесла парчу и шагрень.

Обрадованный Артемка спрятал сверток под матрац.

Через несколько дней его выписали.

ДЕД ШИШКА ЧУТЬ НЕ ЗАБЫЛ!

Худой и бледный приехал Артемка в свой город. Он сильно ослабел и раз десять отдыхал, пока добрался до будки. А тут еще ключ пропал - наверно, под скамейкой остался. Пришлось соседа Петровича звать, чтобы вместе замок отбить.

- Где ж это тебя носило? - спросил Петрович. - Лица на тебе нету.

- А вы не знаете? - усмехнулся Артемка. - Ведь вы же меня в Ростове за плечи трясли.

Петрович посмотрел, покачал головой и, ничего не сказав, ушел. Артемка лег на скамейку и заснул. Спал он до самого вечера. А перед тем как проснуться, видел сон. Очень приятный сон. Будто идет он по набережной, а рядом с ним Ляся, а на Лясе парчовые туфли. И Пепс тут же, с другого боку идет. Идет и совсем правильно - даже удивительно, как правильно! - говорит: «Вот приеду в Москву и пришлю тебе письмо. А ты садись тогда в поезд и кати в Москву. И будем, брат, мы жить вместе. И учиться будем вместе». А Ляся все на туфли смотрит. А как услышала, что сказал Пепс, то тоже сказала:

«Видно, и мне надо ехать с вами, а то как бы Артемка без меня не заболел». И засмеялась. И тут все засмеялись и побежали к зеленой будке квас пить.

Проснувшись, Артемка зажег лампу и наскоро привел себя в порядок: умылся, пригладил волосы, почистился. Потом отрезал от газеты ленточку, чтоб было чем снять с Лясиной ноги мерку, и пошел к цирку.

Он шел и думал, что вот сейчас увидит Пепса. Пепс засмеется и, как маленького, схватит его на руки и подбросит вверх. А потом будет качать курчавой головой и ужасаться, слушая, в какой переплет попал Артемка в Ростове. А потом прибежит Ляся и тоже будет ужасаться. А может, Ляся уже кончила свой номер и ушла? Нет, не может быть: она всегда ждет Кубышку, а Кубышка выступает последним номером. Эх, жалко, денег не осталось, а то бы купить белую булку, колбасы и помидоров да у деда в комнате и закусить всей компанией! И что это за болезнь была такая, что теперь все есть хочется?..

Артемка повернул за угол и в недоумении остановился:

«Что такое? Не туда я попал, что ли?»

Обычно здесь, при повороте, в глаза падал яркий свет от фонарей, а теперь впереди была темнота. Но ведь это та самая площадь; посреди нее,

заслоня звездное небо, темнеет округлая громада цирка. Почему же так темно и пусто? Ни фонарей, ни лотков с леденцами и рахат-лукумом, ни мальчишек, что всегда здесь снуют, кричат и пересвистываются.

Артемка медленно двинулся вперед. Он был испуган. У него даже защемило в сердце. Он тихонько подошел к воротам цирка и стал всматриваться. На стенах по-прежнему висели афиши, но из-за темноты ничего нельзя было прочитать. Артемка налег на ворота. Ворота скрипнули, но не подались. Артемка постоял, подумал и пошел вдоль стены. В какие щели он ни заглядывал, везде была тьма, будто весь цирк засыпали углем.

Тогда Артемка вспомнил, что из дедовой комнаты наружу выходит небольшое окно. Обежав кругом, он взглянул вверх: прутья на окне слабо отсвечивали.

- Дед! - крикнул Артемка обрадованно и застучал кулаком в стену.

- Кто там? - сейчас же отозвалось из-за стены. Голос был далекий и глухой, но, безусловно, дедов.

- Дед, это я! - еще больше обрадовался Артемка.

- Артемка, что ли? - донеслось изнутри.

- Ну да, Артемка! Отворяй, дедушка, скорей!

- Так иди на задний ход. Чуешь, на задний! Я сейчас открою.

Дед вышел с фонарем, осветил Артемке в лицо и сказал:

- Вернулся? А я думал, так в деревне жить и останешься.

- В какой деревне? Что ты, дед! Я в больнице был.

- В больнице? - удивился дед. - Скажи на милость!

Придумав, будто Артемка уехал к тетке в деревню, он до тех пор всех в этом уверял, пока и сам поверил.

- Дед, отчего это все позаперто и фонари потухли?

- А чего ж им гореть? Кроме меня, тут никого нету. А меня публика уже видела. Ей хоть заплати, к примеру, так она меня смотреть не захочет.

- Как это... никого нету? - Артемка тревожно взглянул в дедово лицо. - А куда ж они подевались?

- Актеры? А кто ж их знает? Куда-нибудь поехали, в другие цирки, значит.

- И... - У Артемки перехватило дыхание. - И Пепс уехал?

- Пепс? Пепс, брат, раньше всех отсюда подался... Да ты, я вижу ничего не знаешь. Ну, пойдем, расскажу тебе, пойдем в мою квартиру.

По знакомому коридору, такому теперь пустому, они прошли в комнату деда и уселись на топчане.

- Видишь, какое дело, - сказал дед, - покуда ты ездил к тетке... или

го... покуда, к примеру, болел, тут опять «Бульбу» ставили. Только на этот раз уже не Пепс Бульбу играл, а дядя Вася. А Пепсу роли не дали совсем. Да... Ну, Пепс, конечно, огорчился. Ходит сам не свой. А тут еще ты пропал. Пойдет он, бывало, на базар, походит вокруг будки - и опять до меня: «Где Артиомка?» Вижу, человек волнуется, я и говорю ему: «Уехал он, Артемка твой, к тетке в деревню уехал, а как она, деревня эта, называется, не помню». Да... А тут уже и борьба стала к концу подходить. Кальвини говорит Пепсу «Ты, говорит, не вздумай чего-нибудь выкинуть, а то ты совсем какой-то сумасшедший стал. Чтоб завтра у вас с Гулем была ничья. Будете бороться час, потом ты захромаешь и откажешься бороться».

- Пепс сильнее Гуля! - не выдержал Артемка.

- А вот слушай. Только вывесили афишу, публика - к кассе: толкаются, ругаются, перила поломали. И столько в тот день билетов напродавали, что даже в оркестр люди набились. Ей-богу, так с музыкантами и сидели. Да... Ну, вышли, стало быть, они, Пепс и Гуль, поклонились. Публика, как полагается, в ладоши. Цветы тут, конечно, и все такое. Кальвини проговорил свои слова и отошел в сторонку, свисток держит. И тут, братец мой, случилось такое, чего я отродясь не видал. Гуль и глазом не моргнул, как Пепс поднял его над головой, покрутил мельницей - и прямо на лопатки, в одну секунду. Понятно? Задергался Гуль, да где там: как гвоздями его Пепс пришил! У публики дух зашелся - онемели все. А Пепс повернул голову к Кальвини и говорит: «Свисти!» Кальвини растопырил руки и стоит истуканом. «Свисти!» - опять говорит ему Пепс. Тот стоит, глаза выпучил. А тут публика пришла в себя да как грохнет!.. Я думал, купол обвалится. Видит Пепс: не хочет Кальвини свистеть. Вскочил, вырвал у него свисток, да сам и засвистел. В публике хохот, крик, свист - ну прямо сдурели все. Гуль встал, красный, как бурак, да Пепса ба-ах кулаком. А Пепс поднял руку вверх и говорит: «Гуль не есть борец. Гуль есть хулиган, барахлѐ!» Так и сказал, ей-богу: «Ху-ли-ган, барахлѐ!» - а потом повернулся и ушел.

И дед принялся рассказывать, как пять лет назад тоже вот боролся турок Абрек с чемпионом мира Карадые и какой тогда скандал вышел.

Но Артемка уже не слушал. Он сидел на топчане, понутив голову, и ему было так тоскливо, так одиноко, будто весь мир опустел, как этот цирк.

- Дед, - сказал он, - я хоть к тебе ходить буду. Скучно мне.

- Что ж, ходи, - согласился дед. - Ходи, я против не имею. - И вдруг вспомнил: - Да, чуть не забыл!.. В ту ночь Пепс до меня заходил, вот когда Гуля положил, «Что такое, - говорю ему, - голубь ты мой?» А он мне: «Господин Шишка! (Так и сказал, ей-богу!). Господин Шишка, я сейчас еду

от этот город. Скажите ваш внук, я очень хорошо помню свой слово». И так, брат, мне руку сдавил, что я аж крякнул... Стой, еще вспомнил... Та... как ее... ну, что по канату ходила... Ляся, что ли?. Так она тоже прощаться приходила. И тоже просила: «Скажи, - говорит, - Артемке, что я ему письмо напишу». Понял? Письмо, значит...

- Дед! - крикнул Артемка. - Да чего же ты сразу не сказал. Такие слова, а ты молчал!..

- Ну, забыл, - сказал дед. - Знаешь, старый ум. Что давно было, помню, а теперешнее голова не держит, хоть ты что ей...

- Ах, дед, дед! - любовно пожурил Артемка и, положив свою руку на руку старика, от души предложил: - Давай я тебе и другой сапог починю. Дырка какая!..

1939

АРТЕМКА У ГИМНАЗИСТОВ

ЧЕЛОВЕК С КОРЗИНОЙ

Попал Артемка к гимназистам спустя год, как Пепс, заронив в его душу страстную мечту о театре, неожиданно уехал из города. Трудный был этот год без отца. Никого у Артемки не осталось и из друзей. Даже дед Шишка, к которому он раньше ходил в гости, заболел какой-то нераспознанной болезнью и, похворав с неделю, умер.

Артемка вколачивал в подошву деревянные гвозди, а осень дышала в щели будки мутной сыростью. Часто врывался ветер, и красный язык пламени пускался в пляс. Артемка бросал молоток, ругаясь заслонял ладонями горелку. В будке было холодно и неудобно.

Но, когда Артемка тушил лампу и ложился на свою скрипучую скамью-кровать, укрывшись ватным отцовским пальто, он уже больше не слышал ни свиста ветра, ни стука дождя по крыше. Каждый вечер перед сном он вновь и вновь переживал свои встречи с цирковым борцом - негром Пепсом, и первое знакомство с девочкой-канатоходцем Лясей, и рыбную ловлю втроем, и пантомиму, и скандал в цирке - все то изумительное и невероятное, что случилось прошлым летом. «Почему он не пишет? - думал Артемка. - Может, заболел?» Он ждал письма от Пепса и каждый день испытывал тоскливое разочарование. Не было письма и от Ляси.

Особенно плохо пришлось зимой. Зима выдалась на редкость лютая, и Артемка чуть не заоченел в своей будке.

А летом он отогрелся и забыл о всех невзгодах. Этим летом Артемка и попал к гимназистам. Однажды в будку вошел коренастый смуглый человек с корзиной.

- Здравствуйте, - сказал он, опуская корзину на пол, зорко глянул в запыленное окошко и сел на чурбан. - Пожалуйста, прибейте мне к туфлям подковки.

- Можно, - сказал Артемка, польщенный тем, что ему говорят «вы».

Человек прислонился спиной к стене и устало прикрыл глаза. Казалось, он дремал. Но иногда, будто разбуженный стуком молотка, вскидывал голову и тревожно оборачивался к двери. Артемка вбивал гвоздь за гвоздем, а сам поглядывал то на человека, то на корзину. Удивительно,

как много всякого добра можно собрать в одно место. Чего тут только не было! Отрывные календари на картоне с гляцевитыми картинками, бритвы в черных с позолотой футлярах, перочинные ножи с блестящими змейками-пробочниками, открытки с целующимися голубями, атласные ленты, спутанные в большой многоцветный веселый клубок... Да просто невозможно всего разглядеть. А главное - книжки! Они сложены стопкой, и Артемка видел обложку только верхней из них: под малиновым балдахином лежит на подушках красавица и улыбается во сне, а по ковру крадется черноусый мужчина в феске, с кривым кинжалом в зубах. «Вот бы почитать!» - подумал Артемка.

- Готовы, - сказал он, подавая туфли. Человек надел их и раскрыл кошелек.

- Знаете что, - попросил Артемка, - вы лучше дайте мне книжку.

- О, с удовольствием! «Тайны гарема» хотите? Впрочем, это вздор. Возьмите лучше эту.

Мужчина подал Артемке небольшую книгу.

- «Ревизор», - прочитал Артемка на обложке и тоном знатока спросил: - Роман?

- Нет, пьеса.

- Пьеса? - обрадовался Артемка. - Что в театрах представляют?

- Вот именно. А вы разве любите театр?

- Люблю. Только я еще в театре не был.

Человек засмеялся:

- Как же можно любить чего не знаешь?

- Я не знаю, - откровенно признался Артемка. - Мне Пепс рассказывал, борец из цирка.

Он опять взглянул на книжку и еще больше обрадовался:

- Да это же Гоголя! Того самого, что «Бульбу» написал!

- Того самого, - подтвердил человек и, протянув руку, назвал себя: - Попов Дмитрий Дмитриевич. А вас?

- Артемка Загоруйко. Артемий Никитич, значит.

- Вот и познакомились.

Человек подошел к двери, чуть приоткрыл ее и долго куда-то всматривался.

- Да, - прошептал он, - дело ясное. - И, повернувшись, спросил: - Что у вас в этом сундуке?

- В сундуке? - удивился Артемка. - Кожа и парусина. Товар, короче. А что?

- Артемий Никитич! - Темные, влажно блестящие глаза Попова

глянули пристально и как-то очень серьезно. - Вы сможете оказать мне услугу?

- Как это? - не понял Артемка и почему-то встревожился.

- Выньте из сундука ваш товар, а я туда положу свой. Идет? Мне, понимаете, сейчас его таскать... несподручно - отнять могут.

Артемка подумал: «Что он говорит? Такой большой, а боится». Но отказать не было причины.

- Это можно, - сказал он деловито. - А мой тоже пусть в сундуке лежит. Там и товару-то кот наплакал.

- Вот и отлично! - оживился Попов.

Из-под кучи своего пестрого, празднично пахнувшего товара он вытащил кипу книжек и сунул в Артемкин сундук. Потом вынул из корзины новый замочек, продел дужку в кольца сундука и щелкнул ключом.

- Ничего, что ваш товар заперт? Я вернусь скоро.

- Ничего, - хитро подмигнул Артемка. - Понадобится - я достану.

- И вот еще что, - понизил Попов голос до шепота: - не говорите никому. Ладно? А уж я вам за это такую книгу дам!..

- Да я и без книжки... - сказал Артемка.

Попов взял корзину, кивнул и быстро вышел из будки.

«Чудной какой-то!» - подумал Артемка. Он подвинулся вместе со скамеечкой к сундуку и приподнял его. На полу лежала подошвенная кожа, а поверх нее - пачка книжек: сундук был без дна.

«Пауки и мухи», - прочитал Артемка на обложке. Он стал перебирать книжки, но все они были одинаковы. Только на последних трех стояло: «Великая семья».

«Зачем это про мух печатают? - подумал Артемка. - Муха - и муха... Что в ней интересного? Вот паук - другое дело. Тарантул, например, или скорпион».

Он лег на скамью и в ожидании новых заказчиков принялся за книгу. Но, прочитав несколько страниц, вскочил, сгреб все брошюры и сунул их под сундук. Потом опять лег и, уже не отрываясь, прочитал книжку до конца. Прочитал и в удивлении сказал:

- Вот так книжка! Такой я еще не читал. Думал, и вправду про мух.

Артемка схватил другую брошюрку, с заголовком «Великая семья». Тут в будку затесался загулявший лавочник и с пьяной настойчивостью стал требовать, чтобы Артемка сейчас же сшил ему новые сапоги. После лавочника пришел грузчик с разодранным голенищем; потом кухарка из харчевни принесла чинить туфли. А потом уже и темнеть стало. Артемка

боялся, что вот-вот явится Попов и заберет книги. «Что ж такое «Великая семья»? - думал он. - Может, и тут про такое же?»

Базар опустел. Сквозь деревянные стены будки уже не доносился ни людской гомон, ни скрип возов, ни звонкие выкрики торговков. Артемка зажег лампу, запер дверь на крючок и раскрыл книжку И с первой же страницы понял, что в ней «про такое же».

«ЖЕЛАЮ УДАЧИ У ГИМНАЗИСТОВ!»

Попов явился только на третий день к вечеру. Был он в новом пиджаке, при галстукe, в желтых штиблетах. И налегке: без корзины.

- Ну, Артемий Никитич, и задали ж вы мне задачу! - сказал он, улыбаясь глазами. - Человек любит театр, а никогда в нем не был. Запирайте-ка будку да пойдите посмотреть «Лес». Приехал знаменитый Ягеллов.

- Какой лес? - Артемка с недоверием посмотрел на Попова. - В наших местах лесов нету.

- Нет, Артемий Никитич, есть и в наших местах и дремучий «лес» и «филины». А пойдём мы с вами в театр. «Лес» - это пьеса такая.

- В театр? - просиял Артемка, но тут же потускнел.

- В чем дело? - не понял Попов.

- Я уже ходил. Не пустили.

- Не пустили?

- И билет отобрали. Билетер сказал: «Это в ложу. Не может быть, чтобы ты сам купил. Вытащил, наверно». А я, вот с места не сойти, сам купил.

Попов скользнул по нему взглядом. Да, костюм на мальчишке неважный: штаны по щиколотку и с бахромой на концах, рубашка хоть и целая, но вся в черных пятнах ваксы.

Попов взял Артемку за руку:

- Пойдемте. Со мной пропустят. Вы же видите, какой я франт.

- И то, - согласился Артемка.

Он вымыл лицо и руки, причесался, подпоясался ремешком, и они отправились.

Темнело. В небе замигали первые звезды. Издали, вероятно из городского сада, доносилась музыка. И потому ли, что кончился день и ушло солнце, или от этих звуков, мягко таявших в теплом воздухе, Попов шел задумчивый и немного грустный.

Но Артемка ничего не замечал. От нетерпеливого желания увидеть то, о чем так интересно рассказывал Пепс, его даже чуть познабливало. Боясь опоздать, он то и дело забегал вперед Попова.

Вот наконец и театр. Он стоит посреди садика и снаружи ничем не отличается от обыкновенного сарая: такой же деревянный, длинный и глухой, без окоп. Только и всего, что очень большой да на стенах висят

красные и зеленые афиши. Цирк - тот куда важней! Высокий, круглый и с куполом. Но Артемка крепко верил Пепсу и готовился увидеть самые необыкновенные вещи.

Пришли к началу второго действия, когда вся публика уже сидела на местах. Спешили так, что Артемка едва успел прочитать на ярко освещенной при входе афише: «Лес», а внизу, помельче, хоть тоже крупными буквами: «С участием Александра Ягеллова».

Фонари были притушены, и пробираться к своим местам пришлось в полумраке. Артемка сел и оглянулся. Внутри тоже было не так, как в цирке. В цирке скамьи поднимались одна над другой и закруглялись наподобие колец. Здесь же публика сидела на ровном месте. Это не так интересно. Зато в цирке нет такого занавеса. Ах, какой он тут огромный! Чуть не во всю переднюю стену. Раньше Артемка и представить не мог, чтобы на свете существовал такой занавес-великан. Снизу он освещался невидимыми лампами, а по его синему, в серебряных звездах, полю летели два крылатых мальчика и трубили в длинные-длинные трубы. Артемка решил, что занавес - это очень важная штука в театре.

А галерка тут тоже есть, и публика на ней такая же беспокойная, как и в цирке. Лушит семечки, хлопает в ладоши и озорно кричит: «Вре-мя! Време-чко-о-о!»

- Что там? - показал Артемка на занавес.

- Там? Сцена.

- Арена?

- Нет, сцена. Арена в цирке.

«Что же это такое?» - подумал Артемка.

Как бы в ответ, по синей глади пробежала рябь, трубы перегнулись пополам, и, заворачиваясь, занавес быстро понесся вверх.

И Артемка увидел... комнату. Обыкновенную комнату - с креслами, со шкафом, с гардинами на окнах. И он сразу понял, что в такой обыкновенной комнате и показывать будут обыкновенное, что по канату здесь ходить не будут и не будут, как клоуны, бить друг друга по щекам. Но какой же интерес смотреть обыкновенное?

Когда занавес последний раз опустился и публика после шумных и долгих вызовов знаменитого гастролера двинулась наконец к выходу, Попов, посмеиваясь, сказал:

- Я вижу, Артемий Никитич, вам театр не понравился. Зря время потеряли.

- Не понравился? Мне? - Артемка всплеснул руками. - Да я б тут всю

жизнь просидел!

- А ты сторожем сюда наймись, - сказал какой-то парень и сдвинул Артемке на нос фуражку.

- Иди ты!.. - Артемка поправил фуражку. - Сторожем... Я, может, сам актером буду.

Возвращались по опустевшим, сонным улицам. По дороге Артемка то прижимал к груди руку, то отбрасывал ее и басил, изображая только что виденного Несчастливцева: «Когда приедет тройка, скажи, что господа пешком пошли!» Потом переходил на роль Аркашки, засовывал палец в воображаемый жилетный карман и дребезжащим тенорком сокрушался: «Вот тебе и тройка! А говорил, на тройке поедем!»

Около небольшой лавчонки, где сонный грек допоздна торговал фруктами и всякой снедью, Артемка остановился:

- Вы меня театром угощали, а я вас ужином угощу. Вот и квиты будем.

Он взял пяток яиц, копченой колбасы и кулечек вишен:

- Пошли до меня в будку, чаю вскипятим.

- Пировать так пировать! - охотно согласился Попов.

Удивительно, как меняется базарная площадь! Днем здесь даже у привычного голова кругом идет: гам, назойливые зазывания горластых торговков, верещанье поросят, гнусавое пение нищих, суета, толчея, озорная перебранка. Сейчас - ни одной живой души, и в ночной темноте молча громоздятся черными глыбами лавки и рундуки.

- И вы не боитесь жить здесь? - почему-то шепотом спрашивает Попов, пробираясь вслед за Артемкой между какими-то ящиками и бочками.

- А чего мне бояться? - Артемка подумал и хитровато добавил: - Разве за вашими книжками кто придет. Так они на замке... Ну, вот и мой дом.

В будке душно, пахнет кожей и лаком. Артемка оставляет дверь открытой. Он зажигает керосинку и принимается мастерить ужин, а Попов ложится на скамью и думает. В этой затерянности Артемкиной будки среди базарных построек есть что-то притягательное.

- Знаете, - говорит он, - кругом тьма и запертые немые лавки, а здесь кусочек жизни: уютно светит ваша керосинка, поет чайник - честное слово, хорошо!

- Ну театр! - отвечает Артемка: ни о чем другом он думать не может. Недаром Пепс хвалил. Куда там цирку!

- Да кто такой Пепс? - заинтересовался Попов.

- Пепс? Я ж вам говорил: борец, негр, понимаете? Короче, товарищ мой. Вот еще зайдете как-нибудь, я вам про него все расскажу... Ну, кипит

чайник.

- Когда же это «как-нибудь»? - говорит Попов, подсаживаясь к столику.

- Я ведь завтра уезжаю.

- Уезжаете? - Артемка с досадой взглянул на гостя. - Ну что это такое!

Как хороший человек попадетсЯ, так и уезжает.

Он помолчал и уже по-детски, просяще сказал:

- Вы хоть переночуйте тут.

- О, это я с удовольствием!

Они поужинали, и, как ни протестовал гость, Артемка уложил его на свою лежанку, а сам калачиком свернулся на полу, подостлав старое пальто.

Керосинка потухла, и в будке стало совсем темно.

- Ну, так чем же замечателен этот негр? Где вы с ним встретились?

Артемка быстро повернулся на спину:

- А вам интересно? Я с ним в сторожке встретился, в цирке. Я туда пантомиму принес, книжку такую, понимаете? А он лежит на топчане в американских ботинках и плачет.

Артемка приподнялся и, всматриваясь в темноту, туда, где еле-еле обозначалось расплывчатым, бледным пятном лицо гостя, стал рассказывать. Боясь упустить какую-либо подробность, перебивая самого себя и возвращаясь назад, он размахивал в темноте руками и то и дело восклицал: «Вот он какой, Пепс! Вот он какой!»

Артемка рассказывал, а пятно впереди делалось все четче и четче, и вот уже ясно видны внимательные глаза, темные брови и даже складка на переносице.

- Ой, да уже светает! - опомнился Артемка. - Когда же вы теперь спать будете?

- Не в этом дело. Дело в том, как вам помочь.

Попов в раздумье закрыл глаза, потом быстро открыл их и остро взглянул на Артемку.

- Вам надо себя попробовать в любительском театре. Может, из вас выйдет Щепкин, Варламов, Садовский. А может, и ничего не выйдет. Боюсь только, что вас ни в какой любительский кружок не примут: мальчик, сапожник... - Он опять задумался. - Разве вот что: на Сенной улице есть двор, где гимназисты ставят спектакли. Что, если вам пойти туда и поговорить? Может, они дадут какую-нибудь роль. Там есть два-три гимназиста из тех, кто сочувствует трудовому народу. Жизнь покажет, что из них выйдет. Пока это не очень серьезно. Но юноши, кажется, неплохие. Пойдите. В крайнем случае, посмотрите спектакль. Это в доме Зворого, сорок пятый номер.

- Пойду, - твердо сказал Артемка и улыбнулся: - Вот кабы дали!

- Попросите. А теперь давайте часок-другой поспим. Поезд мой уходит рано.

Где-то далеко стучали о камни колеса и дребезжала подвешенная под телегой цебарка: начинался базарный день.

Артемка опять свернулся калачиком, вздохнул и закрыл глаза.

И ему приснился гимназист. Будто стоит он в будке и говорит Артемке: «Эх ты, желтоволосый! А хвастался, что на тройке поедем!»

...Когда Артемка проснулся, во все щели врывались золотисто-дымчатые лучи солнца. Попов сидел на корточках перед сундуком и старался открыть замок.

- Не тот ключ, что ли? - бормотал он в недоумении.

- Да вы поднимите сундук, - сказал Артемка.

Попов обернулся:

- Извините, я вас разбудил, А чему это поможет, если я его подниму?

Однако взялся двумя руками за сундук и приподнял его: прямо на полу лежали книги.

- Жалко, что у вас нет зеркала: я бы посмотрел, какое у меня сейчас умное лицо. Кто-нибудь видел?

- Я бы разве позволил!

- А сами вы читали?

- Ага!

- Ну ясно. Незачем было и спрашивать. А я все думаю, как вам объяснить. Придется признаться.

- Я знаю, - сказал уверенно Артемка. - Вы кого-то увидели из будки. Наверно, из тех, из фараонов?

- Правильно. Я увидел шпика, который уже давно охотился за мною. Меня тут же, на базаре, и арестовали. В корзине были «Тайны гарема», «Бова-королевич», отрывные календари... А остальное, настоящее, лежало у вас в сундуке. Меня продержали три дня и приказали убираться вон из города. Я бы, конечно, не уехал, но те, кому я подчиняюсь добровольно, меня отзывают.

Попов пытливо посмотрел Артемке в лицо:

- Вам книжки понравились?

- Ох, и книжки ж! Особенно та, что про великую семью. Я так понимаю: великая семья - это весь трудовой народ, правда? И все так хорошо описано, вроде как в романе. Прямо за сердце хватает. Вот бы такое в театре показать!

Попов посчитал книжки, опять сунул их под сундук и укоризненно

взглянул на Артемку:

- Двух штук не хватает.

- Правильно, не хватает, - подтвердил Артемка с таким выражением, которое ясно говорило: «И не проси - все равно не отдам!»

- Ну-ну, - согласился Попов. - А теперь до свиданья. Спасибо за ужин, за ночлег, а главное - за помощь. Днем сюда заглянет один мужчина, принесет вам Гоголя, Пушкина. А вы ему все эти книги отдайте.

Он взял Артемку за руку и уже совсем весело сказал:

- Ну, желаю удачи у гимназистов!

ТЕАТР ВО ДВОРЕ

Дома на Сенной улице небольшие, с тремя-четырьмя окнами. По бокам пыльной дороги дремлет бурьян. Вдоль длинных заборов шумят высокие тополя. Фонари на столбах хоть и горят, по от керосиновых ламп свет такой тусклый, что никак не рассмотреть номера на воротах.

Увидев с десятков босоногих мальчишек, прильнувших к щелям деревянного забора, Артемка догадался, что там, за забором, и есть театр. У раскрытой калитки стояли с фонарем в руке толстый юноша с серебряными пуговичками на белой чесучовой рубашке и девушка в коричневом платье и белой пелеринке.

Артемка в нерешительности остановился.

К калитке подошли две девушки и молодой человек в студенческой, с голубым околышем фуражке. Толстый гимназист поднял вверх фонарь и весело сказал:

- Ба, знакомые все лица! Давайте ваши билеты и сыпьте в кружку деньги. Не стесняйтесь.

Девушка в пелеринке подставила жестяную, с замочком кружку. Звякнули монеты, послышались восклицания, смех:

- На строительство храма Мельпомены! Актерам погорелого театра!

- Ладно, ладно, - урчал толстяк. - Только фальшивых гривенников не бросайте!

Артемка нащупал в кармане пятиалтынный и подошел к калитке.

- Ба, - сказал гимназист, поднимая фонарь, - знакомые все ли... - Но не договорил и быстро стал на пороге, загородив вход: - Нет, сия личность мне незнакома, к тому же она, кажется, без билета.

- Билет я куплю, - сказал Артемка. - У меня деньги есть. - И протянул к кружке руку.

- Стой! - Гимназист схватил его за руку. - Не трудись. Билеты не продаются. Надо иметь пригласительный билет.

- У меня нет, - сказал Артемка озадаченно.

- А на нет и суда нет. Поворачивай оглобли.

Гимназист опять поднял вверх фонарь, приветствуя новых гостей.

- «Ба, ба»! - рассердился Артемка. - Заладил одно. Пусти, мне к режиссеру надо.

- К режиссеру - завтра днем, а сейчас режиссер занят. Ну, отчаливай!

Артемка с укоризной посмотрел на толстяка и отошел. Но потом

вернулся и без всякой уверенности сказал:

- Я тоже актер. Пусти!

- Актер? - деланно удивился гимназист. - А да четвереньках ходить умеешь?

- Петька! Как тебе не стыдно! - возмутилась девушка. - Иди, мальчик.

Она взяла Артемку за рукав и легонько потянула к калитке.

И первое, что увидел Артемка, войдя во двор, был занавес. Как и в настоящем театре, он снизу освещался лампами и тихонько колебался от налетевшего ветерка. Артемка подошел ближе. Прямо во дворе, под открытым небом, - невысокие подмости, на них круглая суфлерская будка и большие керосиновые лампы по бокам. А перед подмостками, на скамьях и стульях, уже полно публики: гимназисты, гимназистки, студенты и много взрослых мужчин и женщин. Так же, как в обыкновенном театре, шел несмолкаемый говор. В его ровный, как жужжанье шмелей, гул то и дело врывается рассыпчатый смех.

Публика все прибывала. Некоторые приходили со своими стульями и любезно усаживали на них дам.

Артемка искал себе местечко, не нашел и взобрался на акацию, где уже сидело трое маленьких босоногих мальчишек.

- Тю, здоровый! - сказал один из них. - Сейчас ветку обломит - мы и попадаем.

Артемка хотел ответить, но тут занавес задвигался, одним краем поднялся до половины, наискось открыв сцену, потом упал, потом опять дернулся и наконец с помощью высунувшейся сбоку руки пополз вверх. И, как в настоящем театре, Артемка увидел комнату, только без потолка, письменный стол, диван и кресла. За столом сидел мужчина и писал. Он покрутил усы и голосом, срывающимся, как у молодого петуха, сказал:

«Ужасна участь адвоката! Надо иметь не нервы, а канаты!» Вбежала пожилая очень маленькая женщина и совсем девичьим голосом стала жаловаться на своего зятя, а адвоката называла то Петрушкиным, то Помидоровым, то Арбузовым, хотя фамилия его была Огурчиков. Но вот вошел рыжий мужчина. Он так заикался, что адвокат ничего не смог от него добиться. А потом вбежал ревнивый муж и, приняв рыжего мужчину за своего соперника, стал обливать его из сифона. Это был веселый водевиль, в котором сначала все смешно перепуталось, все перессорились, а затем все выяснилось и все помирились.

И, хотя юношески блестящие глаза исполнителей и их звонкие голоса плохо вязались с приклеенными бородами, публика от души смеялась и хлопала в ладоши. Артемка тоже смеялся. Но, когда занавес, все так же

дергаясь, закрылся и стало ясно, что этим все кончается, Артемка почувствовал разочарование. Вчера он видел на сцене самую настоящую жизнь, только страшно интересную. Пепс правильно говорил, что в театре публика и ненавидит и любит. Артемке вчера хотелось вскочить на сцену и такими словами отхлестать притворщицу и скрягу Гурмыжскую, чтобы она не знала, куда деваться. Зато каков сам Несчастливцев! Отдал последнюю тысячу и ушел с Аркашкой пешком. Артемка ладони себе отбил, хлопая знаменитому Ягеллову. Нет, гимназистам до такого театра далеко!

Из-за занавеса выбежал толстый гимназист, тот самый, который не хотел впустить Артемку, и объявил, что через пять минут начнется дивертисмент. В публике захлопали. Толстяк сказал: «Ба, знакомые всё лица!» - и, ухмыляясь, ушел.

Когда опять подняли занавес, вышел худощавый, с рыжими волосами и светлыми глазами гимназист. Он взялся руками за спинку специально для этого поставленного стула и сказал:

- «Осел и Соловей».

Артемка знал басню наизусть, но гимназист прочел ее так хорошо, с такой забавной мимикой и живыми интонациями, что она показалась Артемке совсем новой. Это был тот гимназист, который исполнял в водевиле роль зайки. Видимо, его любили. Когда он кончил, в публике долго хлопали и вызывали: «Лу-нин! Але-еша!»

Потом выходили другие гимназисты и тоже читали стихи. Больше других Артемке понравилось стихотворение о мужиках, которые пришли к вельможе просить о своих делах, а их швейцар не пустил. Артемке и самому захотелось выучить эти стихи и читать их так, как читал большеголовый смуглый гимназист, - чтобы за душу хватало.

- Это Клавдин, - сказал босоногий мальчуган. - Коля Клавдин, ихний режиссер.

После Клавдина щупленький, но уже с усиками гимназист сыграл на скрипке. За ним вышел толстяк, встреченный возгласами из публики: «Ба, знакомые всё лица!» Он прочитал рассказ Чехова «Разговор человека с собакой» и так при этом заливисто лаял, что в соседних дворах откликались все собаки. Насмешив публику, толстяк объявил минуту перерыва.

Некоторое время слышен был лишь стук стульев да звуки настраиваемых инструментов. С гитарами, мандолинами и балалайками гимназисты заполнили всю сцену. Гимназист с усиками стал впереди и, когда все смолкло, взмахнул руками. Тихо и задумчиво оркестр заиграл какую-то украинскую песню, и от нее Артемке стало так грустно и так

захотелось пожаловаться на свою жизнь!

Песня была грустной, но глаза у девочки смотрели на публику со спокойной лаской, и от этого никому не хотелось грустить.

А потом вышла девушка в пелеринке, та, которая стояла у калитки с кружкой, и мягким, грудным голосом спела под оркестр песенку о

жаворонке. Песня тоже была грустная, но глаза у девушки смотрели на публику со спокойной лаской, даже улыбались, и от этого никому не хотелось грустить. Когда она кончила и пошла к выходу, в публике захлопали, как не хлопали даже Лунину, и запросто кричали: «Леночка, еще! Еще, Леночка!» Леночка выглядывала из-за двери и, смеясь, качала головой.

Наверно, ее все-таки заставили бы петь, но маленький дирижер взмахнул рукой, балалаечники яростно ударили по струнам, и под звуки марша, смеясь и перекликаясь, гости пошли к выходу.

Босоногие мальчуганы, как груши, посыпались вниз. Артемка тоже слез с дерева. Он потерял онемевшую ногу, постоял и нерешительно сел на скамью перед сценой. Там, за занавесом, еще слышались голоса. Из-за сцены вышла женщина и потушила лампы. Стало темно, и сразу высыпали на небе голубые звезды. Женщина подошла к Артемке:

- А ты чего ждешь?

- Я режиссера жду, - сказал Артемка.

- Это Колю? Он уже ушел.

Сбоку с подмостков на землю спрыгнул толстый гимназист и, повернувшись, протянул руку.

- Я сама, - услышал Артемка знакомый голос, и девушка в пелеринке легко спрыгнула вниз.

- Вот, Колю спрашивает, - сказала женщина. Гимназист и гимназистка приблизились к скамье.

- А, это вы! - сказала Леночка, как знакомому. - Коля ушел. Вы приходите завтра днем. Днем он обязательно будет.

Толстяк фыркнул, взял девушку под руку и пошел с ней к выходу.

- Иди и ты, - сказала женщина. - Я сейчас буду калитку запираю.

На улице было уже тихо и так темно, что Артемка едва мог различить идущих впереди Леночку и ее спутника.

Толстяк что-то тихо говорил. Потом вдруг голосом, похожим на голос Леночки и, как ни странно, на кошачий крик, на всю улицу пропел: «Между небом и землей жаворонок вьется!»

Артемка еще услышал смех Леночки, затем они свернули за угол и скрылись.

Артемка постоял, вздохнул и, погружая ноги в мягкую, за ночь остывшую пыль дороги, побрел к своей будке.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

«Идти или не идти? - думал Артемка на другой день. - Все они между собой свои, а я что? Высмеют и прогонят». Вспомнив, как толстяк сказал: «А на четвереньках ходить умеешь?», он усмехнулся: «Тоже актер! По-собачьему лаает. Не пойду!» - и, плюнув на оселок, с ожесточением принялся точить нож.

Но Артемка уже привык мечтать. Помимо его воли, перед ним поплыла одна картина за другой. Вот он приезжает в Москву, выходит из вагона. На платформе крик, гвалт, бегут носильщики; шипит, никак отдышаться не может паровоз. А над толпой уже плывет курчавая голова Пепса. Все его разглядывают, а он смотрит только на одного Артемку, смеется и издали тянет к нему свои большие черные руки. Потом Пепс и Артемка садятся на извозчика и едут в школу. Нет, школу Артемка себе не представляет. Может, она похожа снаружи на гимназию, а может, на деревянный сарай, вроде театра. Зато Артемка ясно представляет учителя. Учитель точно такой, как Геннадий Демьяныч Несчастливцев, когда он был в сюртуке и при медалях. И вот выходит этот учитель, строго смотрит на Артемку и недовольно говорит: «Нет, нам такой не подходит. Этого мало, что он в пантомиме играл. Там и немой сыграет. Вот если бы он в театре себя показал, тогда другое дело». Тут Пепс начнет просить учителя, кланяться и прикладывать руку к сердцу, а Артемка усмехнется и скажет. «В театре! Да я целое лето играл! Каких только ролей мне гимназисты не давали! Публика все ладони поотбивала!» - «А, - удивится Геннадий Демьяныч... то есть не Геннадий Демьяныч, а учитель этот. - Ты с гимназистами играл! Ну, это дело другое. Тогда пожалуйста, ничего против не имею».

«Черт! - выругался Артемка, дойдя в своих мечтах до такого приятного конца. - Пойду! Пусть смеются! А доведут - я тоже найду что ответить!»

Днем Сенная улица еще более сонная, чем вечером. Окна домиков от зноя прикрыты снаружи зелеными ставнями. Роняя пух в траву, меланхолично пасутся гуси. А около колодца разлеглась в луже свинья и тихонько похрюкивает в блаженной истоме.

Перед тем как выйти из будки, Артемка снял с полочки кусочек душистого мыла, тщательно умылся, причесался и, что самое главное, надел туфли! Туфли были не свои, а заказчика; заказчик не приходил третью неделю, и Артемка рискнул пощеголять в них.

У калитки он уже взялся было за скобу, но, услышав за забором голоса, остановился. Говорили громко, будто спорили. Артемка нашел в заборе щелочку и заглянул в нее. На скамьях, в тени той самой акации, с которой он смотрел вчера спектакль, небольшим кружком, кто сидя, кто полулежа, расположились гимназисты. Их было человек десять. Посредине стоял коренастый, большеголовый гимназист, которого вчера мальчик назвал Колей Клавдиным, и на разные голоса что-то рассказывал.

«Ладно, - подумал Артемка, - авось не укусят!» - и решительно открыл калитку. Но, подойдя к гимназистам, опять почувствовал неуверенность.

- Здравствуйте, - сказал он негромко. Гимназисты обернулись, посмотрели и ничего не ответили. Артемка подождал и, видя, что на него никто не обращает внимания, молча сел позади гимназистов.

У Коли были густые, сурово сросшиеся брови, а глаза живые и веселые. Артемка решил, что Коля сдвигает брови нарочно, потому что режиссеру надо быть строгим, на самом же деле Коля не сердитый. Но о чем это он рассказывает? Артемке казалось, что эти слова он уже слышал, и даже совсем недавно. Ах, да это же он про «Лес» говорит, это же там такие слова!

Коля действительно рассказывал о гастрولي знаменитого Ягеллова, и не только рассказывал, но и показывал в лицах. Гимназисты внимательно слушали, иногда смеялись. Многих из них Артемка узнал. Вот, например, Алеша Лунин, который вчера «Осла и Соловья» читал. У него даже ресницы рыжие. А глаза ясные-ясные, как у ребенка. Артемка подумал: «Он хоть и рыжий, а, наверно, хороший». И то, что Лунин худощавый и что на нем потертые брюки, Артемке тоже нравилось. А вот эта гимназистка, которую Надей зовут, вчера тещу играла. Очень уж она низенькая, будто карлица. Это Артемке не нравится. Но, когда она смеется, верхняя губа забавно поднимается, лицо делается розовым, и тогда смотреть на нее очень приятно. Другая гимназистка совсем не такая. Как бы Коля смешно ни рассказывал, она смотрит на нею серьезно. Глаза у нее печальные, как у Артемкиной матери, когда та болела чахоткой, и так же блестят, губы тонкие, бледные, нос острый. А богатая: все руки в кольцах. Тут же и тупоносый толстый Петька. Его Артемка узнал сразу. Да и Петька, наверно, Артемку узнал: все на него посматривает да рожи корчит. Артемка сначала обидчиво отворачивался, а потом и сам скорчил ему рожицу. Самому младшему из гимназистов лет тринадцать, не больше. Ему никак не сидится на месте, так и кажется, что он сейчас вскочит и побежит. И глаза какие-то распахнутые, будто он когда-то испугался да с тех пор никак не успокоится. На гимназистах были летние чистые гимнастерки и черные

лакированные пояса с серебристо-матовыми бляхами. От платьев гимназисток веяло чистотой и свежестью. И лица у всех такие, точно к ним никогда не пристает пыль.

Коля кончил рассказывать и весело спросил:

- Ну как? Попробуем? Роли я взял напрокат в театре, мизансцены записал, когда смотрел спектакль, декорации сделаем. Неужели нам «Леса» не поднять?

- Правильно, - подтвердил Алеша. - Хватит водевили разыгрывать, клоунов из себя строить.

Гимназисты заговорили все сразу, и все соглашались с Колей. Петька, оттопырив толстую губу, сначала молчал, потом почесал в затылке, вздохнул и уныло сказал:

- Куда нам за «Лес» браться! Это пьеса трудная.

Артемка не думал вмешиваться в разговор, а тут его будто подбросило чем-то. Он и сам не заметил, как у него вырвалось:

- Ну и пусть трудная! Зато пьеса какая! Ему все трудно!

Все удивленно оглянулись. Петя строго погрозил пальцем.

- Это что за чудак? - еще сильнее сдвинул Коля брови. - Ты к кому?

- К вам. Вы ж режиссер?

- Ну?

- Вот и дайте мне, роль. Я тоже буду играть.

Гимназисты засмеялись.

- Да ты кто такой? - опять спросил Коля. - Где ты учишься?

- Я? Я не учусь. То я раньше учился, а, теперь уже кончил...

- Университет, - подсказал толстяк. Артемка взглянул на него и ничего не ответил. Все с веселым любопытством рассматривали Артемку.

- А что ж ты сейчас делаешь? - продолжал спрашивать Коля. - Чем занимаешься?

- Починяю ботинки, калоши заливаю. Могу и новое делать. Мастерую.

- Так что же тебе вздумалось на сцене играть? - удивился Коля.

- А вам чего вздумалось?

Ответ всем понравился. Алеша даже в ладоши хлопнул.

- Молодец! - воскликнул он. - За такой ответ дать ему роль.

А Артемка подумал: «Это, наверно, про него говорил Попов».

- Ты уже играл где-нибудь? - спросил гимназист с усиками.

- А то как же! В цирке.

- Рыжего! - прыснул толстяк.

- Ну чего ты до меня цепляешься? - не выдержал Артемка. - А сам ты что умеешь? - Он состроил глуповатое лицо и передразнил: - «Ба, знакомые

всё лица!»

Гимназисты громко и дружно засмеялись. Это Артемку ободрило:

- Я в пантомиме играл прошлым летом, видели? А так, чтобы слова говорить, еще не пробовал.

- Ну ладно, - сдерживая улыбку, сказал Коля, - когда будет подходящая роль, мы тебе дадим. Как тебя зовут?

- Артемка, Артемий, значит. А когда будет подходящая роль?

- Не знаю. Когда-нибудь будет... Раздавай, Сеня, роли.

Мальчик, у которого было испуганное лицо, вскочил и схватился за тетради.

Роль ханжи Гурмыжской дали бледной гимназистке Нюре, наушницы Улиты хорошенькой Наде, веселого Аркашки - Алеше Лунину. Благородного трагика Несчастливцева решил играть сам Коля. Петька получил роль купца Восмибратова. Леночка почему-то не пришла, и роль Аксюши послали ей на дом.

Подняли занавес, расставили на сцене стулья, и репетиция началась.

Об Артемке забыли. Он сидел на скамье для публики, чуть в сторонке от гимназистов, и смотрел так, будто на сцене показывали фокусы: с жадным любопытством и недоверием. То, что два дня назад он видел в настоящем театре, его околдовало. Такое, думал он, могли сделать только самые настоящие актеры, о которых рассказывал Пепс.

Вдруг Коля повернулся, нашел Артемку глазами и поманил его пальцем.

«Что такое? - подумал Артемка. У него замерло сердце. - Может, роль даст?»

Он поднялся со скамьи и, стараясь не спешить, хоть его так и толкало вперед, подошел к подмосткам. Коля нагнулся и шепотом попросил:

- Сбегай-ка в лавочку, тут вот, на углу. Купи «Ласточку» - десяток.

Артемка взял гривенник и пошел к калитке. Он нашел лавочку, купил коробочку папирос, на глянцевой крышке которой раскинула свои острые крылышки белоголовая ласточка, и поскорей вернулся назад: ему ничего не хотелось пропускать в репетиции.

Но только он сел на прежнее место, подошел Сеня:

- Ты был в лавочке?

- В лавочке.

- Квас там есть?

- Есть.

Гимназист вынул кошелек:

- Сбегай купи две бутылки.

- Четыре, - поправил другой гимназист и протянул, в свою очередь, Артемке монету.

«Это как же так? - подумал Артемка, выходя опять на улицу. - Лакей я им, что ли?»

Он принес запотевшие бутылки холодного кваса, поставил их на скамью перед сценой и отошел в сторонку. Из флигеля вынесли стаканы. Хлопнула пробка, над горлышком зазмеился белый дымок. Толпясь и толкаясь, гимназисты окружили бутылки. Пили под шутливые тосты и смех. Но, когда взялись за последнюю бутылку, ее выхватил Петька и, гогоча, как гусак, побежал в глубь двора.

- Отнять! - воинственно крикнул Алеша Лунин и понесся за Петькой.

Несмотря на тучность, тот бежал быстро и легко, и Лунину пришлось трижды обежать двор, прежде чем толстяк споткнулся и повалился в траву. Лунин отнял бутылку, брызнул из нее Петьке в лицо и бегом вернулся к товарищам:

- Добытое в бою вдвое вкусней!

Все потянулись со стаканами:

- Алеша, капельку! Алеша, глоточек!

- Вот тебе капелька, вот тебе глоточек, - разливал Алеша по стаканам. - Петька, не подставляй, все равно не получишь. Ну и жадный ты! Немыслимо!.. Нюра, ваш стакан. Не стесняйтесь.

Когда последний глоток был выпит, кто-то тихо и смущенно сказал:

- А Артемке?

У АРТЕМКИ ПОЯВЛЯЕТСЯ НАДЕЖДА

Прошло две недели, а Артемка все еще был чужим среди гимназистов. И не то чтобы они нарочно им пренебрегали - нет, после случая с квасом ему оказывали даже внимание: за руку здоровались, угощали грушами, предлагали закурить. Но интерес он возбуждал только в одном отношении: просто было забавно, что мальчишка-сапожник, может и неграмотный вовсе, тоже хочет на сцене играть. В Артемке видели чудаковатого парня и, задавая вопросы, всегда смотрели на него выжидательно смеющимися глазами: не брякнет ли что-нибудь уморительное?

На репетициях Артемка сидел в стороне от других и молчал.

Иногда к нему подходила Леночка и спрашивала:

- Ну как? Нравится вам наша игра?

У нее были карие теплые глаза, и смотрела она ласково и внимательно.

Артемка прятал под скамью босые, в серой пыли ноги и хриплым от смущения голосом отвечал:

- Да... нравится...

Петька над Леночкой подшучивал, но она не обращала внимания.

Подходил и Алеша Лунин. Этот больше расспрашивал, как Артемка живет и много ли зарабатывает. И то, что Артемке казалось обыкновенным - например, что он живет в будке и сам себя кормит, - Алешу удивляло и вызывало к Артемке уважение. Но к его упорному желанию играть на сцене Алеша тоже относился как к чудачеству.

Как-то Артемка пришел на репетицию, а во дворе - никого, только ходят по сцене куры да носами о пол стучат. Артемка сел на скамью перед сценой и принялся ждать.

Время шло, а гимназисты не приходили. Артемка решил, что репетиция отложена. Он опасливо посмотрел в сторону флигеля - не смотрит ли кто из окна - и взобрался на подмости. Ему уже давно хотелось походить по сцене, посмотреть, как оттуда все выглядит. Стоя у самого края сцены, он подумал: «Да тут куда легче! В цирке на тебя со всех сторон смотрят, а тут что! Тут только с одной!»

Он опять глянул на флигель, потом ударил себя кулаком в грудь и гулким «басом», как в бочку, заговорил, подражая Коле:

- «Тетенька Раиса Павловна, у вас только и родных, что я да Аксюша:

она уже больше не попросит, а мне приданого не нужно. Я бедный труженик, но если бы у меня были деньги...»

Тут вдруг брякнула щеколда, и в калитке показалась Леночка, а за ней гимназисты.

Артемка охнул, кубарем скатился со сцены и забрался под подмости. Там, еле дыша, он и просидел, пока не кончилась репетиция.

Спектакля Артемка ждал, как праздника, и в этот день явился на Сенную еще засветло, когда не только публика, но даже исполнители не все были в сборе, Алеша Лунин выглянул из-за занавеса и позвал:

- Иди сюда, посмотри, как мы гримируемся.

Переодевались и гримировались артисты за сценой, под открытым небом. Два густых куста сирени служили естественной перегородкой между артистическими «комнатами». На ветках сирени артисты развешивали и принадлежности своего гардероба.

Артемке уже по цирку был знаком острый запах грима и лака, которым приклеивают бороды и усы, и теперь он с удовольствием опять ощутил его.

Коля-режиссер сидел перед зеркалом и кремом мазал лицо. Увидев Артемку в зеркало, он, не оборачиваясь, сказал:

- А, и ты тут! Ну-ка, помоги Сене Поставить павильон, а то, видишь, мы заняты.

Весь вечер Артемка бегал то за кулисы, то в публику. В антрактах он прибывал к декорациям деревянные откосы, опускал сверху падуги, перетаскивал мебель. Потом забирался на акацию, и, сидя над головами публики, жадно смотрел на сцену.

За время репетиций он выучил всю пьесу наизусть и теперь мысленно подсказывал гимназистам их роли. Если кто из исполнителей пропускал слова или комкал их, Артемка морщился и тихонько крякал. Невольно он сравнивал игру гимназистов с игрой актеров настоящего театра, и ему было обидно, что гимназисты говорят ненатуральными голосами и так ходят по сцене, будто их ноги спутаны веревками.

Но, когда на сцене появлялся Коля, Артемка забывал, что сидит не в настоящем театре, и сам того не замечая, отражал на своем лице всю мимическую игру гимназиста.

В одном месте Коля сделал такую длинную паузу, какой на репетиции никогда не делал. «Забыл!» - подумал Артемка в страхе за Колю и, повинувшись товарищескому чувству, с дерева подсказал:

- «Аркашка, у тебя есть табак?»

От неожиданности Коля вздрогнул и недоуменно посмотрел вверх. Публика расхохоталась, а Алеша, игравший Аркашку, машинально ответил:

- «Какой табак, помилуйте! Крошки нет». И Коле ничего не оставалось, как продолжать:

- «Как же ты в дорогу идешь и табаком не запасся?»

По счастью, Артемка успел спрятаться в листьях акации, и гимназисты так и не узнали, кто был виновником «накладки».

Но особенно нравилось Артемке, как Леночка играла Аксюшу. Там, в настоящем театре, Аксюша была какая-то неживая: ходит с женихом, о любви разговаривает, на горькое житье жалуется, а в голосе и в лице ни любви, ни горя. Даже не верилось, чтобы такая вобла всерьез топиться хотела. А вот Леночка совсем другая: что она ни скажет, всему веришь. Артемка чуть с дерева не соскочил, когда она крикнула: «Прощайте, братец!» - и, сбросив платок, побежала к реке топиться.

После этой картины Артемка опять шмыгнул на сцену. Аркашка, бородатый купец Восмибратов, Карп - словом, все действующие лица «Леса» ставили павильон, таскали столы и диваны, вешали на окна гардины, а Несчастливцев стоял посредине и, как капитан на корабле, коротко выкрикивал: «Опустить падугу! Диван влево! Шкаф в угол!» Увидев Артемку, он весело скомандовал:

- В сарай за стульями бего-ом!

Артемка бросился к сараю, накинул на оба плеча по стулу и, похожий в полумраке на петуха, бегущего с растопыренными крыльями, понесся обратно. Впопыхах он залетел на женскую половину, чуть не наскочил на Леночку и в испуге остановился.

- А, здравствуйте! - сказала девушка. Она оглянулась, не слышит ли кто, и лукаво спросила: - Вы куда тогда исчезли, а?

К лицу Артемки жарко-жарко прилила кровь.

- Ну, признайтесь же, - попросила Леночка, - только мне одной скажите: ведь это вы тогда читали монолог Несчастливцева?

- Я, - чуть слышно шепнул Артемка.

- Я так и знала. Слышали все, а догадалась только я одна. Бедный мальчик! Это вам так хочется играть, да?

- Да, - еще тише ответил Артемка и отвернулся.

- Это прямо свинство, что вам не дали роли! - рассердилась Леночка. - Ну, не огорчайтесь. Вот завтра мы начинаем репетировать «Женитьбу». Приходите, может, вам хоть роль Степана дадут.

- Я знаю «Женитьбу»! - обрадовался Артемка. - Это Гоголь написал.

- Да что он там пропал! - донесся недовольный голос Коли.

- Несу-у!..

Артемка подхватил стулья и, окрыленный надеждой, понесся на сцену.

БЕГСТВО

Спектакль кончился поздно. Вернувшись в будку, Артемка достал с полки «Женитьбу» и до тех пор не отрывался от книги, пока желтый свет лампы не потонул в блеске утра.

Потом знакомый рыбак принес чинить сапог. Сапог был огромный, из тех, в которых рыбаки ходят по воде, когда тащат на берег невод, и Артемке пришлось долго повозиться, пока удалось зашить на этом сапоге-великане прореху.

Боясь опоздать, Артемка не зашел даже в харчевню, а купил по дороге бубликов да ими и закусил на ходу.

«Дадут или не дадут? - в сотый раз спрашивал он себя, шагая по заросшей бурьяном улице. - Ну, Подколесина будет представлять Алеша, Кочкарева-чудицу Коля, Яичницу - Петька толстый, а кто же Степана? На слугу-то не много охотников найдется. Значит, Степана дадут мне. Как это? «Эй, Степан, у портного был?» - «Был» - «Что ж он, шьет фрак?» - «Шьет». - «И много уже нашил?» - «Да уж довольно, начал уж петли метать». Чего ж тут не представить? Совсем просто. А вдруг опять Сене дадут? И очень может быть. Он у них всегда слуг представляет».

И Артемка то прибавлял шаг, то останавливался и готов был вернуться назад.

Когда он вошел во двор, там было всего лишь три человека: Коля, Алеша и толстый Петя. Петя рассказывал о каком-то надзирателе гимназии Бродотрясе, которому гимназисты насыпали в карманы шинели нюхательного табака. Копируя этого надзирателя, Петька уморительно чихал. Потом стал рассказывать Алеша, и тоже смешное. Учитель-француз после звонка приказал гимназистам разойтись по классам. Алеша остался стоять около рояля. Тогда француз сказал: «Вы плохой юноша: все разошлись, а вы не разошелся», Артемка тоже засмеялся. Но, когда, в свою очередь, стал рассказывать Коля, Артемка подумал: «Ну что ж вы тянете за душу: скажите же наконец, буду я играть Степана или нет?»

Гимназисты сходились медленно, и каждый обязательно что-нибудь рассказывал об учителях. Все смеялись, а Артемка слушал и томился. Наконец пришли девушки. Опять расселись все под акацией, и началось распределение ролей. Коля называл действующих лиц и исполнителей. Большой частью гимназисты соглашались сразу; если же кто и пробовал возражать, Коля говорил: «Ничего, сыграешь» - и подавал белую

тетрадочку.

Артемка ждал, не подымая глаз; от волнения у него стучало в висках. Но вот Коля сказал:

- Роль Степана...

Артемка со страхом взглянул на Колю.

Чуточку подумав, Коля неуверенно спросил:

- Сеня, сыграешь?

У Артемки упало сердце. Мир стал тусклый, как запыленный сапог. Сеня протянул руку и взял тетрадочку.

- Вот и все, - сказал Коля. - Остается роль свахи. По ее у нас играть некому. Придется искать.

- А Надя? - спросила Нюра.

- Надя? - Коля с сожалением развел руками: - У Нади такие роли не выходят. Мы напрасно ей и роль Улиты давали. Правда ведь, Надя?

- Так вы ж мне дайте! - чуть не подскочил Артемка. - Накажи меня бог, я сыграю!

Все разом повернули к нему головы.

- Кого? - не понял Коля. Он подумал, что ослышался.

- Ну ту... как ее.. - Артемка коротко вздохнул и в отчаянии крикнул: - Сваху!

Тут будто кто уронил на каменный пол поднос с посудой - такой звонкий, дружный грянул смех.

Артемка мог вынести все: голод, холод, брань. Но смеха... нет, смеха над собой Артемка не терпел никогда. Руки его сжались. Он хотел крикнуть, выругаться, но проклятые слезы вдруг брызнули из глаз, и, всхлипнув, Артемка бросился вон со двора.

РОЛЬ

Сначала Артемка даже работать не мог - так расстроила его эта история. И ерунда всякая ночью снилась: будто вошла в будку белая кошка, открыла жестяночку с ваксой и принялась этой ваксой мазать себе мордочку. Полизет, полизет лапку, обмакнет ее в жестяночке и опять помажет. Всю мордочку испачкала. От этого сна на душе у Артемки еще мутнее стало.

К счастью, утром пришел заказчик и поднял скандал из-за того, что Артемка не приготовил ему вовремя штиблеты. Артемка тоже распалился, стал кричать, что у него были дела и поважнее, и в ссоре отвел душу...

А к обеду случилось такое, что Артемка даже подумал, не снится ли ему опять чепуха.

Только закончил он штиблеты скандального заказчика, как в будку кто-то просунулся и знакомый голос крикнул:

- Алеша, он здесь!

Артемка поднял голову и побледнел; в дверях стояли Коля и Алеша.

- Видишь, вот он, - сказал Коля. - А мы его на старом базаре искали.

Алеша перешагнул порог и протянул Артемке руку:

- Ну, здравствуй! Так вот где ты мастеришь...

Лица гостей были слегка сконфужены. Артемка опомнился и подвинул Коле чурбан.

- А вы сюда садитесь, - показал он Алеше на сундук.

Гости сели и с любопытством огляделись. Потом, неловко улыбнувшись, Коля спросил:

- Ты чего ж убежал, а?

Артемка нахмурился и отвернулся к окну.

- Обиделся, да?

Артемка молчал.

Алеша поднялся и положил ему на плечо руку:

- Не сердись, брат, на нас.

Артемка улыбнулся.

- Ну вот и хорошо! - обрадовался Алеша, глядя на Артемку своими ясными глазами. - Значит, мир? Экий же ты обидчивый! Немыслимо!

Артемку мучила одна мысль, и теперь он сказал:

- Послушайте, я спросить вас хочу. Вот вы тогда смеялись. Ну хорошо. А я так понимаю: сваха - это все равно что торговка. Правда? Я три раза

читал «Женитьбу», и мне даже удивительно было, как эта Фекла на нашу Дондышку похожа.

- Ну и что ж? Что ты хочешь сказать? - не понял Коля.

- А то, что эту Дондышку я могу голосом так представить, что закрой вы глаза - и не узнаете, кто говорит: я или она. Вот пойдете.

Артемка прикрыл дверь будки и повел гимназистов к рыбному ряду.

По обеим сторонам, перед мокрыми, посеребренными рыбной чешуей корзинками, сидели на маленьких скамеечках краснощекие бабы и зазывали покупателей.

- Вот она, - показал Артемка.

Толстая женщина, с таким лоснящимся лицом, будто оно было смазано розовым маслом, одной рукой держала покупательницу за юбку, а другой вытаскивала из корзины клейких бычков и сладким голосом уговаривала:

- Драгоценная моя, вы только посмотрите, это же не бычки! Разве бычки такие бывают? Это ж поросяточки! Тут весу в каждом по фунту. Это же сахар, рахат-лукум. Давайте вашу кошелочку. Полсотенки довольно будет? - И вдруг, побагровев от негодования, закричала вслед вырвавшейся женщине: - Жадюга кудлатая! Пойди, пойдди, поищи дешевле!

- Фекла! - крикнул Коля убежденно. - Честное слово, Фекла!

Артемка опять привел гимназистов в будку и хитровато сказал:

- Закройте глаза.

Гимназисты послушно зажмурились. Минута прошла в молчании. И вдруг голос, точь-в-точь как голос Дондышки, нараспев затянул:

- Мадам, драгоценная моя, да вы же только посмотрите, что это за бычки! Это же не бычки, это же перепелочки, истинный бог - перепелочки.

Гимназисты открыли глаза и не мигая уставились на Артемку. А он сидел на корточках, вытаскивая из воображаемой корзины воображаемых бычков, и сладостно уговаривал:

- Какая же это рыба? Это мед, халва, рахат-лукум!

И, странное дело, Алеше и Коле казалось, что не только голосом, но и лицом Артемка был страшно похож на Дондышку, хотя у мальчика лицо было худое, со впалыми щеками, а у Дондышки щеки круглились, как свекла.

- Немыслимо! - пробормотал Алеша в совершенном изумлении.

Коля быстро сунул руку в карман, выхватил свернутую трубкой тетрадь и бросил ее Артемке.

- Что это? - одними губами спросил Артемка, бледнея в предчувствии нестерпимой радости.

- Роль Феклы! Бери!

ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ

Бывают дни, которые проходят, как минуты, и тонут в отжитом, не оставляя воспоминаний. Таких дней в Артемкиной жизни было много. Знал Артемка и другие дни, полные всяких интересных происшествий. Это большие дни, и их было мало, зато в памяти они сидели крепко, как железные гвозди в каблуке. Но длиннее всех были те дни, когда чего-нибудь ждешь, а сидишь без дела.

Вот и теперь: роль выучена назубок, заказчики, как назло, не появляются, а репетицию гимназисты назначили только на шесть часов. Такой день целого года стоит.

Чтобы убить время, Артемка несколько раз бегал в рыбный ряд, останавливался перед Дондышкой и бесцеремонно разглядывал ее. Один раз он даже вслух передразнил торговку, но та разразилась такой крикливой бранью, что Артемка огорченно почесал в затылке и отступил к своей будке.

Наконец тень от соседней лавки подступила к самому порогу: время было идти.

На углу Сенной Артемке стало холодно, у самой калитки - жарко. А когда он брякнул щеколдой и гимназисты повернули к нему лица, пятки приклеились к земле и не отставали.

- Иди скорей, не задерживай! - крикнул Коля. Артемка сдвинул ногу и осторожно стал подходить. Нет, никто не смеется, даже на лице у Петьки не бродит ухмылка. Но в глазах у всех столько веселого любопытства, что Артемка опять остановился и подозрительно покосился на Колю.

- Ничего, ничего, - успокоил тот, подбадривая взглядом. - Садись, Артемка.

Гимназисток было только две: Леночка и Нюра. Леночка улыбнулась и кивнула Артемке головой. Поздоровалась и Нюра.

Артемка сел и спрятал босые ноги под скамью.

- Так вот, друзья, - продолжал Коля, - мы с Алешей уверены, что никто не догадается. Выходит очень натурально, ну и пусть все думают, что играет гимназистка. Зачем объяснять!

Артемка подумал, не о нем ли идет речь, и даже хотел тихонько спросить Алешу, но Алеша уже шел на сцену, чтобы улечься на диван: он играл Подколесина.

- Сеня, Артемка, приготовьтесь! - крикнул Коля. Артемка рванулся, но

тут же сдержал себя. А ноги все-таки дрожали. Вслед за Сеней он поднялся сзади сцены на подмостки и в ожидании сел на табуретку.

Алеша сделал губами «пах-пах-пах», будто курил трубку, потом повел глазами по «потолку» и начал:

- «Вот как начнешь эдак один на досуге подумывать, так видишь, что наконец точно нужно жениться».

И так это вышло у него по-домашнему, спокойно, что успокоился и Артемка.

Потом вышел Сеня, и между Подколесиным и Степаном начался разговор о фраке. Сеня играл плохо.

- Ты ж пойми, - поправлял его Коля: - Степан - слуга, крепостной, ленивый, ему не хочется подняться с лежанки, а барин только и знает: «Эй, Степан!», «Эй, Степан!» Отвечай ему скучно, гляди в сторону, а ты торопишься, говоришь с испуганным видом - зачем? Ну, сначала!

«Вот голова!» - подумал Артемка, еще более проникаясь уважением к Коле. Он взглянул в «публику», как, мол, та считает, и сердито отвернулся: гимназисты смотрели не на Алешу и Сеню, а на него, Артемку, и перешептывались. Артемке опять стало не по себе.

«Хоть бы скорей уж!» - подумал он с отчаянием. Наконец Степан доложил:

- «Старуха пришла».

- «А, пришла; зови ее сюда», - отозвался Подколесин.

Артемка глотнул воздуха, вскочил и посмотрел на Колю. Тот жестом показал, откуда и куда идти.

- «А, здравствуй, здравствуй, Фекла Ивановна! - сказал Подколесин, и в глазах Алеши Артемка увидел нескрываемое любопытство. - Ну, что? Как? Возьми стул, садись, да и рассказывай. Ну, так как же, как? Как бишь ее: Меланья?..»

Артемке покачалось, что доска у него под ногами куда-то уходит. Неживыми руками он взял стул и вместе с ним, как на палубе парохода в качку, пошел к дивану.

- Ближе, ближе, - показывал Коля, - вот сюда.

Артемка поставил стул, сел и, сдерживая себя, чтобы не торопиться, сипло сказал:

- «Агафья Тихоновна».

- Так, - кивнул головой Коля. - Только громче немного.

И от этого «так» у Артемки сразу освободилось дыхание. Он чуточку помолчал и уже чистым голосом медово протянул:

- «Агафья Тихоновна».

- «Да, да, Агафья Тихоновна. И, верно, какая-нибудь сорокалетняя дева?» - с возрастающим любопытством отозвался Алеша.

Артемка взглянул на Колю. Тот поощрительно кивнул. По лицу Феклы разлилась сладость:

- «Уж вот нет, так нет; то есть, как женитесь, так каждый день станете похваливать да благодарить!» - Артемка поднес ладонь к губам и чмокнул ее.

- «Да ты врешь, Фекла Ивановна!» - воскликнул Алеша, с явным удовольствием входя в роль.

Теперь Артемка даже не взглянул на Колю. Поджав по-старушечьи губы, он сказал:

- «Устарела я, отец мой, чтобы врать; пес врет», - и такую состроил обиженную физиономию, что кто-то из гимназистов не выдержал и прыснул.

Артемка вскинул голову: гимназисты смеялись весело, добродушно. Артемка посмотрел, понял, что победил, и тоже засмеялся.

АРТЕМКА ОБЗАВОДИТСЯ ГАРДЕРОБОМ

Заглянув в будку, всякий бы решил: с ума спятил парень. Иначе зачем этому парню строить перед зеркальцем гримасы и по-старушечьи болтать разный вздор! Впрочем, в эти дни Артемка действительно был вне себя. Он до того входил в роль, что, позови кто-нибудь на базаре: «Фекла Ивановна!», он обязательно выскочил бы из будки.

С каждым днем репетиция шла все лучше. Хотя Артемка и удивлялся раньше, что гимназисты ходят по сцене как-то ненатурально, но и у него самого сначала путались ноги. И с руками была беда: иногда Артемка прямо не знал, куда их девать. Только на третьей репетиции догадался, что ими можно придерживать концы шали.

Но от одного недостатка Артемка так и не смог избавиться: сваха Фекла и торговка Дондышка в его воображении почти полностью сливались в один образ, и он незаметно для себя уснащал речь Феклы такими оборотами, что Леночка и Нюра в испуге только глаза расширили.

- Стой! - вскрикивал Коля. - Иди сюда, посмотри в книгу. Ну, где здесь написано: «Чтоб тебе рожу перекосило»? Нет таких слов в роли!

- Правильно, нет! - удивлялся Артемка. Потом смотрел в тетрабочку и опять удивлялся: - И тут нет. Чудно!

Расписывая невесту, он сравнивал ее с медовой халвой. Яичницу называл толстобрюхим идиолом, Кочкарева - брандахлыстом. Коля запрещал одни слова Артемка говорил другие, Коля запрещал другие - Артемка пускал в ход третьи. Ничего не добившись, режиссер махнул рукой.

На четвертой репетиции Артемка подошел к Коле и тихонько сказал:

- Юбки у меня нету - вот беда.

- Юбки нет? - засмеялся Коля. - Ну, это не такая уж беда!.. Леночка, Нюра, вы поможете?

- Поможем, - ответили девушки. После репетиции Нюра сказала:

- Пойдемте с нами.

Шли вчетвером: Леночка, Нюра, Коля и Артемка. В такой компании Артемке еще не приходилось ходить по улице.

Шли к Нюре, а Нюра жила в самом центре. К счастью, солнце уже село и только алели края облаков. А когда вышли на Главную, и совсем стемнело. У парадного входа с эмалированной дощечкой на двери

остановились. Нюра уже подняла руку к кнопке звонка, но потом повернулась и скользнула по Артемке взглядом:

- Может, пусть пройдет в беседку? А то, знаете, мама...

- Правильно, - подтвердил Коля. - Пойдем, Артемка, сюда.

Он открыл чугунную калитку и через мощный двор провел Артемку в садик.

- Посиди здесь, - показал он на увитую диким виноградом беседку и ушел.

В беседке было совсем темно. Артемка подумал:

«Как бы дворник не застал одного! Обязательно по шее накладет». Ждать пришлось долго. Несколько раз по двору кто-то проходил, стуча сапогами о булыжник и пугая Артемку.

Наконец послышались легкие шаги и знакомые голоса. Вошли Леночка и Нюра и положили на стол что-то бесформенное, смутно забелевшее в темноте. Следом вошел Коля. Он зажег свечу, и Артемка увидел большой узел.

- Очень уж ты худой, - сказал озабоченно Коля. - Сваха выйдет тощая.

Девушки развязали узел и стали расправлять платье. Повеяло духами и тем особым запахом, каким пахнут все сундуки и гардеробы.

- Вот это, кажется, - сказала Леночка. - Ну-ка, поднимите руки.

Над головой у Артемки зашуршало. Секунда пахучей темноты - и он увидел на себе шелковое лиловое платье.

- Широкое, - смутился Артемка.

- Ничего. Надо только вату подложить. Натя вот шаль, - подала Нюра.

Шаль тоже была шелковая, в цветах, с густым масляным отливом. Артемка накинул ее на плечи и, посапывая от удовольствия, посмотрел на Колю.

- Хорошо, - сказал Коля. - Ну-ка, пройдишь.

Артемка вспомнил, как он целый день ходил в теннисном костюме Джона перед пантомимой в цирке, и теперь робко спросил:

- А можно мне так домой пойти? Я верну, вы не сомневайтесь.

- Как, в женском платье? - в один голос вскрикнули девушки.

- А что же, - поддержал Коля, - пусть упражняется. Вали!

- Можно? - обрадовался Артемка и, не сказав даже «до свиданья», бросился из беседки.

Когда Леночка, Нюра и Коля подбежали к калитке, они увидели только дворника. Старик поскреб в бороде и озадаченно сказал:

- Вроде привиделось.

- А что? - спросила Леночка, сдерживаясь, чтобы не расхохотаться.

- Да дамочка тут одна из нашего двора выпрыгнула. Платье, как на барыне, шаль на плечах, а босая. Вроде тронутая...

ДЕБЮТ

Утром в самый день спектакля старьевщица принесла Артемке чинить сафьяновые сапожки. Починка требовалась пустяковая, но Артемка покачал головой и сказал, что раньше чем к завтрашнему дню готовы не будут. А вату Артемка купил на толкучке по случаю - чуть не целый тюк.

С этим тюком за спиной, с узлом под рукой и в сафьяновых сапожках Артемка и явился на Сенную.

Сначала вышло замешательство: никто не знал, на какую половину послать Артемку - на женскую или мужскую. Решили так: загримировать на мужской, а одеть на женской.

Леночка и Нюра так умело принялись за него, будто всю жизнь только такими делами и занимались. Артемке было и приятно и в то же время неловко, что девушки возятся с ним. Он чувствовал на своем лице их дыхание, даже через вату ощущал прикосновение их тонких розовых пальцев и боялся шевельнуться.

- Теперь посмотрите на себя, - сказала Леночка и за руку подвела Артемку к большому зеркалу.

И Артемка увидел пожилую женщину в капоре, с шалью на плечах. Артемка прищурился - женщина тоже прищурилась; Артемка поджал обидчиво губы и покачал головой - женщина тоже обиделась и тоже покачала своим капором.

Когда Артемка пошел на мужскую половину, то с радостью заметил, что идет «плавно и степенно», как учил Коля.

Гимназисты уже надели парики с зачесанными вверх хохолками, форменные мундиры, взятые у своих отцов и дядей, и высокие, «гоголевские», воротники, подпиравшие подбородки. Увидев Артемку, Петя-Яичница загоготал, потом уперся кулаками в бока и грозно сказал из роли:

- «Вот я тебя сведу в полицию, старая ведьма, так ты будешь знать, как обманывать честных людей».

Артемка был так счастлив, что теперь ему даже Петька нравился.

Феклу окружили, подхватили под руки и потащили на сцену показать Коле.

- Ой, - вскрикивал кто-то смеясь. - Ой, не могу!

Смеялись все, даже Алеша. Коля, сдвинув брови, кричал: «Да перестаньте вы!», но не выдержал и сам рассмеялся.

И Артемке нисколько не было обидно.

В самый разгар веселья на подмости вскочил Сеня и испуганно крикнул:

- Брадотряс.

- Ну? - как один повернулись к нему гимназисты.

- Ей-богу! На передней скамье сидит.

Все бросились к занавесу, проделали в нем маленькую дырочку и столпились около нее.

- Да, он! - сказал Коля. - Вот черт носатый!

Артемке тоже захотелось посмотреть на надзирателя, которому гимназисты насыпали в карманы нюхательного табака, и он тоже заглянул в дырочку. Все скамьи были уже полны. На передней сидел длинноносый мужчина в темно-синем, с золотыми пуговицами сюртуке и, казалось, смотрел на Артемку. Со двора неслись гул голосов, смех, нетерпеливые хлопки.

- Начали! - хлопнул в ладоши Коля. - По местам!

Алеша лег на диван, остальные выбежали за кулисы. Сеня поднял вверх руку и затряс колокольчиком. Потом стал у двери и приказал Артемке:

- Стой здесь, не отходи.

- Знаю, - сказал Артемка, - не маленький.

Кто-то задергал веревками от занавеса. Нестройный гул из публики сразу усилился. Потом стало так тихо, что даже за кулисами слышали шепот суфлера.

Спектакль начался.

Сеня то смотрел в щелочку, напряженно вслушиваясь в слова Подколесина, то распахивал дверь и, точно в воду, бросался на сцену. Ленивого равнодушия Степана он так и не усвоил.

«Сейчас и мне выходить!» - подумал Артемка и вспомнил, как год назад стоял в цирке перед малиновой портьерой и глядел в жутком оцепенении на тысячеликое чудовище - публику. Не будь тогда рядом Ляси и Пепса, он ни за что не выбежал бы на арену.

При мысли о своих друзьях у Артемки защемило в сердце, и стало жалко, что никто - ни Пепс, ни Ляся - не увидит его первого выступления в театре. А как бы Пепс радовался!

- Волнуетесь? - услышал Артемка шепот. Рядом стояла девушка, нарумяненная, с густо подведенными глазами.

- Нет, - обрадовался Артемка, узнав Леночку. - А вы в щелочку будете смотреть?

- Конечно, - улыбнулась Леночка. Потом еще тише сказала: - Только вы никогда больше не играйте женских ролей.

Не успел Артемка спросить почему, как Сеня распахнул дверь и испуганно сказал:

- Приготовься!

Артемка состроил старушечье лицо.

- Выход!..

И первое, что увидел Артемка, оказавшись на сцене, была суфлерская будка, а в ней гимназист с усиками. Приложив рупором руку, гимназист что-то отчаянно шипел в сторону Алеши.

От двери до дивана было несколько шагов, но сцена Артемке показалась такой огромной, что у него отяжелели ноги и стали как чугунные. Алеша смотрел на Артемку и что-то говорил. Артемка ясно видел, как у Алеши раскрывается рот, но слова доносились слитые, гулкие, будто Алеша говорил в кувшин.

И тут с Артемкой случилось такое, о чем он долго еще вспоминал с ужасом. С трудом оторвав от пола ногу, он наступил ею на подол своего платья. Сделал еще шаг - раздался треск рвущейся материи. «Пропал!» - подумал Артемка и в отчаянии двинул ногой. У пояса что-то дернулось, треснуло, и, взмахнув руками, Артемка грохнулся на пол.

- Держись! - крикнул кто-то из публики. Несколько голосов охнуло. И все это покрылось дружным смехом.

Алеша, забыв, что ему полагается быть медлительным, сорвался с дивана и вприпрыжку бросился к Фекле.

- Ах, Фекла Ивановна, - говорил он, поднимая Артемку, - как же это ты, мать моя, на ровном месте спотыкаешься! Ну, иди, иди сюда! Садись да рассказывай. Как бишь ее: Меланья?

Артемка обалдело молчал.

Отвернувшись от публики, Алеша скорчил ему такое угрожающее лицо, что Артемка немедленно шлепнулся на стул и машинально ответил:

- «Агафья Тихоновна».

Гимназист с усиками отчаянно зашипел, подсказывая.

Алеша лег на диван и уже спокойно спросил:

- «И, верно, какая-нибудь сорокалетняя дева?»

Артемка укоризненно посмотрел на смеющуюся публику, как бы говоря: «Эко вас!», потом сделал умиленное лицо и врасстяжку ответил:

- «То есть, как женитесь, так каждый день станете похваливать да благодарить».

И от себя добавил:

- Рахат-лукум! Инжир! Чтоб мне с места не сойти!

И спектакль продолжался.

Фекла говорила обыкновенные слова, будто ничем особенно не смешные, но публика уже заразилась смехом. К тому же в игре этой никому не известной «гимназистки» было столько живой непосредственности, что ей даже весело похлопали, когда Артемка, закончив сцену, пошел, покачиваясь, к выходу.

За кулисами Артемка всплеснул руками и громко выругался:

- Вот проклятые сапоги! Так на юбку и наступают!

Сеня сердито на него зашипел, а Леночка и Нюра подхватили дебютанта под руки и потащили на женскую половину зашивать ему платье.

Вечер, к которому Артемка столько готовился, пролетел с удивительной быстротой.

Всякий раз, уходя со сцены, Артемка слышал трескучие хлопки и испуганно оборачивался: тогда хлопки сменялись взрывами смеха.

Дебютант явно пришелся публике по душе. Все только и говорили об игре новой «артистки», обозначенной в рукописных программах инициалами «А. З.». Что это означало «Артемка Загоруйко», не знал никто.

Но вот и последний выход.

Артемка подошел к рампе, посмотрел в публику смеющимися глазами и торжествующе сказал:

- «Уж коли жених да шмыгнул в окно - уж тут просто мое почтение!»

Да так, с разведенными руками и смеющимися глазами, и стоял, пока под треск аплодисментов не закрыли занавес.

Вызывали Алешу и Колю. Но больше всего кричали:

«А. Зэ!» «А. Зэ!»

Артемка видел, что кричат это ему, но что такое «А. Зэ.» - не знал и, опасаясь подвоха, не кланялся.

У ЛЕНОЧКИ

Отношение к Артемке изменилось. Теперь уже никто не считал его чудаком и никто не смеялся над ним. Во французской мелодраме «Тайна коричневой комнаты» ему дали роль Жульена, чистильщика сапог. Роль была маленькая, почти без слов: сидит мальчишка на бульваре, хватается прохожих за ноги, орудуя щетками. Но Артемка сделал ее такой яркой, Жульен получился такой забавный, что публика весь акт не отрывала от него глаз.

Артемка повеселел и от жизни ждал только приятных вещей.

Как-то он задержался и пришел на Сенную, когда уже темнело. Калитка, против обыкновения, оказалась запертой. «Что такое? - подумал Артемка. Неужели разошлись?» Он прислушался: нет, голоса доносятся. Артемка постучал. К калитке подошел сам Коля. Увидев Артемку, он переминался с ноги на ногу и не сразу сказал:

- Знаешь что: приходи, брат, позже - нам тут одно дело надо обсудить.

Артемка смутился. Он уже повернулся, чтобы уйти, но Коля остановил:

- Кстати, проводи домой Леночку. Будь кавалером. - И крикнул: - Леночка, идите, вас Артемка проводит!

Вышла Леночка, поздоровалась, и они пошли.

Была полная луна. Выбеленные стены домиков так и сияли. Артемка боялся, что если кто-нибудь увидит с ним гимназистку, то потом будет смеяться над девушкой, и держался в черной тени акаций. Но Леночка об этом, видимо, не думала и оживленно рассказывала о смешной дружбе, которую завел ее старый дворовый пес с курицей.

Около небольшого домика, тоже выбеленного и тоже сиявшего под луной, она остановилась и взялась за ручку калитки:

- Хотите посмотреть? Они даже спят вместе.

Вслед за Леночкой Артемка вошел в маленький двор. Запахло сырой, недавно политой землей и петуниями. Кудлатый пес, лежавший возле будки, лениво поднялся, помахал хвостом и пошел к Леночке, но на полпути вдруг сел и яростно заскреб шею когтями.

В будке действительно сидела курица. Артемка хотел ее потрогать, но пес перестал чесаться и предостерегающе зарычал.

- Нельзя, - сказала Леночка. - Полкан ревнует. - И предложила: - Хотите молока?

Молоко было холодное, только из погреба, и такое вкусное, какого Артемка не пил никогда.

- Садитесь и рассказывайте, что вы делали в цирке, - приказала Леночка.

Это было неожиданно и так приятно, будто девушка подслушала давнее желание Артемки рассказать ей, именно ей, о Пепсе и его чудесном обещании.

Они сели на скамью под дуплистой грушей, и Артемка с готовностью начал:

- Ох, он и большой же!

- Цирк?

- Да нет, Пепс!.. А цирк тоже большой. Прихожу я в сторожку, а Пепс лежит в желтых ботинках и плачет...

Артемка рассказывал, а Леночка слушала и молча смотрела в его бледное от лунного света лицо. Один раз, чтобы ярче представить негра, она даже прикрыла глаза. Артемка подумал, не скучно ли ей, и разочарованно умолк. Но Леночка сдвинула тонкие брови и нетерпеливо приказала: «Ну же!» И все время, пока он говорил, больше не спускала с него своих внимательных ласковых глаз. Потом вздохнула и с завистью сказала:

- Счастливый! А вот со мной ничего интересного не случилось.

Она задумалась.

Где-то в листве заворошилась проснувшаяся птичка.

Стуча лапой о будку, зачесался Полкан. И опять все стихло.

- Какая ночь! - вздохнула Леночка. Она сцепила пальцы рук и, глядя на небо, вполголоса прочла:

Не знаю отчего, но на груди природы -
Лежит ли предо мной полей немая даль,
Кольшет ли залив серебряные воды
Иль простирает лес задумчивые своды,
В душе моей встает неясная печаль.

- Вам нравится? - повернулась она к Артемке.

- Да, - сказал он равнодушно. И, вспомнив, оживился: - Вот то, что Коля читал, то здорово! Помните, про мужиков, которых вельможа прогнал? Вот бы переписать! Перепишу и тоже читать буду.

- Вам обязательно надо разыскать своего Пепса. Обязательно! Он вас

любит и для вас сделает все. Ведь вы очень способный. Коля говорит: «Если бы у меня были такие способности, я бы на сцену пошел». Алеша вам даже завидует.

- Ну, завидует! - не поверил Артемка.

- Да, завидует! - подтвердила Леночка. - Только вам учиться надо, вам очень много надо учиться. Хотите, я с вами буду заниматься? Ну, не по всем предметам, а только по русскому? А то вы очень неправильно говорите: «Что-нибудь». Разве так можно? «Что-нибудь», а не «что-нёбудь».

- Ну, что-нибудь, - согласился Артемка, - Я ж только приходскую школу кончил.

- Вот видите! - с упреком сказала Леночка, как будто Артемка был в этом виноват. - Вам обязательно надо учиться. Вот если бы Коля и Алеша тоже помогли!

Артемка спросил:

- А почему они калитку заперли? Они и вас выгнали, да?

Леночка рассмеялась:

- И меня! - Потом серьезно сказала: - Нет, просто мне надоело слушать их споры.

- Какие споры? - допытывался Артемка.

- Какие споры? - Леночка подумала, взглянула на раскрытое окно дома и таинственно спросила: - А вы никому не скажете?

- Я? - возмутился Артемка и положил на грудь ладонь, как делал в таких случаях отец: - Могила!

- Да они вам все равно скажут, только Коля не хочет, чтобы вы слышали их споры. - Леночка опять взглянула на окно. - Коля и Алеша пьесу написали... такую, знаете?.. Только не все соглашаются ставить. Боятся...

- «Великую семью»? - вскочил Артемка со скамьи.

- Вы знаете? - удивилась Леночка. - Откуда?

Артемка тоже взглянул на окно:

- А вы никому не скажете?

- Могила! - передразнила девушка.

Артемка приблизил лицо и зашептал:

- У меня тоже есть такая книжка. Мне дал ее один человек. Мы с ним сыщика обдурили. Это ж такой человек!.. Он меня в театр водил и про гимназистов мне рассказал. Без него я к вам не попал бы никогда. Я знаю: «Великая семья» - это против царя и буржуев, правда?

В окно показалось чье-то лицо, и слабый женский голос осторожно спросил:

- Леночка, тебе не сыро? Ты бы шла уже.

- Иду, мама! - отозвалась девушка и встала. - Вот вы какой!.. - протянула она с уважением. - А я и не знала.

У калитки Леночка спросила:

- Так придете учиться?

- Приду, - сказал Артемка. - Завтра же и приду.

СЕНЯ СТРУСИЛ

Но на другой день учиться не пришлось. Утром, когда Артемка ставил на сапог латку, в будку вскочил Сеня. Вид у него был еще более испуганный, чем обычно.

- Ты здесь? А я в соседнюю будку влетел... На!

Он вытащил из-под рубашки тетрадь и бросил на Артемкин стол.

- Что это? - обрадовался Артемка. - Роль?

- Ну да! Я в твою пользу отказался, понял? Коля дал мне, а я решил: пусть лучше Артемка играет, а я уже много раз играл. Иди сейчас же на репетицию. Там ждут. А я уезжаю, понял? К дяде на дачу. Ну, скорей!

И Сеня бросился вон из будки.

Артемка схватил тетрадь. На первой странице стояло: «Великая семья». Роль Яшки».

- Роль Яшки! - крикнул в восторге Артемка.

Он швырнул сапог в угол и, даже не заперев будку, помчался на Сенную.

«Роль Яшки! - ликовал он на бегу. - Это ж тот самый мальчишка, который расклеивал по ночам листовки, таскал их на завод, дурил головы городовым! Эх, роль! Вот это роль!»

Когда Артемка вскочил в калитку, на сцене уже шла репетиция.

Одним духом он промчался через двор, прыгнул на подмости и остановился перед Колей.

- Ты что? - спросил тот.

- Я думал, опоздал, - с трудом перевел дыхание Артемка. - Мне еще не пора выходить?

- Куда выходить?

Коля с недоумением смотрел на Артемку, Артемка - на Колю.

- Я думал, опоздал, - опять сказал Артемка.

Леночка и Алеша, репетировавшие какую-то сцену, умолкли и с ролями в руках подошли ближе.

- Ничего не пойму! - вздернул Коля плечом. - С луны ты свалился, что ли?

Вдруг он заметил в руках Артемки роль. Взял ее и еще больше удивился:

- Откуда это у тебя? А Сеня где?

Удивился и Артемка:

- Что такое вы говорите? Он же на дачу уехал.
  - На дачу? А роль тебе передал?
  - Ну да! И сказал, чтоб я скорей сюда бежал.
  - Слышали? - саркастически усмехнулся Коля. - На дачу уехал наш храбрец! А роль Артемке передал. Спасибо, хоть заместителя нашел.
  - И скатертью дорога! - засмеялся Алеша. - Трус несчастный! А Яшку и правда пусть Артемка играет. Это ж Яшка будет!
- Коля поморщился:
- Не хотелось мне его впутывать. В случае чего, за него и заступиться некому будет. Ну, раз так случилось, пусть играет... Только, Артемка, уговор: никому ни гугу. Это, брат, такая пьеса...
  - Не сомневайся, - перешел вдруг Артемка на «ты», - не подведу.

«ФАРАОН ИДЕТ!»

Пьесу поставили не в воскресенье, как обычно, а в пятницу и пригласили только избранных. Приглашавшие предупреждали: никому ни слова.

Как всегда, перед сценой гости спорили из-за мест, смеялись, перекликались, нетерпеливо хлопали. Петя вышел из-за занавеса, чтобы попросить публику не шуметь и не привлекать шумом кого не следует. Увидев на скамьях всех обычных посетителей, он только и мог сказать: «Ба, знакомые всё лица!» - и ушел, махнув рукой.

Но когда открылся занавес и со сцены зазвучали далеко не обычные слова, у многих гостей вытянулись физиономии и не один папаша подумал: «Как бы тут не влипнуть!» Уходили, забрав детей, во время действия. В антракте Артемка, помогавший переставлять декорацию, заглянул в дырочку занавеса и в восхищении подпрыгнул:

- Дёру дают! Вот пьеса!

- Дашь тут дёру, - мрачно отозвался Петя, - когда такие речи.

- Боишься? - откровенно спросил Артемка.

Петя рассердился:

- Дурак! Я, что ли, эти речи говорю! Я заводчика играю!

Все-таки, когда начался второй акт, публики было еще много.

В первом действии Артемка не участвовал. Теперь, ожидая выхода, он немного волновался.

Почти все участники были на сцене. Там, на ступеньках террасы, одетый в пиджак, со шляпой-котелком на голове, стоял Петя и раздраженно говорил делегатам бастовавших рабочих:

- Опомнитесь! Принимайтесь за работу! Или вам не жалко своих детей?

Леночка играла роль дочери фабриканта. Она стояла за кулисами, недалеко от Артемки, и тоже ждала выхода. В белом атласном платье, со взбитой прической, с жемчужной ниткой на шее, она была так хороша, что гимназист-верзила, игравший полицейского пристава, опустился перед ней на одно колено и приложил руку к сердцу. Но Артемке она в этом богатом наряде показалась чужой, и он с неприязнью косился на ее пышный веер.

Леночка подошла ближе и что-то хотела сказать, но в это время на сцене заговорил Коля. Он играл молодого рабочего, организатора забастовки, играл с подъемом, с большой искренностью, и от его голоса,

мужественного и страстного, у Артемки по спине пробежал мороз.

- Хорошо! - шепнула Леночка. Артемка от удовольствия даже зажмурился. Но тут же пренебрежительно сказал:

- А Петька трус!

- Трус! - согласилась Леночка. - Коля молодец. И Алеша тоже. Ведь если директор узнает, что они написали эту пьесу, их исключат из гимназии.

- Как это «исключат»? - не понял Артемка.

- Ну, выгонят. Не прозевайте, вам скоро выходить.

Артемка прислушался.

- Сейчас, - сказал он, подавляя волнение, и озадаченно спросил: - Неужто выгонят?

Со сцены донеслась знакомая реплика. Артемка вздрогнул, порывисто вздохнул и, сделав два шага, оказался перед публикой. Волнение сразу исчезло. Осторожно, на носках, Артемка подкрался к толстому заводчику и приколол ему на спину листовку. В публике засмеялись. Артемка пригнулся и на четвереньках подполз к заводским воротам. Здесь он должен сидеть молча, а при появлении пристава криком предупредить рабочих:

«Фараон идет!» Артемка принялся ждать. Сейчас говорит Петя-заводчик. Как только он кончит, рабочие закричат: «Не желаем! Не желаем!», а Алеша, играющий рабочего-китайца, поднимет вверх желтую руку и скажет: «Мы все есть великий семья!» После этих слов и появится пристав.

Вот Петя договаривает последние слова. Вот уже кричат рабочие. Вот Алеша поднимает руку. Вот в воротах появляется фигура в белом кителе...

- «Фараон идет!» - что есть духу кричит Артемка и окаменеет от изумления: на сцену в белом кителе вошел не верзила-гимназист в гриме полицейского пристава, а носатый чиновник, которого гимназисты называли Бродотрясом.

В публике что-то грохнуло. Был ли это смех или крик, Артемка не знал, но звук вырвался сразу и сразу оборвался. Потом наступила такая тишина, что все явственно услышали, как кто-то приглушенно шепнул: «Доигрались!»

Артемка перевел глаза на гимназистов. Они стояли неподвижно, застыв в тех позах, в каких их застало появление надзирателя гимназии.

- А у него борода трясется, - сказал мальчуган, сидевший, как обычно, на акации.

- Я прекращаю это безобразие!.. Прекращаю!.. - прохрипел чиновник.

Петя вдруг бросился со сцены за кулисы. И сейчас же, судорожно

дергаясь, опустил занавес.

- Закрыл! - сказал Петя, опять вбегая на сцену. - Вот и все, Филарет Самсонович. И никаких недоразумений: нельзя - и нельзя, Филарет Самсонович.

У надзирателя опять затряслась борода:

- Так вот вы чем занимаетесь! Инсценируете запрещенные книжонки! Тайком нелегальщину показываете! Извольте сию же минуту сказать: кто состряпал эту, с позволения сказать, пьесу? Ну-с?

Артемка подумал: «Неужто признаются? Выгонят же!» И спокойно сказал:

- Да я написал.

- Вы?.. - вскрикнул Брадотряс и сейчас же недоуменно забормотал: - Но... позвольте... вы... вы, собственно, кто такой? Я вас не знаю. Вы гимназист?

- Чего? - удивился Артемка такому нелепому вопросу. - Сапожник я.

- Сапожник? - выпучил надзиратель глаза. - Но как же вы сюда затесались? И потом... потом... вы врете! Разве сапожники пьесы пишут? Вы врете самым наглым образом.

- А чего я буду врать? Написал - и написал! - нахмурился Артемка.

- А я говорю: врете! - настаивал надзиратель. - Если не врете, покажите пьесу. Посмотрим, чья рука. Ну-с!

Артемка заглянул в суфлерскую будку. Но гимназиста с усиками и след простыл.

- Нету пьесы, - развел руками Артемка. - Потерял. Да вы не сомневайтесь: та книжка у меня в сундуке лежит. Вот пойдёмте в будку.

- В будку? Это... куда же-с?

- А на базар.

- На базар?.. Ночью... Гм... А впрочем... Идти по Карантинному? Мимо участка?

- Да хоть и по Карантинному.

- Хорошо-с, отлично, - согласился Брадотряс и, обратясь к совершенно растерявшимся гимназистам, ханжески сказал: - Господа, я всегда был ходатаем за вас перед директором. Буду просить и теперь. Как знать, может быть, удастся вас отстоять. - Потом опять повернулся к Артемке: - Ну-с, господин литератор, извольте проводить меня в ваш рабочий кабинет... хе-хе... в будку! Ну-с!

АРЕСТ

Брадотряс и Артемка шли рядом. Фонари на улицах не горели, луна еще не взошла. Надзиратель вглядывался в темноту, жался от всякого шороха и все повторял:

- Я, господин сапожник, ни черта не боюсь. Видите, что у меня в руке? Бахну из этой штуки - и наповал! Вот именно!

Из освещенного окна дома на руку надзирателя упал свет. Артемка сказал:

- А с виду будто портсигар.

Брадотряс крикнул и молча спрятал «оружие» в карман.

- Дядя, - спросил Артемка, когда свернули в Карантинный переулок, - а что за это гимназистам будет?

- Что будет? Карцер - раз, вон ко всем чертям из гимназии - два и, если папаша не отстоят, волчий билет - три...

Брадотряс от удовольствия даже прищелкнул языком. Потом с сожалением добавил:

- Впрочем, если пьесу действительно написал ты, что невероятно, то только карцер, а тебе волчий билет - и вон ко всем чертям из города. А то и в тюрьму.

- Ну, в тюрьму! Ловкачи какие!

Артемка обиделся и больше уж не заговаривал. Около полицейского участка, где на полосатой будке горел одинокий фонарь, Брадотряс вдруг схватил Артемку за руку.

- Чего вам? - удивился тот.

- Городовой! - вместо ответа крикнул надзиратель. - Ну-ка, поддержи!

Из будки вышел полицейский, зевнул, перекрестил рот и взял Артемку за воротник.

Брадотряс скрылся в участке. Спустя немного деревянные ступеньки закрипели, и Артемка увидел толстого полицейского, в котором узнал старого знакомого - околоточного надзирателя Горбунова. За ним спускался Брадотряс.

Горбунов посмотрел Артемке в лицо и равнодушно сказал:

- Из моего околотка. Сапожник. Сомнительно.

- Вот именно, сомнительно, даже невероятно. Врет он. А для чего, не пойму. - И Брадотряс вопросительно посмотрел на Горбунова.

- Пошли, - буркнул тот.

Шли молча: Артемка посредине, полицейский и гимназический надзиратель - по бокам. Некоторое время слышалось лишь поскрипывание сапог да сопение конвоиров. В конце переулка показались силуэты базарных построек. Горбунов с шумом вздохнул и равнодушно пожаловался;

- Собачья служба! Ни днем, ни ночью покоя нет! - и уже до самой будки не проронил ни слова.

Артемка открыл замок, нащупал в темноте спички и зажег лампу. Нагнув голову, шумно дыша, Горбунов вошел в будку и, как бык, заворочался в ней. Брадотряс остался снаружи, только голову просунул в дверь.

- Ну, давай твои книжки! Где они? - скучно сказал Горбунов.

Артемка приподнял сундучок и вынул две брошюрки - одну в зеленой обложке, другую в желтой.

- Скажите пожалуйста! - оживился Горбунов. - И вправду нелегальщина. Где же ты достал?

- От отца осталось, - не сморгнул Артемка глазом.

- Это может быть: отец у тебя вредный был А еще что есть?

- «Женитьба» Гоголя есть, «Шинель», «Конек-горбунок».

Артемка снимал с полки запыленные книжки и по одной подавал Горбунову. Тот брал, плевал на пальцы и, косясь на Брадотряса, с сомнением перелистывал.

- Разрешенная, - вздыхал Брадотряс.

- А больше нету? - лениво спросил Горбунов.

- Нету.

- Ну, все. Так запирай будку и пойдем...

Он для формы пошарил еще рукой по полке, скосил глаза под столик.

- Пойдем, хватит и этого.

На углу Карантинного Брадотряс остановился:

- Мне налево-с. А протокол зайду подписать утречком.

- Будьте здоровы! - буркнул Горбунов. Далеко, в самом конце переулка, поднималась огромная красная луна. Из подворотни на дорогу вышла собака и протяжно завывала. Артемке стало не по себе.

- Куда это мы идем? - насторожился он.

- Ну и дурак же ты! - удивился Горбунов. - Пьесу-то кто написал? Ты?

- Ну, я.

- А спрашиваешь, куда идем. К бабушке на свадьбу. Жалко, отец твой помер, а то бы сидеть вам вместе.

Артемка вспомнил ржавые решетки на окнах каталажки и серые

заросшие лица, вечно выглядывавшие из этих окон.

«Не шмыгнуть ли в переулок? - подумал он. - Куда ему, толстому, гнаться за мной!»

Но Горбунов, словно догадавшись, вынул из кобуры огромный наган и показал Артемке:

- Видал? Попробуй только!

Около участка околоточный передал Артемку городовому, а сам пошел дальше. Городовой опять взял Артемку за воротник и, подталкивая, повел сначала вверх по лестнице, потом, через прокопченную табачным дымом канцелярию, вниз, в подвал.

Когда закрылась дверь и Артемка оказался в пахнувшей крысами темноте, ему стало страшно. Некоторое время он стоял у двери, вперив глаза в черное, как сажа, пространство. Вдруг близко кто-то сказал:

- Пух!

- Что? - шепотом спросил Артемка, сжимаясь от страха.

- Пух, - ответили ему и тоненько присвистнули.

«Какой-то знак, - решил Артемка. - Наверно, жульнический Как бы не ударили еще». И на всякий случай предупредил:

- Не очень-то! Я и сдачи дам.

Но «пух» и присвист чередовались с такой правильностью, что Артемка скоро догадался: спит кто-то.

Он протянул вперед руки и, нащупав деревянную скамью, лег.

«Чего я испугался? - подумал он. - Ну, посадили и посадили. Небось выпустят. А не выпустят - дёру дам!» - и, поворочавшись, заснул.

В КАТАЛАЖКЕ

Первое, что увидел Артемка утром, были синие, как на иконах у святых, глаза, бледное, в морщинках лицо И рыжая, начинающая сесть борода. Человек стоял у самой скамьи, наклонив голову в черной бархатной шапочке, какие носили монахи, и смотрел на Артемку:

- Воришка?

- Какой там воришка! - нахмурился Артемка. - Политический я.

- Ну? Настоящий?

Артемка подумал и с сожалением сказал:

- Нет, еще не настоящий А ты кто? Монах?

Человек поднял руку к шапочке:

- Нет, путешественник я.

- Путешественник? - Такой профессии Артемка не знал. - Это как же?

- А так. Хожу из города в город, на людей смотрю, себя показываю.

- Бродяга, - догадался Артемка.

- Ну, бродяга, - согласился человек.

- А как же тебя посадили? - заинтересовался Артемка.

- А так и посадили. Встретил одного монаха. Познакомились, выпили.

А потом стали о боге толковать. Я - одно, монах - другое. Ну и подрались. Монаха выпустили, а я сижу. Паспорт, видишь, у меня украли. А шапка - это трофей победы.

- Вот оно как! - сказал Артемка с удовольствием. - А в Москве ты был?

- В Москве? Всенепременно.

У дверей кто-то завозился с замком, дверь приоткрылась и в комнату просунулась усатая физиономия городского:

- Который хлопец, на допрос!

Артемка вскочил и тут только огляделся: серые стены, сводчатый потолок, под самым потолком два узких окна за решетками, на цементном полу деревянные скамьи-лежанки. Кроме него самого и «путешественника», в камере никого.

- Ну, долго будешь оглядываться?

- Иду, - сказал Артемка. - Как тебе некогда!

По гнилой лестнице поднялись в канцелярию. Горбунов, как будто еще более сонный, чем вчера, медленно поднялся из-за стола и, закрывая от лени на ходу глаза, пошел к обитой клеенкой двери. Городовой, стараясь не стучать сапогами, забежал вперед и открыл перед надзирателем дверь.

- Иди, - буркнул околоточный Артемке. Потом выпятил колесом грудь, подобрал живот и шагнул через порог: - Господин пристав, писаку привел.

Артемка тоже вошел, но сейчас же попятился назад: за письменным столом сидел мужчина с таким лицом, будто кто в шутку к человеческому туловищу, одетому в белый, с серебряными погонами китель, приладил бульдожьей голову.

- Куда! Стать сюда! - услышал Артемка густой, отрывистый бас, похожий на лай простуженной собаки.

«Теперь пропал!» - подумал Артемка и подошел к столу. На зеленом, запачканном чернилами сукне лежали две брошюрки.

- Ты что же это, мерзавец, морочишь нам голову? Отвечай сейчас же: кто пьесу написал? Ну?

Артемка посмотрел в окно, откуда светило солнце, попрощался с волей и одним вздохом сказал:

- Я написал.

- Ты? - Пристав подскочил, как резиновый мяч, и Артемка под носом у себя увидел здоровенный кулак с золотым кольцом на пальце. - Ты?

- Я, - повторил Артемка и подумал: «Ударит - укушу».

Вероятно, эта же мысль отразилась и в его глазах: пристав быстро отдернул кулак, сел, отдышался и уже совсем другим тоном сказал:

- Дурак! Научили тебя гимназисты, ты и повторяешь ерунду, пользы своей не понимаешь. Ну кто поверит, что сапожник, да еще мальчишка, может пьесу написать! Дурак и есть.

Потупясь, Артемка молчал.

Горбунов шумно вздохнул и отрекомендовал:

- Он, господин пристав, вредный мальчишка, его добром не уломаешь.

- А вот мы его подержим на одной селедке да без воды, он и заговорит. Уведите его!

Артемка подумал: «Стану я есть твою селедку! Дурака нашел».

В камере, как только закрыли дверь, «путешественник» спросил:

- Били?

- Селедкой морить будут, - сказал Артемка и попросил: - Ну, рассказывай.

- Это про что?

- Да про Москву же. Какая она? Верно, народищу там!

«Путешественник» оказался словоохотливым, и Артемка до сумерек слушал его рассказы о далекой огромной Москве, где все как в сказке. Но вот черного великана Пепса «путешественник» там не встречал, и где помещается школа, в которой «учат на актеров», тоже не знал.

К селедке Артемка так и не притронулся. Чтобы не соблазниться, он предложил ее Акиму Акимовичу (так звали «путешественника»), а сам только глотал слюну да хмурился.

Когда стемнело, в решетке окна зашуршала бумага и что-то похожее на мячи стало падать на пол. Артемка и Аким Акимович вскочили и зашарили руками.

- Лимон! - крикнул Артемка, нащупав что-то круглое, в мягкой кожуре.

- Апельсины, - поправил Аким Акимович, нюхая поднятые два плода.

Не успели они обшарить весь пол, как сверху опять что-то упало.

- Колбаса! - с радостью вскрикнул Артемка.

- А от Леночки - шоколад, - сказали сверху шепотом, и новый предмет увесисто стукнул Артемку по голове.

- А ну, геть от окна! - крикнул кто-то. Послышался топот, и все стихло.

От апельсинов Аким Акимович самоотверженно отказался, но остальное ел с удовольствием.

- Вам, политическим, живется легче! У вас солидарность, - завидовал он, жуя колбасу.

- Угу, - мычал Артемка с набитым ртом, - у нас это самое... Будь покоен...

Ночью в камеру натаскали пьяных. Они буйствовали, свирепо ругались, стучали кулаками в дверь, но потом валились на пол и засыпали. Утром их выпустили. Артемка с Акимом Акимовичем опять остались одни.

- Ну, рассказывай дальше, - потребовал Артемка.

Аким Акимович принялся было описывать «царь-пушку», но тут открылась дверь, и городской внес огромную ржавую селедку.

- На, - положил он ее перед Артемкой на скамью, - ешь!

- Сам ешь! - озлился Артемка.

- Ешь, говорю, а то силком в рот засуну!

Артемка проворно залез под нары. Сопя, городской потянул его за ноги. Артемка вырвался и вскочил на нары. Когда наконец запыхавшийся усач притащил его к скамье, там лежали только голова и хвост.

- Де вона? - вытаращил глаза городской.

- Селедка? - спросил Аким Акимович, невинно посвечивая синевою глаз. - Я ее скушал.

Городовой хотел было раскричаться, но только плюнул.

Утром следующего дня Артемку под конвоем повели через весь город в полицейское управление.

КТО НАПИСАЛ «РАЗБОЙНИКОВ»?

В большой комнате, за столом под царским портретом, Артемка увидел седую, веником бороду и сразу узнал в обладателе ее того самого полицейского офицера, который так кричал в цирке на бедного Пепса.

«Ну, теперь пропал окончательно!» - подумал Артемка и даже глаза закрыл.

Полицмейстер поднял голову и долго не моргая смотрел на Артемку. Потом отхлебнул из стакана крепкого до черноты чая, вытер усы и спросил:

- Ты сапожник?

- Сапожник, - подтвердил Артемка.

- А может, ты писатель?

- Писатель, - вздохнул Артемка.

- Так, - сказал полицмейстер. - Значит, ты и романы писать умеешь?

- Нет, романы не умею.

- Только пьесы?

- Да.

- Он драматург-с, хи-хи-хи-с! - почтительно засмеялся прилизанный мужчина, тоже в полицейской форме, но без шпаги.

- Ну, вот что, Загоруйко, - так, кажется, твоя фамилия? - дам я тебе бумагу и карандаш, а ты садись и пиши пьесу. Напишешь - выпущу, не напишешь пеняй на себя. Согласен?

- Согласен, - сказал Артемка, а сам подумал: «Поведут обратно - дёру дам».

- Петр Петрович, дайте ему бумаги, а денька через два пусть опять приведут его ко мне.

Оставляя на паркете следы босых ног, Артемка пошел вслед за «прилизанным» в канцелярию. Там ему дали двадцать четыре листа линованной бумаги и огрызок карандаша. Затем «прилизанный», или, как его почтительно называли плюгавые, в потертых штанах писари, «господин секретарь», щелкнул Артемку по носу и приказал конвоиру:

- Веди обратно!

Конвоир взял Артемку за ворот да так этот ворот до самого участка и не выпустил.

- Били? - опять осведомился Аким Акимович.

Артемка положил бумагу на лежанку и утер с лица пот:

- Нет еще. Обещали через два дня.

Потом лег и принялся думать.

Аким Акимович успел описать всю Москву, как она выглядит с колокольни Ивана Великого, а Артемка все смотрел в потолок и думал.

Наконец он сказал:

- Нет, с непривычки трудно.

- Что трудно? - спросил Аким Акимович.

- Пьесы писать трудно. Думаю, думаю и никак не придумаю. А требуется к сроку. Понял?

- Нет, - признался Аким Акимович, - не понял.

Пришлось Артемке рассказать всю свою историю.

- Теперь понял, - засмеялся Аким Акимович. - Ничего тут трудного нет. Дай знак своим гимназистам, они тебе в окошко чего-нибудь и спустят, пьесу какую-нибудь. Мало их, пьес-то! Перепиши - и конец! Разве полиция разберет!

- Ох, черт! - удивился Артемка хитроумию «путешественника». - А я и не догадался!

Гимназисты спустили в окно толстый том драм Шиллера, и утром следующего дня Артемка, высунув от старания кончик языка, уже выводил на первом листе бумаги:

«РАЗБОЙНИКИ»

Драма в 5 действиях

Сочинение Артемия Загоруйко

И двое суток не думал больше ни о полицмейстере, ни о гимназистах - так увлекся «сочинительством».

А через день его опять повели.

Полицмейстер долго подписывал разные бумаги, которые ему подкладывал «прилизанный», потом положил перо, отпил глоток черного чая и взглянул на Артемку:

- Ну, написал?

- Написал, - сказал Артемка, которому надоело переминаясь с ноги на ногу перед столом. - Только бумаги мало дали. Больше как на одно действие не хватило.

- Что ты врешь! - вдруг крикнул полицмейстер. - Ну-ка, дай!

С брезгливой гримасой он взял испачканные листы, бегло просмотрел их, вернулся к первой странице и внимательно, со все возрастающим недоумением прочитал ее.

- Не понимаю! Судя по почерку, настоящий сапожник. А так все

связно, даже... как это... литературно. Странно! Да ты ли это писал?

- Я, - сказал Артемка. И тоном жалобы добавил: - Вы ему скажите - пусть не жадничает. Мне разве столько бумаги надо! Мне ее вот сколько надо! На целых еще четыре действия!

- Чудеса!.. - удивился полицмейстер. - Петр Петрович, возьмите-ка эту писанину да вызовите учителя из гимназии. Разберитесь вместе.

Секретарь забрал исписанные листы, вывел Артемку из кабинета и приказал отправить в участок. Бумаги же больше не дал.

Артемка вернулся в камеру довольный.

- Ну как? - встретил его Аким Акимович.

- Проехало! - сказал Артемка и, раскрыв «Разбойников», принялся вслух читать следующий акт.

Но конца «своей» пьесы Артемка так и не узнал: в середине пятого акта, когда Франц вешается на шнуре от шляпы, за Артемкой опять пришли и опять повели к полицмейстеру.

На этот раз, кроме полицмейстера, у стола сидел еще какой-то чиновник, молодой и, как показалось Артемке, добрый. На коленях у него лежали исписанные листы, в которых Артемка немедленно узнал «свое» произведение.

При виде арестованного у полицмейстера побагровело лицо и дернулся под глазом желвак.

«Эге!» - подумал Артемка и оглянулся на дверь. Но там, пожирая полицмейстера глазами, стоял городской.

- Вот этот? - удивился чиновник, с живейшим любопытством разглядывая Артемку. - Ну-ка, подойди, молодой человек, поближе.

Артемка сделал шаг и опять оглянулся.

- Пооглядывайся, пооглядывайся, - я тебе оглянусь! - зловеще предупредил полицмейстер.

При звуке этого голоса у чиновника потемнело лицо, но он опять взглянул на Артемку и добродушно улыбнулся.

— Это ты сочинял? — показал чиновник взглядом на листы.
— Я, — ответил Артемка без уверенности в голосе.

- Это ты сочинял? - показал он взглядом на листы.
- Я, - ответил Артемка, на этот раз без уверенности в голосе.
- А с Шиллером ты знаком?

У Артемки на душе стало скверно, но сдаваться ему не хотелось:

- Это с каким? С лудильщиком?

- Я спрашиваю, читал ли ты пьесы писателя Шиллера. Например, его драму «Разбойники».

- Ну! - состроил Артемка удивленное лицо. - Он тоже про разбойников сочинял?

- Представь себе, «тоже», - засмеялся чиновник. - Разница только в именах и названиях. А так все точка в точку.

Потеряв надежду на дверь, Артемка искоса взглянул на раскрытое окно.

Но тут вошел секретарь и доложил полицмейстеру, что пришли гимназисты.

- Те самые, которых вы допрашивали, - объяснил он.

- Ага! Сами пришли. Ну, зовите. Посмотрим, - повернулся полицмейстер к чиновнику, - что еще скажут ваши питомцы, господин учитель.

Секретарь открыл дверь.

Вошли Коля и Алеша. Лица их были бледны. Но при виде Артемки Коля улыбнулся, у Алеша благодарно засветились глаза.

- Что скажете, молодые люди, что скажете? - с притворной ласковостью спросил полицмейстер.

- Мы пришли... - начал Коля. На секунду слово застряло у него в горле. Он остановился, кашлянул и уже твердо закончил: - Мы пришли сказать, что Артемка тут ни при чем.

Минуту все молчали.

Полицмейстер гладил бороду и внимательно смотрел на лица гимназистов.

- Так, - сказал он наконец. - Очевидно, «при чем» вы, а не это чучело. Какими же путями попадают к вам такие штуки?

Он выдвинул ящик стола, и в его белой, будто мраморной руке все увидели зеленую книжку.

- Правда, эту вещь отобрали не у вас, а у сапожника, но несомненно, что вы написали пьесу по такой точно книжонке. Мальчишка говорит, что получил ее от отца, а вы, господа гимназисты, от кого?

Алеша и Коля смотрели на зеленую книжку и молчали.

- Кто вам дал книжку, я вас спрашиваю? - вдруг хлопнул полицмейстер брошюркой по столу.

У Коли дрогнули губы. Алеша побледнел еще больше. «Посадят ребят!» - сжалось у Артемки сердце. Он вздернул плечами и дерзко сказал:

- Вот пристал! Кто да кто! Я им подсунул книжку! А то кто ж!

- Убрать этого мерзавца! - взревел полицмейстер, вскочив с кресла. -
Вон! Вон его ко всем чертям!

Кто-то сзади вцепился Артемке в плечо. «Вот когда пропал!» - подумал Артемка и вдруг так рванулся, что у городского остался в руке только клочок рубашки.

- Держи! - бросился секретарь.

Артемка вскочил на подоконник, взмахнул руками, как птица крыльями, и полетел вниз со второго этажа.

Когда полицейские выбежали на улицу, Артемка вздымал пятками пыль в самом конце квартала.

АРТЕМКУ УЧАТ

Леночка читала под старой грушей своего любимого Некрасова, когда кто-то осторожно звякнул щеколдой. Леночка подошла, открыла калитку - и ахнула: перед ней стоял Артемка. Он робко улыбался.

- Выпустили? - вспыхнула от радости девушка.

- Убежал...

Артемка тяжело дышал, по лицу его катились горошины пота, изодранная рубашка обнажала загорелое тело.

Леночка обеими руками схватила его за руку и потянула в калитку.

Во дворе она усадила его на скамью, вытерла ему платочком лицо, пригладила волосы.

- Как маленького! - засмеялся Артемка.

Засмеялась и Леночка.

Но сейчас же опять схватила его за руку:

- Что с вами?

В глазах у Артемки стояли слезы...

Возвращаться в будку было опасно, и Леночка уговорила Артемку остаться пока в их дворе. Мать девушки, узнав, что в амбаре прячется бежавший арестант, страшно испугалась. Но, когда Леночка рассказала всю историю Артемки и показала его самого, старушка немного успокоилась, хоть и продолжала ворчать.

Дело гимназистов продолжалось недолго. Отец Коли, известный в городе адвокат, пустил в ход свои связи и влияние, а Петин отец, рыбный промышленник, - деньги. Вышло так, что во всем оказался виноватым Артемка; он притащил запрещенную литературу, он подбил Колю и Алешу написать пьесу, а те и сами не понимали, что делали: молодые, увлекающиеся, глупые.

Гимназистам было стыдно перед Артемкой. Они его тихонько навещали в амбаре и всё думали, как избавить его от беды.

Артемка томился в чужом дворе и однажды ночью отправился к себе в будку. Он открыл дверь и осмотрелся: все на месте. Но все-таки отодвинул чурбан, слегка приподнял доску пола и просунул в отверстие руку. Рука сразу же нащупала круглую поверхность жестяной коробки. «Здесь!» - окончательно успокоился Артемка. В этой круглой коробке хранилось самое для него дорогое: часы с серебристым циферблатом - подарок Пепса, коричневый бумажник из мягкой шагрени, который Артемка с великой

любовью сшил для своего черного друга, и шелковая, вся в золоте, парча. Из этой парчи юн сделает Лясе туфли, в каких не ходят и царевы дочки. Успокоившись, Артемка вернулся в амбар.

На другой день во двор к Леночке пришли Коля, Алеша и белобрысый гимназист лет четырнадцати.

Коля сказал:

- Артемка, нам Леночка все передала: и про Пепса и про то, что ты хочешь стать артистом. Но без образования настоящим артистом быть нельзя. Ты это понимаешь? Вот мы и решили: Леночка будет заниматься с тобой по русскому, Алеша - по истории, Ваня (Коля показал глазами на белобрысого гимназиста) - по арифметике и алгебре, а я - по географии. Ты согласен? Потом мы соберем деньги и отправим тебя тайком в другой город.

Усадив Артемку за стол, гимназисты принялись выяснять его знания.

Увы, этих знаний было так мало, что Леночка даже расстроилась.

Но и она не могла не рассмеяться, когда на вопрос о падежах Артемка ответил:

- Сам не видел, а мужики на базаре говорили, что падежи в этом году большие были.

Дроби он знал, но, когда Ваня спросил об отношениях между числами, Артемка обиделся:

- Да какие же могут быть отношения между числами! Смеешься?

Знал Артемка и о том, что Земля круглая, но был убежден, что только на Северном полюсе холодно, а на Южном жарница такая, что «аж трескается все».

Услышав это, Алеша только прошептал:

- Немыслимо!

ПИСЬМО

Дни мелькали быстро. Гимназисты задавали уроков много и были сначала очень требовательны, особенно самый младший из них - Ваня.

Артемка старательно решал задачи, с величайшим удивлением узнавал, что можно складывать и вычитать буквы, даже деление и умножение отрицательных величин усвоил, хотя вначале и сказал Ване:

- Что плюс на плюс дает плюс - это правильно; что плюс на минус будет минус - это может быть, но чтобы минус на минус давал плюс - это ты врешь!

Грамматика давалась Артемке значительно легче, и Леночка с удовольствием слушала, как бойко он разбирает предложения по частям речи.

Историю Артемка за урок не признавал. Учебник Иванова «Восток и мифы» он читал, как повесть, с историческими фактами обращался вольно и, отвечая Алеше, сдабривал прочитанное такой долей фантазии, что тот только качал головой да в ужасе шептал: «Немыслимо!»

Засыпал Артемка усталый. Ночью ему снилось Москва, какой он ее видел на коробке от конфет - с зубчатыми стенами Кремля и золочеными макушками церквей, - и Пепс с Лясей Пепс слушал его рассказы о подвигах Геракла, качал черной курчавой головой и все допытывался, на какой минуте и каким приемом тур-де-бра или двойным нельсоном - Геракл победил Антея, а Ляся смотрела Артемке в лицо своими сиреневыми глазами и чему-то улыбалась. И от этой улыбки улыбался и спящий Артемка.

Но прошло немного времени, и интерес к Артемке начал спадать. То забудет прийти на занятия Ваня, то уедет на дачу Коля. Объясняя урок, гимназисты тревожно прислушивались к каждому звуку, доносившемуся с улицы, а уходили так торопливо, будто убегали от опасности. Артемка все это замечал и все сильнее чувствовал себя здесь чужим. Только Леночка была по-прежнему с ним ласкова.

Однажды она читала вслух «Каштанку». Описание цирка всколыхнуло в Артемке свежие еще воспоминания. Ему стало грустно.

- Не пишут, - сказал Артемка. - Ни он, ни она.

- Кто это «она»? - с любопытством спросила Леночка.

- Она? Ну Ляся. Разве я не говорил вам?

И, как раньше о Пепсе, Артемка рассказал о девочке-канатоходце.

- Странно! - сказала Леночка. - Вот и она не пишет, хоть и обещала. Ни он, ни она. Да хорошо ли они знают ваш адрес?

- Ка... какой адрес? - с внезапной тревогой спросил Артемка, поднимаясь со скамьи.

- Ну, адрес, который на конвертах пишут. Улицу, номер дома, фамилию.

- Улицу?..

Побледнев, Артемка смотрел на Леночку. Вдруг губы его задрожали. Он опустился на скамью, упал головой на руки и заплакал.

Только теперь, впервые в жизни, дошло до его сознания, что никакого адреса у него не было. В самом деле, жил он не по улице, а на базаре, среди беспорядочного нагромождения лавок и лотков. Дом? Но дома не было, была будка. Что касается номера, то Артемка отроду не помнил, чтобы на этой будке висело что-нибудь, кроме вывески с изображением сапога. И что всего ужаснее - ни Пепс, ни Ляся никогда не спрашивали у него фамилию.

Выпытав наконец, в чем дело, Леночка и сама огорчилась. Сначала она не могла даже найти слов для утешения, но потом сказала:

- Может быть, еще не все потеряно. Не отчаивайтесь. Надо справиться на почте. Нам вот тоже письмо долго не приходило. А потом что же оказалось? Оно лежало на почте. Адрес был неправильный.

Почта помещалась далеко, в самом центре, да и опасно было выходить. Но Артемка тотчас же вскочил со скамьи.

Оставив на столе тетрадь и книжки, с невысохшими полосками размазанных слез на щеках, он бегом бросился со двора.

Почта была уже закрыта. Артемка принялся стучать в дверь. Сторож прогнал его.

Артемка ушел в будку и всю ночь ворочался на своей скамейке, а утром, чуть свет, опять явился. В ожидании, пока открыли дверь, он измучился.

Почтовые чиновники сидели за решетками, как звери в клетках, и к какому окну подойти, Артемка не знал. Выбрав наконец старичка, по виду самого доброго, Артемка спросил:

- Дедушка, мне письмеца нету?

Старичок записывал что-то в толстую конторскую книгу и не ответил.

Артемка подождал и опять повторил вопрос.

- Пишут, - сказал старичок, не отрывая глаз от книги.

Артемка вздохнул и пошел к другому окошку. Там сидел чиновник помоложе, но с такой страшной бородавкой под носом, что Артемка решил лучше его не трогать. В третьем окне ему тоже сказали, что пишут, а в

четвертом ничего не сказали.

Увидев на двери эмалированную дощечку с надписью: «Начальник почтовой конторы», Артемка в отчаянии нажал ручку и оказался в кабинете.

За столом сидел человек в форме и поверх очков смотрел на вошедшего.

- Дяденька, - попросил Артемка, - ну хоть бы вы помогли. Прямо хоть помирай!

- Короче, - сказал начальник.

- Письма я жду. Целый год уже.

- Так что же ты хочешь? Чтобы я тебе его написал?

- Да нет, дяденька! Я говорю, номера на моей будке нету, вот в чем запятая.

- Как это номера нет? - заинтересовался начальник. - Так и живешь без номера?

- Так и живу.

И Артемка рассказал про свою беду.

- Да, - согласился начальник, - без номера жить невозможно.

Он вызвал чиновника с бородавкой и приказал ему разобраться в Артемкином деле.

Чиновник оказался не сердитым. Он подвел Артемку к длинному, под проволочной сеткой ящику, висевшему на стене, и долго перебирал пожелтевшие уже письма и открытки. Потом сказал:

- Нету. Никаким Артемкой и не пахнет. Ты приходи часа в три, когда почтальоны вернутся.

В три часа чиновник послал сторожа за каким-то Первухиным. Первухин долго не приходил, а когда пришел, то оказался тем самым старичком, которого Артемка не раз видел на базаре с палкой в руке и кожаной сумкой на боку.

- Вот, - сказал чиновник, - из твоего участка. Артемкой зовут. Целый год ждет письма. Вспомни-ка.

- «Вспомни-ка»! - усмехнулся почтальон. - Разве за год все упомнишь? А номер какой?

Артемка рассказал все сначала.

- Теперь вспомнил, - сказал спокойно старик. - Было два письма без фамилии и номера. Одно в Москву вернули, другое - в Астрахань.

У Артемки что-то в груди стукнуло и занемели ноги.

- Что ты? - спросил старик. - Губы как посинели! Ясно, вернули, чего же им тут лежать! И третье б вернули, кабы не ваш базарный сторож. Один

он только и догадался, что тебе оно написано. Уж больно адрес смешной. Получил?

- Нет, - прошептал Артемка, еще больше бледнея. - Дедушка, родненький, где ж оно?

- А тут уж я не виноват. Будка была заперта, я в щелку и сунул. Поищи, может, завалилось куда. Кажись, тоже штемпель московский был.

Артемка не помнил; как он выскочил на улицу, как добежал до будки.

Сундук, лохань, деревянную скамью-лежанку - все сдвинул с места, все перевернул и обшарил. Письма не было.

И, когда, без всякой уже надежды, Артемка приподнял висевшую на стене рамку с зеленой картинкой Святогорского монастыря, что-то, прошелестев по стене, упало на пол.

Артемка нагнулся, схватил серый от пыли конверт и проворно разорвал его.

На листке линованной бумаги круглыми, почти детскими буквами стояло:

«Артиомка, где есть ти? Я очень писал тебе письмо. Письмо много ходил и кэм бэк и пришло обратно моя квартира. Я очень жду тебя Москва...»

Дальше Артемка читать не стал. Он выскочил из будки, подпрыгнул и колесом проехал между рядами ошарашенных торговков.

А немного спустя он уже бежал на вокзал, крепко прижимая к груди круглую жестяную коробку с шагреновым бумажником и золотистой парчой.

1944

ЗАКОЛДОВАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ

ВСТРЕЧА НОЧЬЮ

Мне только что исполнилось пятнадцать лет. Я был разведчиком в отряде товарища Дмитрия. Однажды летней безлунной ночью я возвращался из Щербиновки в Припекино, где находился наш отряд. Край этот кишел тогда немцами, белоказаками, гайдамаками, и я, заслышав издали лошадиный топот или неясный говор, падал на землю и бесшумно полз по жнивью.

В одном месте, свернув с дороги в рощу, я услышал сдержанный говор и остановился, затаив дыхание. Я стал прислушиваться. Разговаривали двое. Голос одного был густой, утробный, другого - ломкий, как у подростка. Разговаривали они тихо, и за стуком своего сердца я почти ничего разобрать не мог. Но вот налетел ветерок, прошелестел в кустах и донес слова молодого:

- А жить все равно хочется. Я проживу сто лет.

В звуках этого голоса, чуть надтреснутого, но душевного, я вдруг почувствовал что-то давно знакомое, родное.

Меня так и потянуло к этим людям.

Неслышно ступая, я подошел совсем близко, присел за кустом и всмотрелся. На крохотной полянке лежали два человека. При свете звезд я мог различить только, что один был взрослый, а другой юнец, должно быть моих лет.

- Смотри, сколько звезд высыпало! - сказал молодой. - Иные голубые, большущие, а иные - как золотые пчелки И все мигают.

- Звезды! - вздохнул бас. - Что в них толку! Вот если б они нам сказали, убрались уже гайдамаки из балки или еще сидят там, чертопхаи проклятые, нет на них погибели!

Услышав, что поблизости гайдамаки, я решил обязательно выведать у этих людей, где они их встретили, и вышел из кустов на полянку.

- Здравствуйте. Кажется, на попутчиков набрел.

Лежавших точно подбросило. Мгновенно они оказались на ногах. Один, очень длинный, согнулся и нырнул в кусты; парнишка же поднял над головой палку и погрозил;

- Подойди только! Как тресну топором, так язык и высунешь.

- Дай ему! - посоветовал из кустов бас.

Я слегка попятился:

- Да что вы!.. Я ж свой... Я рабочий с рудника...

Молодой всмотрелся, сделал два-три шага ко мне, опять всмотрелся и рассмеялся:

- Ага, испугался! Да это не топор, это сук.

Длинный тоже вышел из кустов. Он осторожно обошел вокруг меня и строго сказал:

- Счастье твое, что ты вовремя отозвался. А то я уже хотел дубину выломать. Куда идешь? В Припекино? - Длинный посопел. - А не знаешь, кто там сейчас?

Голос его стал заискивающий. Я, конечно, промолчал. Не дождавшись ответа, он вытянул из-за пазухи кисет, оторвал всем по кусочку шершавой бумаги:

- Закуривайте! - и чиркнул зажигалкой.

В темноту посыпались красные искры, вспыхнул слабенький огонек и осветил нос, похожий на клюв, впалые небритые щеки в глубоких морщинах, тонкие губы. В свежем воздухе запахло дымком махорки.

Потом к огоньку наклонился молодой. И я увидел добрые губы, нос гургулькой и то выражение на ширококостном, но худом лице, которое означало полную готовность и в дружбу вступить и, в случае чего, палкой огреть.

И тут мою память точно солнцем осветило. Мне вспомнились далекие годы, бурая стена харчевни посреди базара, полированная шкатулка с безобразно проломанным боком и вихрастый мальчишка, который утешал меня как мог: «Ничего, починим... Еще лучше будет!»

- Артемка... - сказал я тихо.

Цигарка в губах парнишки дрогнула. Он вскинул на меня глаза, поморгал и, выхватив из рук длинного зажигалку, поднес ее к моему лицу. Поднес и замер, так и впившись в меня глазами.

Но я уже видел, что он узнал меня. Я ждал его первого слова.

- Костя... - сказал он и выронил зажигалку. Обеими руками он крепко схватил меня за плечи. - Костя ты этакий, друг!.. Вот где встретились!

Мы обнялись. Мне даже показалось, что щека его влажная. Вдруг он оттолкнул меня и серьезно спросил:

- Ну, а волшебные шкатулки научился делать? Помнишь, ты обещал подарить мне самую лучшую.

Так за много верст от родного города темной ночью встретил я друга детства, которого не видел пять с лишним лет.

Я подробно расспросил про гайдамаков, что встретились им в балке, и на всякий случай решил переждать здесь, чтоб утром проследить за движением вражьего отряда.

Мы забрались в глубь роци. Длинный подложил под голову кулак и тотчас заснул. А мы с Артемкой, пока проплывала над нами тихая южная ночь, рассказали друг другу о своей жизни.

Мой рассказ был короткий. Хотя за эти годы я переменял многих хозяев: работал и подручным слесарем в Луганском заводе Гартмана, и откатчиком в Чистяковском руднике, и упаковщиком на солеварнях в Бахмуте, - время текло однообразно: работа - сон, сон - работа. Только революция перевернула всю жизнь. Сразу светлее стало. Конечно, и я от других не отставал. Где взрослые рабочие, там и я. Книжки стал читать, газеты. Но тут в Донбасс вкатились немцы, за немцами - гайдамаки, красновцы, дроздовцы. Рабочие, конечно, за оружие. Многие с Ворошиловым ушли, а я как попал в отряд к товарищу Дмитрию, да так с ним и не разлучаюсь. Отряд небольшой, зато маневренный. Узнал не один белогвардеец, почем фунт лиха.

- Значит, воюешь? - с завистью спросил Артемка.

- Больше в разведке нахожусь. Ну, а ты? Расскажи про наш город. Давно оттуда?

Артемка вздохнул:

- Давно. После того как закопали мы с тобой шкатулку, прожил я в своей будке чуть больше года. А там как поехал искать борца одного, негра, так до этого дня судьба меня и носит.

И Артемка рассказал о всех своих приключениях в цирке и у гимназистов, вплоть до того дня, когда он схватил коробку с парчой и шагреневым бумажником и помчался на вокзал, чтобы ехать в Москву, к негру Пепсу.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

Рассказывал он долго, но я его не прерывал. Казалось, рассказ Артемки слушала даже роцца, притихшая в теплом неподвижном воздухе.

- До Никитовки, - говорил он, - я, брат, ехал, не помня себя от радости. А в Никитовке мою радость как рукой сняло. В вагон, понимаешь, вошел черноусый мужчина. Присмотрелся и спрашивает: «Шишкин внук?» Ну и я его узнал. В цирке он у нас работал, наездником. В афишах его Вильямсом объявляли, а на самом деле был он Никифор. Я все ему и рассказал. Он слушал, глядел в сторону, потом фыркнул и говорит: «Путаешь ты что-то, мальчишка, или твой Пепс путает. Борется он в Киеве, а зовет тебя в Москву». Я только усмехнулся. «Нет, говорю, - не в Киеве, а в Москве. Я знаю». Он даже рассердился. «Его, говорит, - из Москвы еще три месяца назад губернатор выслал. У Крутикова он борется, в Киеве, понятно? И Кречет там, и дядя Вася, и Норкин под голубой маской». Вынул он из кармана газету - как сейчас помню, старую, с оторванным углом - и развернул передо мной. «Это, - говорит, - «Киевская мысль». А вот объявления. Читай». Строчки так и запрыгали: «Цирк Крутикова... Полет четырех чертей... Ежедневно французская борьба... Голубая маска против черного Чемберса Пепса...» У меня и газета из рук выпала. Смотрю я на Вильямса этого и шепчу: «Как же это? А письмо?..» - «А ну, дай!» Я за коробку. Открываю, а она не открывается: руки как неживые стали. Выскользнула она и под лавку покатилась. Вильямс поднял, открыл и вынул письмо. Лежало оно у меня в коричневом бумажнике, что я Пепсу в подарок сшил. «Да, - говорит, - правильно: зовет в Москву. Чудно!» Потом стал штемпель на конверте разглядывать. Разглядел и вернул мне письмо. «На, - говорит. - Никакого у тебя, Шишкин внук, соображения нету. Этому ж письму полгода». Ну, прямо убил он меня.

До Бахмута я слова выговорить от горя не мог, а в Бахмуте пришел в себя, бросился к кассиру и стал его просить, чтоб переменял он мне билет с Москвы на Киев. Кассир, конечно, посмеялся, а потом рассердился и захлопнул окошко. И поехал я, брат, зайцем. Меня вытаскивали из-под лавки, ругали, вышвыривали из вагона. Я дожидался следующего поезда и ехал дальше. Иной раз и били. Но я не плакал. Обидно только было: деньги-то ведь я за билет заплатил!

До Киева оставалось все меньше и меньше. И вдруг, понимаешь, все пассажирские поезда стали. Стоят, а мимо них один за другим эшелоны

покатили. Из товарных вагонов солдатские песни несутся, крики, руготня... Платформы так и мелькают, а на платформах пушки дулами вверх стоят, в серый брезент закутанные. Тут я понял: война!

Ну как, думаю, до Киева добраться? На мое счастье, показались богомольцы. Шли они гуськом, в лаптях, с котомками на спинах. Впереди - поп. «Куда это они?» - спрашиваю у станционного сторожа. «А в Киев, в Лавру Печерскую». Я, конечно, и зашагал с ними. Дней десять не отставал. Люди спрашивают: «Какие ж у тебя грехи, у такого маленького?» А я им: «Да я не по грехам, я по делу иду».

И вот на утренней зорьке засияли золотые купола... Шагал я все время в хвосте у богомольцев, а тут вырвался вперед и побежал.

Долго я плутал на окраине между какими-то закоптелыми мастерскими из красного кирпича, пока выбрался на Николаевскую улицу: там, как мне объяснили, и был цирк Крутикова. Стал я и смотрю по сторонам. Боже ж ты мой, какие огромные да красивые дома! Целых семь этажей насчитал я в одном доме. А вверху, над самой крышей, чудовища вылеплены: головы человечьи, а лапы звериные! Но вот беда: нигде не видно цирка. Спрашиваю одного прохожего: «Дедушка, где ж он есть, цирк?» - «Да вот же он, вот». И показывает рукой на каменный дом с круглым верхом. А я-то думал, что все цирки деревянные и обязательно посреди площади стоят. Подхожу к этому дому - действительно, афиши висят. Только были они такие старые, так выцвели на солнце, что мое сердце будто обручом сдавило: почувствовал я недоброе.

Три раза швейцар в галунах выгонял меня из передней, пока не разобрался, что Пепс и на самом деле писал мне письмо. А когда разобрался, так даже присвистнул: «Ищи ветра в поле! В Будапешт укатил твой негр. Езжай, догоняй».

Я - на вокзал. То к одному пассажиру подойду, то к другому. Все расспрашиваю, как в Будапешт проехать. Пассажиры, конечно, смеются. А одна женщина - такая белолицая, в черной накидке - дала мне бублик и сказала, чтоб я в больницу шел.

В больницу я, конечно, не пошел, а бублик съел: очень голодный был. Съел и опять пошел в цирк, к швейцару. Может, думал, хоть он расскажет, как в Будапешт проехать. Он и рассказал. «Во-первых, - говорит, - Будапешт за границей, а за границу ездят только господа да актеры. Во-вторых, там по-русски не понимают». - «Что ж, - говорю, - я по-ихнему научусь. Мне бы только доехать». А он мне: «Да пойми ж ты, голова садовая, с этим Будапештом мы сейчас воюем. Через фронт, что ли, поедешь!»

И тут я понял окончательно, что Пепса мне не найти, что я один на всем свете...

Ночевал я где-то на Подоле, в заброшенной лавке, - продолжал Артемка, прокашлявшись, - а утром побрел назад, в свой город, к своей будке. Последний гривенник истратил еще перед Киевом, а тут, будто назло, так есть хотелось, что хоть забор грызи. Что делать? Просить? Совестно. Правда, в жестяной коробке, в самом глубоком кармашке бумажника, лежали совсем новенькие часы с серебристым циферблатом. Но я скорей себя голодом уморил бы, чем продал подарок Пепса.

Так вот и шел, голодный, до первой деревни. А там нанялся снопы на ток таскать. В другой деревне арбузы помогал с бахчи снимать. Кое-как добрался до Черкасс. Черкасс - город зеленый, уютный. Прямо удивительно, как напомнил он мне наш город. И сапожные будки на базаре такие же, как у нас, - ветхие да закоптелые. В одной сидит дед. Вызвался я ему помочь - и поработал до вечера. Старик только поглядывал да похваливал. А потом и сказал: «Оставайся у меня за харчи, сверх того засчитаю тебе по рублю в месяц». Я подумал: «По рублю в месяц - к весне восемь целковых, будет на что инструмент купить». И остался.

Старик сначала был ласков, работой не донимал, так что я иной раз и книжки почитывал. Но, только сорвался первый снег, старика будто кто подменил. Пришлось мне и сапоги тачать, и дедову внучку нянчить, и белье стирать. Пока стояли морозы, я терпел, но только затрещал на Днепре лед, треснуло и мое терпение. «Знаешь что, дедуся, - скачал я хозяину: - давай мои восемь целковых - и ну тебя к богу». Дед дал трешницу, вздохнул и прибавил еще восемь гривен. Обманул, но на инструмент хватило. Там же, в Черкассах, купил я железную лапку, шило, дратву - и пошел холодным сапожником от села к селу. Заходил и в города, но больше для того, чтоб поискать интересную книжку. Много я тогда прочел: и жития святых, и былины, и стихи Некрасова, и «Графа Монте-Кристо». В Кременчуге купил «Историю государства российского» и таскал за спиной эти толстые книжки, пока не дочитал до конца. Но больше всего читал пьесы. Ну прямо страсть у меня к ним. И, конечно, если где был театр, я там обязательно задерживался.

Днем ходил по дворам, чинил всякую рвань, а только начинало темнеть, я уже около театра. Прoberусь на галерку и сижу там, сам не свой. Бывал и в цирках...

Голос у Артемки прервался. Он наклонился ко мне так, что я совсем близко увидел в темноте его глаза, и зашептал:

- Забрел я раз в Екатеринослав. Подхожу к тумбе, чтоб прочитать

афишу, и вдруг у меня по телу будто мурашки побежали. На афише слова: «Канатоходец мадемуазель Мари». Я еще раз прочитал и без памяти бросился к цирку. Цирк там огромный, строгий такой. Стал я около подъезда, а войти боюсь. «Буду, - думаю, - стоять, пока она не покажется: может, на репетицию пройдет, а может, с репетиции. А не ее, так Кубышку сперва замечу: они ж вместе по циркам ездят». И вот стою я час, другой, третий... Люди туда-сюда ходят - и обыкновенные и на цирковых похожие, - а ни Ляся, ни Кубышка не показываются. Так и стоял до вечера, даже ноги затекли. Вечером купил билет и полез на галерку. Вцепился там пальцами в перила и не свожу глаз с красной портьеры, из-за которой артисты выбегают. В антракте люди гулять пошли, а я все стою да на портьеру смотрю. И вот - было это уже в третьем отделении - вышли униформисты, натянули стальной канат. Дирижер взмахнул палочкой, и музыканты заиграли вальс... понимаешь, тот самый, под который всегда Ляся выходила. «Осенний сон» называется... Грустный такой, тревожный... «Ну, - думаю, - значит, это Ляся, значит, она...» Весь так и сжался...

Артемка помолчал, а когда опять заговорил, голос у него был хриплый: - Ну, а вышла совсем другая... Вот когда меня тоска взяла! Я из цирка - да в лавку. Купил перцовки и потянул прямо из горлышка. Давлюсь, кашляю, а пью. И не помню уж, как опять около цирка очутился. Огни потушены, кругом темно, я ж все стучу в дверь, все прошу, чтоб меня к Лясе пустили...

Так я ее нигде и не встретил. А парчу, из которой обещал ей туфли сшить, и до сих пор все еще берегу. Да-а...

Работал я и на заводе, и на обувной фабрике, и в мебельной мастерской. Даже гробы делал. Но это больше зимой. Летом же клал в кошелку свои сапожничьи инструменты - давай опять вымеривать дороги.

Конечно, пробовал я и в театр поступить, хоть на самые маленькие рольки. Особенно после того, как царю по шапке дали. Раз царя, думаю, нет, а городские попрятались, в театр меня примут. Куда там! И разговаривать не стали.

И вот свела меня судьба с этим человеком. - Артемка кивнул в сторону спящего. - Было это в Харькове. Сидел я в одном дворе на своей складной скамеечке и чинил кухаркины башмаки. Двор - как колодец: круглый, высокий, гулкий. Вдруг кто-то басом как закричит: «Дрова-а колоть!.. Дрова-а пили-ить!..» Не голос, а гудок пароходный. Оглянулся - смотрю, стоит человек на таких длинных на худых ногах, будто то не ноги, а ходули. И шея у него длинная, и нос, и руки. А лицо загорелое, все в морщинах, в серой щетине. За поясом - топор, за спиной - пила. Открыл он рот и опять

как загудит: «Дрова-а коло-оть!.. Дрова-а пили-ить!..» Но никто даже из окна не выглянул. Подождал он, протянул вперед руку и страшным голосом запел:

Жил-был король когда-то.
При нем блоха жила.
Милей родного брата
Она ему была.
Блоха?
Ха-ха!
Ха-ха!

И понимаешь, как пропоеет это «ха-ха», так аж стекла в парадных зазвенят. Тут из окон повысовывались головы. Смотрят люди и удивляются такому голосищу. Человек вытер длинные, как у китайцев, усы и сказал: «Теперь прочту вам, граждане, «Зайцы». А «Зайцы» - это такая сказка для взрослых, я ее в чтеце-декламаторе читал и наизусть запомнил. Ты не слыхал? Это про то, как зайцы просили у своего воеводы-медведя капусты, а тот их послал в пустой огород. Читает человек эту сказку, а меня так и подмывает вмешаться. А как сделал он страшную рожу да как зарычал медвежьим голосом:

Как вы смели собираться?
Как вы смели в кучи жаться?
Только лапой наступлю
Разом всех передавлю!

Я не выдержал, вскочил и жалобно, так, по-заячьи, ответил:

Но у нас в желудках пусто,
И хотели б мы капусты.

Человек повернул ко мне лицо - и слова сказать не может. Только смотрит да удивляется. А я опять сел на скамейку и застучал молотком.

Со всех этажей полетели керенки. Человек собрал их, подсчитал, немножко сунул себе в карман, а остальные на ладони протянул мне. «Что

ты! - говорю ему. - Не надо!» Он пожал плечом и пошел со двора. И, понимаешь, будто веревкой потянул меня за собой. Я обточил каблуки и бросил штиблеты кухарке в окно, а сам скорей на улицу. Догнал, когда он заворачивал уже за угол. «Знаешь что? - сказал я ему. - Давай ходить вместе. Я все на свете стихи знаю». А он мне: «Дурак! Я ж пыльщик». - «Ну и что ж, что пыльщик! Ты - пыльщик, я сапожник. Вот и ладно будет». Он подумал и протянул мне руку. «Труба», говорит. «Какая труба?» - спрашиваю. «Фамилия моя, - говорит, - Труба. А зовут Матвей. Ясно?» - «Ну, - говорю, - ясно».

С тех пор и не расстаемся.

Он с топором ходит да с пилой, я - с шилом да железной лапкой. Зайдем во двор и работаем, каждый по своей специальности. А нету работы, станем один против другого и представляем. Он - Отелло, я - Яго; он - Несчастливцева, я Аркашку...

- Да кто ж он такой? - удивился я.

- А никто, - добродушно ответил Артемка. - Пыльщик, и все. Только тоже к театру желание имеет. Ну, прямо как болезнь его точит. А толку что! Сколько ни ходил по театрам, сколько ни просился в актеры, никто внимания не обращает. «Тебе, - говорят, - только жирафа изображать». Оба мы одним лыком шиты. - Он усмехнулся. - Ну, а все-таки в театр мы попали. Хоть на короткое время, а попали. Как смазал Керенский пятки и в Харькове образовалась советская власть, мы с Трубой сочинили заявление и прямо в Совет депутатов. За столом там сидел один слесарь с паровозостроительного, Крутоверцев. «Как же, - говорит, - я вас знаю. Вы и в наш двор заходили. Дело доброе. Сейчас я вам мандат выпишу. Берите дом купца Мандрыкина и открывайте клуб кустарей. Постройте сцену и все прочее». Тут и Труба повеселел. «Вот это, - говорит, - власть! Есть-таки правда на свете!»

Собрали мы часовщиков, портных, лудильщиков и собственными руками переделали купеческие хоромы в клуб. Тем временем товарищ Крутоверцев подыскал нам режиссера, хорошего такого старикана. Короче, завелся у нас свой театр. Поначалу приготовили мы «Бедность не порок». Я - в роли Любима Торцова, Труба - Гордей Торцов. И только разослали пригласительные билеты - на тебе: немцы! Будь они прокляты! Еле ноги унесли мы из Харькова.

С тех пор и блуждаем. То на гайдамаков, как сегодня, наткнемся, то на казаков. Потеряли топор, пилу махновцы отняли, мой сапожный инструмент в Харькове остался. Так и мыкаемся...

К НАМ В ОТРЯД

Небо на востоке уже позеленело, когда Артемка кончил свой рассказ.

Теперь я видел своего друга ясно. Да, изменился он. И не в том была главная перемена, что вытянулся, что над губами появился пушок, а в новом выражении лица. Говорит, смеется, а все будто прислушивается к чему-то, будто все чего-то ждет.

- Куда ж вы теперь? - спросил я.

Артемка махнул рукой на север.

- Я б уже давно там был, да разве с ним проскочишь незаметно!

Он сурово оглядел своего спутника, но не выдержал и усмехнулся:

- Видишь, какая верста!

Когда Артемка рассказывал о своих приключениях у гимназистов, я все время думал, что за человек с корзиной, по имени Дмитрий Дмитриевич, прятал у него в будке нелегальные книжки. Уж очень, по описанию Артемки, похож он на нашего командира, на товарища Дмитрия. Теперь я спросил:

- А не помнишь, как была фамилия того человека с корзиной? Дмитрия Дмитриевича?

- Попов, - без затруднения ответил Артемка. - А что?

- Попов! - воскликнул я. - Ну, так это командир нашего отряда.

- Да неужто? - обрадовался Артемка. - Вот бы повидать его!

- Что ж повидать! Вам бы совсем в наш отряд зачислиться. Как ты насчет этого?

- Я?.. Господи!.. - всплеснул Артемка руками. - Да хоть сию минуту!

Он наклонился к Трубе и затормошил его:

- Вставай! Будет тебе спать. Пошли!.. Я на часок отлучился, узнал, в каком направлении ушли из балки гайдамаки, и опять вернулся в рощу.

Через несколько минут мы уже шагали по степи. Взошло солнце, и вся степь, окропленная росой, так и заискрилась, так и зазвенела от пения птиц, пересвистывания сусликов, скрипа сверчков. Мы шли веселые, и нам даже не хотелось спать, хотя всю ночь мы с Артемкой за разговорами глаз не сомкнули.

Впереди шагал Труба. Решение Артемки вступить в отряд он выслушал молча, хмыкнул и перекинул через плечо тощий мешок с сухарями. Так, молча, и шел. Но вид ожившей под солнцем степи затронул в нем какие-то чувства. Он вдруг подогнул ноги, а руки с опущенными вниз

кистями поднял до уровня плеч и, сделавшись похожим на суслика, когда тот стоит на задних лапках и перекликается со своими товарищами, свистнул. Ему тотчас ответил настоящий суслик, за ним - другой, за другим - третий. Труба хитровато подмигнул:

- Вот как я их обдурил!

И, довольный, зашагал дальше. Он то звенел жаворонком, то плакал чибисом, то скрипел кузнечиком, пока вдали не показались двое всадников с винтовками. Тут Труба охнул и присел за копной.

«Неужели казаки?» - подумал я. Но всмотрелся и узнал наших. Впереди ехал богатырь Дукачев, шахтер с Чистяковского рудника. Издали он казался скачущим монументом. Другой всадник все время взмахивал руками, будто хотел оторваться от седла и полететь впереди лошади. Конечно, это был Ванюшка Брындин, коротконогий весельчак из деревни Тузловки. Всадники доскакали и круто остановили лошадей.

- Ты где пропадал? - сердито крикнул Дукачев. С широкого и такого темного лица, будто с него до сих пор не сошла угольная пыль, смотрели строгие серые глаза, но я отлично понимал, что Дукачев делает только вид, будто сердится.

Я рассказал о гайдамаках, потом кивнул на Артемку:

- Друга вот встретил. Пять лет не видались.

- Слыхал? - подскочил Ванюшка в седле. - Друга дорогого встречает, тары-бары растабарывает, а мы гоняй из-за него лошадей!

Ванюшка хотел еще что-то сказать, но вдруг схватился за винтовку: из-за копны высовывалась рыжая кепка.

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг схватился за винтовку:
- Товарищ Дукачев, гляди!
Из-за копны высовывалась рыжая кепка.

Артемка смущенно улыбнулся.

- Его гайдамаки шомполами побили, так он теперь боится всех, у кого винтовки... Вылазь, - ласково сказал он, - не бойся.

- А я и не боюсь, - басом ответила кепка. - Я тут харчишки на всякий случай прятал.

С выражением деловитой озабоченности из-за копны вылез Труба. Кони под всадниками беспокойно переступили ногами.

- Это что за чучело? - удивился Дукачев.

- Это свой... В общем, подходящие люди. Актеры, - сбивчиво сказал я. - К нам в отряд зачисляться хотят.

- Во! - повернулся Дукачев к Ванюшке с едва заметной усмешкой. - Пополнение... - Но тут же сдвинул брови и сурово сказал: - Бойцы нам нужны, а не актеры. Балагуров у нас и своих хватает. Ну, да это дело командира. Ты там был? - спросил он меня.

- Был, - ответил я.

- Садись на коня и скачи со мной. Актеров Ванюшка приведет. Слезай, Ванюшка.

- Чего? - сделал Ванюшка вид, будто не понимает. - Того. Слезай, и все. Костю надо к командиру доставить.

Ванюшка нехотя полез с коня:

- Дослужился - к актерам в поводыри...

Я взобрался на поджарую Ласточку, и мы поскакали. Миновали посты, обогнули высокий черный конус террикона с висевшей над самой вершиной вагонеткой (в ней сидел, никому не видимый, наш наблюдатель) и въехали в бурую от пыли улицу. Тут только придержали коней и поехали шагом. Я спросил:

- А что, правду говорят, будто поблизости где-то негр работал забойщиком?

- Ну, правду, - просто ответил Дукачев. - Чего ж тут особенного?

- Да так это я... А случайно не знаете, как его звали?

- Негра? Джимом звали. Джим Никсон. А что?

- Джи-имом... - разочарованно протянул я и больше уже ни о чем не спрашивал.

ВИНТОВКА

Домики поселка Припекино сгущились вокруг шахты, которую когда-то разрабатывали французские акционеры. Шахта бездействовала и поэтому не привлекала к себе внимания белых. Наш отряд и разместился здесь. Недалеко от поселка начинались глубокие овраги, дальше шумел камыш, а еще дальше темной зубчатой стеной тянулся лес. Все это было тоже на руку отряду: если мы не хотели принять неравный бой, то быстро оставляли поселок и исчезали в оврагах или в лесу.

Командир помещался во втором этаже серого угрюмого здания, где раньше была контора. Увидя меня из окна, он покачал головой. Я быстро взбежал по ступенькам и раскрыл дверь. Командир стоял у стола, коренастый, с седыми висками, в потертой кожаной тужурке.

- Почему опоздал? - поднял он на меня свои темные спокойные глаза.

Я объяснил.

- Много в Щербиновке офицеров?

- А там одни офицеры да юнкера. Да еще кадеты. Это ж не казаки, это, кажется, дроздовцы. Оружия у них много. Я так понял, что они скоро из Щербиновки уйдут догонять своих.

- Да... - раздумчиво сказал командир, - оружия у них должно быть много. Ну, отдыхай пока.

- Дмитрий Дмитриевич, - сказал я, считая, что служебный разговор уже окончен и командира можно называть по имени-отчеству, - вам до революции не приходилось распространять книжки? Те вот, недозволенные?

- Приходилось. Все мы распространяли. А что?

- Так... Может, и до самого моря пробирались?

- Пробирался и до самого моря. Да в чем дело?

- Это я просто так. А можно к вам привести своего друга?

Я рассказал о встрече с Артемкой, не называя его по имени.

Командир подумал.

- Приведи на митинг, там и поговорю с ним. Сегодня к нам еще семнадцать шахтеров прибыло.

Я спустился вниз и пошел встречать Артемку.

В каждом дворе курился очажок, и от курного угля во всем поселке пахло, как в кузнице. Походной кухни в нашем отряде еще не было, люди обслуживали сами себя: кто пек в золе картошку, кто варил в котелке

кулеш, кто кипятил чайник. Партизаны сидели на завалинках, лежали в тени под деревьями, группами расхаживали по улицам. На одних были солдатские гимнастерки и башмаки с желтыми обмотками, на других - обыкновенные пиджаки, и только перекинутые через плечо винтовки показывали, что это народ военный.

Выйдя за околицу, я тотчас увидел вдали знакомые три фигуры. Над степью дрожало марево, и мне казалось, что они бредут по колено в воде. Я побежал им навстречу.

- Принимай приятелей, - дружелюбно кивнул Ванюшка. Видимо, по дороге он успел с ними и познакомиться и сойтись. - Ничего, народ занятый. Только в военном деле ни бум-бум не смыслят. - Ванюшка покрутил головой. - Я спрашиваю: «Что такое ложа?». А этот вот, длинный, отвечает: «Ложа - это место такое в театре, для публики». Вот как он про винтовку понимает.

- Ничего, - без обиды сказал Артемка, - научимся.

Все четверо - Труба, Артемка, Ванюшка и я расположились в деревянном сарайчике с продранный крышей. Через крышу виден был голубой кусок неба, и все время доносился шелест липы, протянувшей над нашей «квартирой» свои ветки.

Труба оказался отличным поваром: из горсти пшена, кусочка старого сала и пучка укропа он сварил такую вкусную, ароматную кашу, что Ванюшка выскреб из котелка все до последней крупинки да еще и ложку облизал. После обеда Труба растянулся на полу с явным намерением поспать. Заметив это, Ванюшка принял строгий вид:

- Ты что? Военного дела не знаешь, а под голову мешок? Я вижу, ты спать горазд.

Он взял прислоненную к стене винтовку и принялся разбирать ее:

- Во, гляди да запоминай. Это вот ствол. Чему он служит? Он служит для направления полета пули, понял? Ну, повтори.

Труба добросовестно повторял. Иногда он брал часть винтовки и слегка подбрасывал на ладони, будто вся сила магазинной коробки или ствольной накладки заключалась в их весе.

Артемка сидел тут же и беззвучно шевелил губами. Разобранные части в беспорядке валялись на полу.

- А теперь смотри, как я ее собирать буду, - сказал Ванюшка, щеголяя своим умением обращаться с оружием.

Собрав винтовку, он опять ее разобрал.

- Дай-ка я попробую! - вскочил Артемка. Он надел боевую пружину на ударник и вложил то и другое в канал стебля затвора.

- Э-э... - сказал Ванюшка, - ты раньше знал.

- Не знал я! - мотнул Артемка головой.

Азарт перекинулся к Трубе.

- Дай! - гаркнул он, когда винтовка была собрана, и не взял, а выхватил ее из рук Артемки. - Считай до пяти тысяч. Покуда будешь считать, я ее разберу и опять соберу.

Но тут где-то заиграл рожок, и по этому сигналу потянулись мимо нашего сарайчика люди. Пошли и мы.

«ВАНЬКА ЖУКОВ»

Митинг назначили в просторном амбаре. Вместо скамей здесь, как в школе, стояли ученические парты. Люди с трудом просовывались на их сиденья, кряхтели и ругались. Впрочем, большинство предпочло рассестись прямо на полу, вокруг огромного деревянного ящика, опрокинутого дном вверх. Ящик предназначался для ораторов. На дворе еще было светло, но в амбаре уже зажгли лампу, и она тихонько покачивалась над ящиком. Ближе других к нему пододвинулись шахтеры, которые прибыли только сегодня. Их сосредоточенные лица, темные от ввевшейся в кожу угольной пыли, казались при красноватом свете лампы бронзовыми.

Артемка стоял среди шахтеров и с любопытством разглядывал ящик и лампу не напомидало ли ему это театральные подмости?

Говор вдруг стих, люди расступились, и к «трибуне» прошли командир и Дукачев.

- Он! - радостно крикнул Артемка и рванулся к командиру.

- Подожди! - схватил я его за руку. - Успеешь.

Дукачев ступил на заскрипевший под ним ящик и предложил избрать президиум.

Митинг начался. Одни, как сам Дукачев, высказывались складно и зажигательно, другие робели и путались в словах, но все говорили искренне, душевно.

Слово взял командир. Начал он тихо и так просто, будто не на митинге выступал, а в комнате со своими домашними разговаривал.

- Вот и еще прибыло пополнение, - сказал он. - Писем мы им не писали, гонцов за ними не слали - сами пришли. Услышали, что взялись тут шахтеры за оружие, и пришли. Не хотят опять лезть в ярмо, а пуще не хотят позорной, подлой судьбы для России.

Он помолчал, как бы вспоминая, и укоризненно покачал головой:

- Проходила тут мимо целая рота офицеров. Сверкают погонами и поют. Да не просто поют, по-солдатски, а с чувством: «Смело мы в бой пойдем за Русь святую и как один прольем кровь молодую». И вот подумал я тогда: «Против кого ж они идут в бой и за какую такую святую Русь собираются кровь проливать?» Возьмем, к примеру, Донбасс. И земля эта спокон веку наша, и народ наш. А, бывало, на какой рудник или завод ни придешь наниматься, всюду хозяевами иностранцы сидят: англичане, французы, бельгийцы, немцы, разные там Юзы, Крузы, Болье, Гарриманы.

У себя, в Англии да Франции, они ставили на заводах самые лучшие машины, а сюда одно старье вывозили: зачем тратить стерлинги да франки на дорогое оборудование, когда с помощью царских чиновников и полиции здесь можно выжимать из народа кровь и пот за гроши! Так вот за какую «святую» Русь пошли в бой против народа белогвардейцы всех мастей. За Русь с английскими да немецкими хозяевами, за Русь отсталую и беспомощную. Ну, а за что мы идем в бой? За какую Русь проливает кровь наш трудовой народ?

Он обвел всех внимательным взглядом, потом прикрыл глаза, будто не глазами, а всей душой хотел увидеть будущее своей родины, и заговорил горячо и страстно. И, пока он говорил, никто не шелохнулся, а когда переводил дыхание, переводили с ним дыхание и все.

Слушая, я совершенно забыл об Артемке. Вспомнил только, когда кругом закричали и захлопали, а командир сошел с ящика. Артемка стоял, весь подавшись вперед, к командиру, и глядел на него счастливыми глазами.

- Ну, теперь иди, - сказал я.

Артемка сейчас же подбежал к командиру:

- Дмитрий Дмитриевич... то есть товарищ командир... так это вы?..

Командир посмотрел и смущенно сказал:

- Вот, брат, не припомню...

- Да как же так! - с упреком воскликнул Артемка. - А еще в театр меня водили, в будке у меня ночевали... А книжки?.. Я ж книжки ваши прятал.

Сосредоточенное лицо командира вдруг осветилось.

- Неужто ты?.. - в свою очередь, воскликнул он. - Артемка?..

- Он самый, - заулыбался Артемка. - Припомнили?

- Ох, какой ты большой стал!.. Ну, расскажи, расскажи! Давно оттуда?

- Командир любовно обнял его и отвел в сторонку. - Станем-ка тут. Так это тебя привел Костя?

Он слушал Артемку и поглядывал на «трибуну», откуда доносились горячие речи.

- Вот что, ты мне потом все расскажешь, а не сможешь ли сейчас чего-либо изобразить людям? Ну, сценку какую-нибудь? С приятелем со своим, а? Костя, говорил, что вы по этой части большие любители.

- Это можно, - с готовностью отозвался Артемка. - Мы стихов много знаем. А может, «Ваньку Жукова» представить?

- Чехова? Что ж, можно и Ваньку. Даже очень хорошо.

Когда митинг кончился, командир поднял руку и сказал, улыбаясь:

- Подождите, товарищи, расходиться. Тут к нам прибыли двое

приятелей. Вы рассаживайтесь поудобнее, а они нам что-нибудь почитают.

В амбаре загудели. Садились прямо на пол, обняв колени руками. Защелкали семечками, густо задымили махоркой.

Первым выступал Труба. Появление на ящике несуразно длинной фигуры с длинными усами вызвало одобрительные возгласы:

- Який довгий!

- Этот изобразит!

- Гляди, не выдави головой потолок!

Труба спокойно выждал, пока «приветствия» закончились, и оглушающе запел:

Жил-был король когда-то.

При нем блоха жила...

Не знаю, большое ли удовольствие получили слушатели от самой песни, но голос им понравился. Со всех концов выкрикивали:

- Ну и глотка, нехай ему черт!

- Оглушил, бисов сын!

- Такого послать на беляков, так он одним голосом их распугает!

- Ха-ха-ха!.. Го... го-го!..

Труба спокойно выслушал все эти характеристики и, когда все стихло, запел «Дубинушку». «Эй, ухнем!..» - могуче и тяжело гудело в амбаре, а люди, сделавшись серьезными, одобрительно покачивали головой.

Артемка стоял около ящика и ждал. Кончив петь, Труба под громкие хлопки слез на пол, поднял большой деревянный чурбан и втащил его на ящик. Все с любопытством наблюдали за этими приготовлениями. Артемка стал перед чурбаном на колени, оглянулся на дверь, покосился на слушателей и вытащил из кармана листок бумаги и ручку с пером. Еще он не сказал ни слова, но по этому взгляду, по прерывистому вздоху, по плаксиво опустившимся вниз уголкам губ все поняли, что перед ними - мальчик, замученный, робкий, тоскующий, мальчик, который решил на какое-то тайное, трудное дело.

Голосом, неожиданно мягким, Труба сказал:

- «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под рождество не ложился спать...»

Артемка еще раз вздохнул, наклонился над чурбаном и медленно повел пером по бумаге. Потом подпер кулаком подбородок и задумался,

глядя затуманенными глазами вдаль. Труба тихо, чтоб не спугнуть его видений, рассказал, какие чудные картины рисовались перед глазами мальчика. Он видел свою родную деревню с белыми, заснеженными крышами и струйками дыма над трубами. А небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь расстился так ясно, будто его перед праздником помыли и потеряли снегом.

Когда Труба кончил, Артемка сделал вид, будто макнул перо, и продолжал писать, шевеля по-детски губами.

Говорил он вполголоса, иной раз даже шепотом, но вокруг стояла такая тишина, что слышно было, как дышат люди, и каждое слово его доходило до самых дальних зрителей.

Командир стоял потупившись. Его густые брови чуть вздрагивали. Не сводя с Артемки изумленных глаз, как замороженный смотрел на него, сидя на полу, Ванюшка Брындин. А Дукачев скрестил на богатырской груди руки и шумно вздыхал.

Все - и самый рассказ Чехова и то, как его прочли Артемка с Трубой, захватило поголовно всех, разбередило, как сказал потом Ванюшка, душу, но никто и не подумал хлопнуть. Получилось так, будто Артемка - не Артемка, а этот самый Ванька Жуков, деревенский мальчик, отданный дедом в ученье к сапожнику, и будто он и на самом деле писал деду письмо, жалуясь на свою горькую жизнь.

Все заговорили, зашумели.

Какой-то шахтер с лицом, заросшим до глаз серой бородой, вцепился костлявыми пальцами в Артемкино плечо и сердито журил:

- Чудак! Голова твоя еловая! Нешто так адрес пишут? Надо ж волость писать. Волость и уезд. Тогда дойдет. А то - на деревню дедушке. Мало их, дедушек этих!

Слышались восклицания:

- Самого б его колодкой, сапожника энтава!

- Вот так и моего сына калечили в ученье.

- От хорошей жизни ребятенка не отошлешь к такому аспиду.

- А в шахтах лучше? Сколько их там покалечили, ребят!..

Подошел командир. Он внимательно оглядел Артемку, будто сверял какие-то свои мысли о нем, и строго сказал:

- Это надо беречь. Это не только твое, это и наше. Понял?

- Нет, - искренне признался Артемка. - Про что это вы?

- Зайди как-нибудь вечером, потолкуем.

Командир пошел к выходу. Вспотевший от волнения Артемка растерянно смотрел ему вслед.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Перед рассветом на наш отряд напоролась какая-то белогвардейская колонна. Дремали наши дозорные, что-ли, но только они дали предупредительные выстрелы, когда белые уже огибали террикон. Мы с Ванюшкой схватили винтовки и через дворы с огородами, путаясь ногами в цепкой огудине, побежали к старой кузнице - месту сбора нашего взвода. У Артемки еще не было ни винтовки, ни гранаты, но он тоже бежал с нами. А когда взвод залег в канаве и, ругаясь, принялся палить в темноту, Артемка тоже ругался и швырял в темноту камни.

Белые ушли, не оставив следов о потерях. Зато среди наших двое были ранены. Ранили их, вероятно, свои же, во время беспорядочной стрельбы.

Эта стычка показала, как слабо мы были подготовлены в боевом отношении, и многое изменила в наших порядках. То, бывало, люди целыми днями слонялись по улице и грызли семечки; теперь же чуть свет одни строились повзводно и уходили в степь, другие занимали позиции, хотя врагов поблизости не было. Обучали нас больше фронтовики германской войны, и, надо сказать, дело свое они знали. Целыми днями слышался размеренный топот ног, отовсюду неслась зычная команда:

«Раз, два, три!левой! По наступающей кавалерии - огонь!.. Ложись!..» Нагибаясь, мы бежали цепочкой, по команде падали, опять поднимались и с криком «наступали» дальше. Потные, усталые, мы к полудню возвращались в поселок и тут с новыми силами набрасывались на украинский борщ, сдобренный старым салом, и на рябые арбузы. Арбузы не резали, а разбивали кулаком и разламывали. От этого их ярко-красная, искрящаяся мякоть казалась еще вкуснее. Мы отдыхали, потом сменяли тех, кто занимал позиции, а они шли на учение.

В отряде появились административно-хозяйственные службы, пошивочная и сапожная мастерские, походная кухня. Кстати сказать, поваром был назначен Труба. Случилось это так. Отдавая приказ о зачислении в отряд вновь прибывших, командир задумался.

- Нельзя этого длинного в строй, - сказал он Дукачеву. - Очень заметная фигура. Ухлопают в первом бою.

- Ухлопают, - согласился Дукачев.

Вызвали Трубу.

- Вот думаем, - сказал командир, - на какую тебя роль определить.

Труба разгладил усы и тоже задумался:

- Пожалуй, на роль короля Лира.

Командир засмеялся:

- Я не об этом. Что ты вообще умеешь? Ну, колешь дрова. А еще?

- Могу антрекот приготовить, гуляш...

Оказалось, Труба в детстве служил поваренком в харчевне.

- Это дело! - обрадовался Дукачев. - А борщ?

- Могу.

- Ну, так засучивай рукава, - сказал командир. - В помощники дам тебе Таню. А насчет короля Лира - это тоже можно. Только в свободное время.

Через два дня весь отряд уже ел борщ с салом и похваливал повара. А повар сшил себе белый колпак и в этом колпаке, пуча рачьи глаза, заложив руки за спину, ходил по дворам и заглядывал в миски.

На Артемку я не переставал дивиться: как его на все хватало! С учения он шел в сапожную мастерскую и с великим старанием прибывал партизанам подметки. А чуть начинало смеркаться, бежал в амбар на репетицию. Иногда, задумавшись, он улыбался и, видимо, сам того не замечал. Однажды я ему сказал об этом.

- А что ж, - ответил он, - я вроде домой попал, вроде в свою семью. То все чего-то ждал, тревожился, а теперь ничего не боюсь.

- И не ждешь? - спросил я с особым значением.

Он взглянул на меня и вдруг вздохнул:

- Нет, жду. Наверно, всю жизнь буду ждать. - Но тут же опять повеселел: - Айда на репетицию! Там уже собрались.

Конечно, его уже там ждали: ждал Ванюшка Брындин, ждал голубоглазый застенчивый партизан Сережа Потоцкий, ждали поселковые девушки, ждала Таня помощница Трубы.

Не успев показать в Харькове «Бедность не порок», совсем уже приготовленный спектакль, Артемка с Трубой решили поставить его здесь и с азартом принялись сколачивать драматический кружок. Самой пьесы у них не было, но что за беда! Они знали ее наизусть, а остальные исполнители заучивали свои роли с их слов. Конечно, Гордея Торцова, купца-самодура, играл Труба. Любима Торцова, уличного скомороха и доброй души человека, - Артемка. Роль весельчака и певуна Гриши Разлюляева дали Ванюшке Брындину. Роль эта сплошь состоит из прибауток, песен и пляски. Ванюшка был от нее в восторге и старался изо всех сил. Митю, скромного, застенчивого приказчика, играл Сережа Потоцкий. На репетициях он смущался, и Митя у него получался очень натуральный. Хорошо получалось и у Тани, которая играла дочку Гордея - Любу. Тане лет пятнадцать, она худенькая, с бледным лицом и маленькими,

глубоко запавшими глазами. Все знали, что мать ее расстреляли немцы, и все ее жалели.

Однажды в амбар заглянул командир. Он постоял, послушал.

- Эх, - сказал он, - сейчас бы что-нибудь боевое, сильное. Да нет еще таких пьес. Ну, ничего и «Бедность не порок» сойдет. Ты, Артемий Никитич, вот на эти слова напирай: «Кабы я беден был, я б человеком был».

Репетировали на подмостках, которые сложили из пустых ящичков. Но не было ни занавеса, ни декораций. Решили так: перед каждым действием кто-нибудь выйдет и объяснит, что тут вот дверь, тут окно, это, мол, не табуретки, а кресла бархатные, а тут вот не ящик, а буфет с посудой и серебряными ложками. Пусть зрители воображают. Купеческие ж бороды можно было и из пакли сделать, только сначала помочить ее в чернилах.

- Занавеса нет, - сокрушался Артемка. - Что это за театр без занавеса!

В самый последний день приготовлений вдруг закапризничал Труба.

- Не буду играть, - упрямо сказал он. - Какой это. Гордей Торцов - без цилиндра! Шампанское пьет, все столичное у себя заводит, да чтоб без цилиндра?

Я знал: если Труба заупрямится, лучше его не переубеждать. Постепенно он «отходил», и тогда все улаживалось. Мы повздыхали, и спектакль отложили.

РАССКАЗ ТАНИ

Вечером Артемка, Ванюшка, Таня и я сидели в нашем сарайчике. Я только что вернулся из Щербиновки. Было темно, пахло свежим сеном, которое натаскал сюда Ванюшка. Я невольно вспомнил далекие годы, свое убежище под полом амбара, ночь, проведенную на таком же пахучем сене вместе с милым Евсеичем. Мне стало грустно, как всегда, когда вспоминалось горькое детство. И в то же время у меня было тепло на сердце: ведь я опять с Артемкой, и мы оба служим делу, за которое не жалко и жизнь отдать.

В этот вечер было грустно не только мне: огорченные тем, что спектакль не состоялся, все понуро молчали.

Пришел и Труба. Он пробрался в угол сарая, лег и притворился, будто спит. Но он не спал, ворочался и вздыхал. Наверно, его мучило раскаяние.

- Вот, братцы, какого я помещика знал, - сказал будто ни с того ни с сего Ванюшка. - Всю жизнь он мебель скупал. Получит с мужиков деньги за землю - и едет в Петербург. Раз даже привез кресло из-под самого испанского короля, ей-богу. Весь дом мебелью завалил. Ну, надо правду сказать, мебель была красивая. Посидит он немного на голубом кресле, выпьет водки и пересядет на турецкий диван, с дивана - на розовое кресло, а там опять на какой-нибудь диван. И на каждой мебели по рюмке спиртного хватал. К вечеру до того набирался, что как зюзя ползал. Его кондрашка ихватила. Так что вы думаете? Велел он вытащить всю мебель во двор, облить керосином и спалить. Это - чтоб после его смерти никто на этой мебели сидеть не смел. Вот какой был паразит, - закончил Ванюшка, неожиданно повернувшись к Трубе.

- Таня, расскажи и ты что-нибудь, а то ты все молчишь, - попросили мы.

- Я не умею, - вздохнула Таня.

- А ты - как умеешь.

- Ну хорошо, - сказала Таня. - Я про немцев расскажу. Про двух немцев.

И рассказала вот что.

Пришли в рудничный поселок Кульбакинский немцы. Были они в серых куртках с бронзовыми пуговицами, на головах, по самые брови, - стальные каски, и у всех одинаковые лица: без всякого выражения. Переночевали и пошли дальше, а двух оставили.

Один, худой, был офицер, а другой, короткий и толстый, - солдат. Звали этого короткого Карл. Поселились они в школе: офицер - наверху, а Карл внизу. Таня с мамой тоже жили в школе, потому что Танина мама была школьной уборщицей.

У Карла были желтые, выцветшие на солнце брови, а лицо в морщинах. Он сажал к себе на колени Танину годовалую сестренку Пашутку и забавлял ее; блял овцой, кукарекал, совал девочке в рот свой заскорузлый палец.

А офицер любил играть на фисгармонии и петь что-то тягучее, наверно церковное.

Каждый день, ровно в двенадцать часов, офицер с Карлом шли в тюрьму.

Тюрьма стояла недалеко от школы, серая, обнесенная высокой стеной. Иногда оттуда доносились выстрелы. Заслышав их, люди в поселке крестились Таня не раз видела, как раскрывались железные ворота и во двор тюрьмы белоказачи вводили арестованных. Это были шахтеры с соседних рудников.

Что делали офицер с солдатом в тюрьме, Таня не знала. Офицер возвращался раньше, шел наверх, садился за фисгармонию и с чувством пел. А солдат приходил позже. Вид у него всегда был усталый, сапоги в желтой глине. Он мыл руки и садился обедать, а пообедав, сажал на колени Пашутку и забавлял ее.

Однажды, когда офицер с солдатом ушли в тюрьму, Таня полезла на чердак и стала смотреть в слуховое окно. Двор тюрьмы был виден как на ладони. Сначала во дворе не было никого. Но вот два тюремщика вывели по пояс голого человека и дали ему лопату. За ними вышел Карл. Иногда человек хватался за голову и падал на землю. Тогда Карл не спеша поднимал его и так же не спеша бил в бок сапогом. Пришел офицер. Тюремщик завязал человеку платком глаза и подвел к краю ямы. Потом отошел, вынул револьвер и прицелился.

Выстрела Таня не услышала: в глазах у нее потемнело, ноги подкосились. А когда она пришла в себя и опять заглянула в окошко, то увидела, что во дворе был только один Карл. Он загребал лопатой землю и утаптывал ее сапогами.

- Убить их надо! - крикнул Ванюшка и даже подскочил на сене. - Гранатой!..

- А их уже убили, - спокойно сказала Таня, - Только не гранатой, а кулаком.

- Как кулаком? - удивились мы.

- Да, кулаком, - подтвердила Таня. - Я пошла в Липовку и все рассказала дяде Ивану, маминному брату. Он хитрый, дядя Иван: днем в шахте, а ночью партизанит. Рассказала, а он и говорит: «Иди домой, а в полночьними незаметно с двери болт». Я вернулась, подстерегла, когда Карл заснул, и сняла болт. Ну, они и явились, партизаны. И с ними пришел негр Джим. Он раньше на шахте Гольда работал. Только их заметил казак - часовой. Заметил и давай стрелять. Немцы вскочили - да на черный ход. А там уже стоял Джим Никсон. Размахнулся он да как даст Карлу кулаком в лоб! Тот даже не охнул: так, мертвый, и упал. За Карлом к двери подбежал офицер. Джим и офицера таким же манером. Обоих убил. Вот какой силы человек!

Мы сразу все заговорили. Артемка повторял: «Правильно, они сильные, негры! Я знаю!» Ванюшка свирепо кричал, что, если б Джим не прикончил этих катов, он сам бы пооткручивал им головы. А я доказывал, что больше всех в этом деле отличилась сама Таня и что ей надо выхлопотать от правительства награду.

И тут, не знаю уж почему, Труба вдруг стукнул кулаком по стенке сарая и прорычал:

- Черт с ним, с этим цилиндром! Объявляй, Артемка, на завтра спектакль!

ПАРТИЗАНСКИЙ НАЛЕТ

Но и на следующий день спектакль не состоялся - такая уж выпала ему доля. На другой день мы готовились совсем к другому делу.

Только Труба умолк, как вошел связной и велел мне идти к командиру.

Таня сказала:

- Нам по пути.

Мы вышли вместе. На улице было темно, пустынно и тихо. Только лаяли собаки да квакали лягушки на речке. Спустя немного из темноты к нам донеслись глухие шаги. Мы уверены были, что это идет наш патруль, но, когда шаги слышишь, а того, кто идет, не видишь, почему-то делается не по себе. Патруль поравнялся и, хоть узнал нас, все-таки спросил пароль и сказал отзыв. Мы прошли дальше.

Вспомнив, о чем только что рассказывала Таня, я сказал:

- Какую надо силу иметь, чтоб убить кулаком! Это ж великаном надо быть.

- А он и есть великан, - ответила Таня.

- Страшный?

- Ни чуточки. Даже симпатичный.

- А на шахте он давно? - спросил я.

- С революции, - сказала Таня.

- А до этого где был?

- До того в какой-то Филадельфии, что ли. В Америке, словом.

У командира я застал всех взводных. Наклонившись над столом и шумно дыша, они смотрели на карту. Карта была вся в синих черточках. Командир водил по ней карандашом, что-то объяснял и ставил квадратики. Заметив меня, он строго спросил:

- В Щербиновке две рощи?

- Две, - ответил я.

- Вот то-то, что две. А ты сказал: «Орудие в роще». А в какой - не сказал.

- В той, что в сторону хутора Сигиды.

- Значит, в северной. Так и надо было сказать: в северной.

Мне стало страшно, и я даже весь вспотел при мысли, какая бы случилась беда, если б мы спутали рощи.

Следующей ночью, получив от командира задание, я опять отправился в Щербиновку.

Еще и солнце не взошло, а я уже ходил по майдану и оглядывал возы. Возов было много: с капустой, с сеном, с душистыми дынями. Не было только тех, которых я ждал.

Но вот в переулке послышался скрип, и на майдан въехала арба с рябыми арбузами. Рядом с арбой шли два крестьянина с батогами в руках, а поверх арбузов сидела молоденькая дивчина и кричала на быков:

- Цоб!.. Цоб!.. А щоб вас... Цоб!..

- Цоб!.. Цоб!.. - басом вторили ей крестьяне. Быков распрягли. Они тотчас легли и принялись за свою жвачку, глядя в пространство большими печальными глазами.

- Почем кавуны? - приценился я.

- А яки у вас гроши? - предусмотрительно осведомился длинный крестьянин с китайскими усами.

- Да хоть бы и керенки. Есть и царские.

Крестьянин подумал и предложил:

- На барахло сменяемо?

- Можно, - согласился я. - А красненькие у вас есть?

- Красненькие зараз будут. Кум везе.

- А синенькие?

- И синенькие везуть.

Пока мы так разговаривали, дивчина смотрела на меня, и глаза ее смеялись.

Спустя немного показался воз с «красненькими», потом с «синенькими», потом с молодой кукурузой, потом опять с кавунами... День был базарный, и возы шли и шли.

- Вы откуда? - спрашивали покупатели.

- А с Кудряевки.

- Так это ж рядом с Припекином. Правда, что там красные?

- Да боже ж мий, де воны, ти красные! Булы, а зараз немає. Кудысь пошлы.

Около одного воза стоял парень с придурковатым лицом и зазывал сновавших по базару офицеров:

- Ваши благородия, купуйте кавуны. Це ж не кавуны, це мед. Господын повковнык, - хватал он за рукав безусого юнца-прапорщика, - чи у вас повылазыло! Берыть же кавуны!

Увидя меня, парень чуть заметно подмигнул. Я ходил от воза к возу и с беспокойством всматривался, не высовывается ли где из-под арбузов или кукурузы дуло винтовки. Но нет, все было припрятано как следует. «Крестьяне» торговали, покупали тут же самогон и - цоб, цоб! - тянулись к

заезжему двору. Там уже частила гармошка. В кругу, упершись кулачками в бока и дробно стуча каблучками, дивчина, что приехала на возу с арбузами, задорно пела:

И спидныця в мэнэ е,
Сватай мэнэ, Сэмэнэ!..

«Придурковатый» парень носился вокруг нее вприсядку. Тут же стоял длинный крестьянин. Пуская слезы и растирая их на морщинистом лице кулаком, он умиленно говорил:

- Та шо ж воно за диты!.. Та це ж не диты, це ж ангелочки божи, нехай им бис!.. А ну, выпьемो ще по стопци...

А ночью в северной рощице вдруг загрохотало. Точно эхо, грохот отозвался на околице, где стояли два пулемета. В разных местах запылали пожары. Поднялась беспорядочная стрельба: белые выскакивали полураздетые из хат и палили куда попало. И тут из оврага к поселку с неистовым криком устремился весь наш отряд.

Не прошло и часа, как белые были выбиты.

Но утром, когда группа ребят проходила с Дукачевым через площадь, на колокольне оглушающе громко застучал пулемет. Мы бросились врассыпную. Двое остались лежать неподвижно, третий - Сережа Потоцкий - схватился руками за ногу и запрыгал на месте.

Дукачев поднял бревно и ударил им по железной двери, что вела на колокольню. Бревно то поднималось, то падало, по за стуком пулемета ударов слышно не было, и мне казалось, будто оно колотит по железу беззвучно.

Мы прижались к стенкам церкви. Не рискуя выйти из «мертвого» пространства, партизаны поднимали винтовки вертикально и стреляли вверх. Пули задевали карнизы, и битый кирпич падал нам на головы.

Тогда от стены отделился какой-то парень с чугунным котелком вместо каски на голове и, не пригибаясь, с колена стал посылать на колокольню пулю за пулей. На короткую минуту пулемет умолк, но потом опять застрочил, и перед парнем, в пяти-семи шагах от него, частыми вспышками задымилась пыль.

- Прижмись!.. Прижмись!.. - кричали от стенки.

- Артемка, прижмись!.. - закричал и я, узнав под чугунным котелком своего друга.

Еще трое отбежали от стены, растянулись на булыжниках и принялись

стрелять по колокольне.

И вдруг из переулка показались белые. Полураздетые, кто без сапог, кто в ночной рубашке, они шли сомкнутым строем, со штыками наперевес, с бледными лицами и в предрассветном сумраке казались воскресшими мертвецами.

Мы окаменели. Опять загрохотал пулемет. Но теперь из него бил не враг, а сам товарищ Дукачев. Несколько человек у белых упало, строй искривился, начал ломаться. Толстый офицер, шедший сбоку, сделал яростное лицо и истошным голосом провизжал:

- Сомкни-ись!..

Строй сомкнулся, выпрямился, и колонна, не ускоряя шаг, не делая ни одного выстрела, двинулась прямо на нас.

Это было нестерпимо страшно. Хотелось закричать и стремглав броситься бежать. И кто знает, не началась ли бы паника, если б из другой улицы не показался командир. Был он в распахнутой тужурке, с наганом в руке и тоже страшный.

- Бе-ей их!.. - закричал командир сиплым, незнакомым мне голосом.

На белых бросились с двух сторон; от церкви - мы, а с улицы - шахтеры, подоспевшие с командиром. Я помню только начало схватки: раздробленная пальба, вскинутые приклады, перекошенные лица, хряск, стон, сцепившиеся в пыли тела... Да помню еще тишину, которая наступила, когда все было кончено.

АРТЕМКА ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

В Щербиновке нам оставаться было нельзя: после такого дела нас быстро обнаружили бы. Путая следы, кто пешком, кто на арбах, мы разбрелись в разные стороны, а неделю спустя, потные, запыленные, заросшие, опять собрались вместе. И даже не сразу в Припекине, а сначала в лесу, за поселком.

Из Щербиновки мы вывезли тридцать шесть винтовок, много гранат и два пулемета. Но что мы еще вывезли из Щербиновки, наверно не вывез бы ни один партизанский отряд. В поселке было театральное помещение, вроде сарая, где играли заезжие актеры, со сценой, с занавесом, с декорацией, даже с суфлерской будкой. Увидя все это, Артемка побежал к командиру:

- Дмитрий Дмитриевич, да неужто бросить все это добро?

И добился того, что командир велел занавес снять и постелить на арбе под ранеными. А картонную декорацию Артемка уже своей волей разрезал на куски и уложил в другой арбе.

Пока мы сидели в лесу, в Припекине побывали белые. Не найдя тут нас, они переночевали и ушли. Через два дня мы как ни в чем не бывало опять расположились в поселке.

Теперь уже спектакль готовился по всем правилам: повесили занавес, из кусков картона соорудили «комнату»; даже мебель появилась в виде трех кресел и дивана, пожертвованных нам командиром из своего кабинета.

Но вот беда: разбрелась часть исполнителей. Сережа Потоцкий ходил с костылем; Таня не отрывалась от раненых; кое-кто из поселковых ребят, испугавшись белых, убежал на соседние рудники. Артемка рыскал по поселку и уговаривал местных девушек вступить в драмкружок. Он взывал к их сознательности и обещал славу. Не меньшую энергию развивал и Ванюшка Брындин. А Труба даже наливал Сереже в миску двойные порции, лишь бы тот скорее поправлялся. Через короткое время спектакль был опять готов. На этот раз даже афиши расклеили по поселку. Правда, писал их Артемка на старых газетах; правда и то, что через час их уже содрали со стен на сигарки наши люди. Но все-таки афиши были.

А спектакль опять не состоялся. Как заморозил его кто!

Вот как получилось.

Вернувшись в Припекино, я опять принялся за свое дело. Ходил я теперь не в Щербиновку, которая оставалась ничьей, а в Крепточевку,

маленький городишко, занятый каким-то сводным отрядом из казаков и десятка то ли дроздовцев, то ли алексеевцев - короче, белых офицеров. Стояла она на пути Красной Армии и была у нас как бельмо на глазу. Нам до зарезу надо было знать не только количество штыков, сосредоточенных там, но и планы врага. А что я мог знать об этих планах! «Языка» нам достать не удавалось, а тех сведений, что я добывал, было недостаточно. Докладывая командиру, я видел, как темнело его лицо, и беспомощно умолкал.

- Ну хорошо, - сказал однажды командир, сдерживаясь, чтоб не повысить голоса, - ты насчитал четыре «колыта». Так этих пулеметов они и не маскируют. А где укрытые? Ты знаешь, сколько беды принес нам с колокольни «максим», пока не захватил его Дукачев?

- Знаю, - отвечал я уग्रюмо. - А что ж я мог сделать?

Тут в разговор вмешался Дукачев:

- Ничего он больше и не узнает, если будет только ходить да присматриваться. Надо своих людей иметь там, прямо у них в середке.

- В этом все и дело, - согласился командир.

Вечером я сидел на сцене в пыльном кресле с золочеными ножками и жаловался Артемке на свою неудачливость. Артемка сидел напротив, тоже в кресле. Чуть в стороне, на диване, подогнув ноги к самому подбородку, лежал Труба и мирно сопел. С трех сторон нас окружала декорация, изображавшая комнату с цветными обоями, занавес был опущен, на ящике потрескивал фитилек в блюдце с постным маслом. Честное слово, здесь было так же уютно, как и в настоящей комнате. Но я был удручен разговором с командиром и ничего не замечал.

- Надо что-то придумать, надо что-то придумать, - повторял я. - Нарядиться кадетом разве?

- Нет, у тебя это не выйдет.

- Не выйдет, - уныло сказал я. - А без этого как к ним проникнешь? Они даже в свой театр без записки не пропускают.

- А у них разве есть театр?

- А как же! Есть. Только актеры неспособные, ничего не получается.

- Постой, постой! - заволновался Артемка. - Ну-ка, расскажи: какой театр? Какие актеры?

- Да солдаты.

И я рассказал, что знал. Сидел я в скверике на скамейке, а по дорожке мимо меня ходил парень с лычками на погонах. Он заглядывал в тетрадопку и все твердил: «О, ваше превосходительство, доблестный полководец, спаситель родины, пошлите меня на ратный подвиг против

красных башибузуков». Твердил, твердил, потом сел рядом со мной, вздохнул и даже глаза прикрыл. «Что с вами?» спросил я. Он глянул на меня раз, другой - и рассказал. «Завелся, - говорит, у нас при штабе поручик по фамилии Потяжкин. Чудной такой: вроде поэта, только страшный ругатель. Написал он пьесу, построил в казарме сцену с занавесом и назвал ту казарму «Комедия». Ему удовольствие, а солдатам, которых он в актеры определил, мука. Он их и стихами и крепким словом, а толку нету». Рассказал, потом вскочил и опять принялся за свое: «О, ваше превосходительство, доблестный полководец, спаситель родины...»

- Костя! - схватил Артемка меня за руку. - Да чего ж ты молчал!.. Пойдем к командиру. Мы ж такое сотворим!..

- Пойдем, - уперся я. - Успеем к командиру. Говори толком, что сотворим.

- Как - что? Мы с Трубой поступим в эту самую «Комедию» и будем тебе сведения передавать.

- Чего-о? - Труба так повернулся, что под ним зарычали пружины. - К дьяволу в зубы?

- А что с нами случится! Мы их обдурим! Ого, еще как!

В тот же вечер все было обсуждено и решено. Требовалось лишь согласие Трубы. Он долго думал, сопел, кряхтел, но потом сунул свой поварской колпак под диван и с отчаянием сказал:

- Пропадать так пропадать!.. Мы сейчас же отправились к командиру. Последние минуты мы провели в нашей картонной комнате, при свете коптилки, в задушевном разговоре. С нами была и Таня, разрешившая себе по такому важному случаю отлучиться на часок от раненых. Потонув в кресле, она неотрывно смотрела оттуда на Артемку испуганными глазами.

- Ты не боишься? - шепнула она.

- А ты не боялась, когда шла тогда открывать партизанам двери? - в свою очередь спросил Артемка.

- Боялась, - откровенно призналась Таня. - Даже ноги дрожали.

- А все ж таки пошла?

- Пошла, конечно.

- Ну и я пойду.

Таня вздохнула.

- Хоть бы уж скорей побиили их всех!

- Когда белых побьют, Совнарком декрет специальный издаст, - неожиданно вмешался в разговор Труба: - все театры строить только из мрамора, а антрепренерам - по шее. Я знаю.

- Верно! - поддержал Артемка.

Почему-то всем нам стало весело. Перебивая друг друга, мы заговорили все вместе, и все, даже Труба, беспричинно смеялись.

Пришел командир. Застав нас в отличном настроении, он и сам повеселел.

- Эх, - сказал он, запросто усаживаясь между нами и обнимая Артемку за плечи, - так и не удалось нам потолковать, вспомнить старое. Никогда в жизни чай не был такой вкусный, как тогда, в твоей будке.

Артемку и Трубу мы провожали за террикон. По дороге командир рассказывал о своей подпольной работе, о том, как шел он на штурм Зимнего, как встретился в Смольном с Лениным и как Владимир Ильич пожурил его, что он, раненый, пришел охранять дворец.

Мы слушали притихшие, присмиревшие. У оврага все остановились.

- Скоро в Москве откроется Съезд союзов рабочей молодежи, - сказал командир. - Надо и нам создать тут свою молодежную организацию. Вот сколько уже вас. Да какие! Гляди, и делегата пошлем на съезд. А что? Пошле-ем!

Стали прощаться. Таня поколебалась и, вскинув Артемке на плечи руки, поцеловала его.

Когда очередь пожать Артемке руку дошла до меня, он вынул из-под рубашки что-то завернутое в тряпочку и протянул мне.

- Спрячь, - сказал он тихонько, - а то как бы беляки не отобрали.

Мы расстались. Была луна, и я еще долго видел две фигуры, шагающие вдоль оврага.

Я вернулся в нашу бумажную комнату, зажег коптилку и развернул тряпочку: в ней лежали часы с искристым циферблатом, маленький бумажник из мягкой желтой кожи и золотистая парча.

Сверток я зарыл в землю, под сценой.

У БЕЛЫХ

Вот что я потом узнал.

До рассвета Артемке с Трубой удавалось избегать всяких встреч, по утрам, когда вдаль показался серый, мрачный корпус Крепточевского литейного завода, из-за куста сначала высунулась сонная физиономия, а потом заблестел погон.

- Ох!.. - тихонько вырвалось у Трубы. Но тут же лицо его приняло умильно-радостное выражение. Он истово перекрестился и с облегчением сказал: - Слава тебе, царица небесная: свои!

- Свои и есть! - подхватил Артемка. - А я что говорил?

- Ты, конечно, говорил, да все как-то сомнительно было. Ну, слава тебе, господи!..

Офицер прищурился:

- Кто такие?

- Актеры мы, господин подпоручик, - снимая кепку и кланяясь, сказал Труба. - Из Харькова в Енакиево пробирались, да под Щербиновкой на красных напоролись. Еле ноги унесли.

- Документы есть?

- Какие документы! Слава господу, душа в теле осталась. Вот только и удалось спрятать. - Труба засунул два пальца в прореху между подкладкой и верхом пиджака и вытащил вчетверо сложенный листок бумаги.

- «Подсвичення», - прочитал офицер и с любопытством спросил: - Что такое «подсвичення»?

- Удостоверение. По-украински это, господин подпоручик.

- А-а... - сказал офицер. Он покосился на кусты: - Пономарев!

Из кустов вылез казак.

- Отведи этих шерамыжников к поручику Потяжкину. Скажи, подпоручик Иголкин прислал. - Он что-то пошептал казаку и опять повернулся к Трубе: - Вы что ж, в балаганах представляете?

- Да уж, конечно, не в императорских театрах, - вздохнул Труба. - Где придется. И на улице случалось. - Он вобрал в себя воздух и загрохотал в самое ухо офицера:

Жил-был король когда-то...

- Ого!.. - сказал офицер, отшатываясь.

...Полчаса спустя Артемка и Труба уже сидели в скверике и ждали поручика Потяжкина. По скверу ходил с тетрадкой в руке тот же писарь и с отчаянием повторял: «О, ваше превосходительство, доблестный полководец, спаситель родины, пошлите меня на ратный подвиг против красных башибузуков».

- Служивый, - поманил Труба писаря пальцем, - не скажешь, где тут поручик Потяжкин обретается? Пошел казак искать и пропал.

- А он еще спит. Вчера ездил в Марьевку мужиков сечь, так поздно вернулся.

Труба побледнел:

- А он и сечет?

- А то как же! - удивился нашей неосведомленности писарь. - И марьевских посек, и тузловских, и каменных. Подождите, он и вас высечет.

- Шалишь, братец, - сказал Труба неуверенно. - Мы актеры.

Писарь безнадежно махнул рукой:

- Он и актеров сечет.

- Актер актеру рознь, - не сдавался Труба. - Таких, как ты, и я бы высек: не берись не за свое дело.

- «Не берись»! - обиженно шмыгнул писарь носом. - Кто бы это взялся за такое дело, если б не приказ! - Лицо его вдруг вытянулось. - Вон он идет. Побегу в театр - сейчас начнется.

По скверу в сопровождении казака, с папкой под мышкой, шел худой, сутулый офицер. Выражение его лица с мутно-голубыми заспанными глазами было такое, будто он принюхивался к чему-то дурно пахнущему.

Труба снял кепку и церемонно поклонился:

- Господин поручик, разрешите представиться: Матвей Труба, оперно-драматический актер. А это - Артемий Загоруйко, - сделал он широкий жест в сторону Артемки. - Прибыли в ваше распоряжение по рекомендации подпоручика Иголкина. Имели вполне приличный вид, да под Щербиновкой красные архаровцы обчистили.

- Чего-чего? - скороговоркой сказал офицер и брезгливо потянул носом воздух. - Ваш подпоручик Булавкин много на себя берет, да-с. Чтоб рекомендовать, надо разбираться в искусстве, а подпоручику Шпилькину больше по сердцу супруга здешнего аптекаря, чем Мельпомена. Так ему от меня и скажите.

- Святая истина, - подтвердил Труба. - Я тоже заметил: в искусстве подпоручик Наперстков ни бельмеса не смыслит.

- То-то вот.

Поручик сел на садовую скамейку, повернул как-то по-птичьей голову и сбоку, одним глазом, уставился на Артемкин башмак. Так он сидел, наверно, минут пять. Потом вздохнул, вынул из кармана кителя пузырек и отсыпал из него на ноготь большого пальца белого порошка.

- Да, жизнь... - шепнул он, с шумом втянул носом порошок и опять задумался. Он сидел с полуприкрытыми глазами и точно прислушивался, что у него делается внутри. - Вздор, - прошептал он опять. - Расцветают лопухи, поют птицы-петухи. - И выругался. Артемка и Труба стояли перед ним и ждали. Поручик открыл глаза. Теперь они возбужденно блестели. Да и все лицо порозовело, оживилось.

- Впрочем, подпоручик Иголкин весьма приятный человек. Большой джентльмен, да. Всегда выручит друга. Хорошо, я вас испытаю. - Он внимательно осмотрел Артемку. - Вы, Запеканкин, будете играть большевистского комиссара... Не возражайте. Я лучше знаю ваше амплуа. Мне достаточно только взглянуть на человека. А вы, Трубочистов, получите роль боевого генерала, - перевел он строгий взгляд на Трубу. - И чтоб я больше не видел на вас этих рыжих кепок. Штафирки!.. Ну-с, следуйте за мной. - Он повернулся к казаку: - А ты ступай. Скажи подпоручику Иголкину, что я его благодарю.

Поручик встал, понюхал воздух и, не оглядываясь, пошел к длинной желтой казарме, что тянулась вдоль сквера. Шел он странно: не сгибая ног. Артемка и Труба на почтительном расстоянии следовали за ним.

- Загубит он нас, - шепнул Труба, давая волю своему страху. - Видишь, тронутый. И кокаин нюхает.

Артемка упрямо сдвинул брови:

- Посмотрим, кто кого... Ты, знай, держись.

Но тут поручик оглянулся, и у Артемки похолодело в сердце: такой злой насмешкой, показалось ему, вдруг блеснули глаза офицера.

В длинной с низким потолком казарме сидели на нарах солдаты и дымили сигарками. При появлении Потяжкина они вскочили, затоптали сигарки сапогами и выстроились в одну шеренгу. Было их человек пятнадцать.

- Смирно! - скомандовал писарь и, подойдя строевым шагом к Потяжкину, отрапортовал: - Ваше благородие! Действующие лица на месте, никаких происшествий не было.

- Начинать! - приказал Потяжкин.

Стуча сапогами, все двинулись к сцене. Репетиция началась.

Что это была за пьеса, я так толком и не узнал. Труба говорил, что это была не пьеса, а какой-то бред. Однако свою роль, аккуратно переписанную

в тетрадку, он прочитал с большим вниманием, и, когда очередь выходить на сцену дошла до него, он сделал это с такой важностью, так раскатисто загрохотал своим басом, что Потяжкин, казалось, пришел в восторг.

- Каналья!.. Шельмец!.. - взвизгивал офицер, ударяя себя ладонями по бедрам. - Громыхай!

Труднее пришлось Артемке. Вся его роль состояла из набора дурацких фраз, кровожадного рычания, а под конец - трусливого вопля. Артемке было гадко кривляться, но что же ему оставалось делать!

- Прищурь глаз! Оскаливай зубы! - неистово кричал ему Потяжкин. - Стой, я придумал новые слова. Кричи: «Товарищи, вперед за восьмичасовой рабочий день, чтоб, значит, работать нам от восьми до восьми» - И, довольный собой, заливался дребезжащим смехом.

Из казармы он привел Артемку и Трубу в штаб, где их опросили, а из штаба к себе на квартиру.

- Пейте! - приказал он, разливая по стаканам коньяк. - Пейте и благодарите судьбу, что привела вас к такому режиссеру. Я из вас Щепкиных сделаю, сто собак вам зубами в пятки!

Пил и сам, а выпив, хлопал ладонью по столу и хвастливо спрашивал:

- Ну как? Хороша пьеса?

- Сверхъестественная! - мотал Труба головой, будто ему дали понюхать крепкого хрена.

- То-то вот. А Иголкин - дурак. Говорит: «Зачем сечь мужиков подряд?» Нет, сто собак им зубами в пятки, сечь, так всех! Они вредней даже рабочих. Кто разграбил мою конюшню? Мужики! Кто выгнал моего папу из родного имения? Мужики! Всех, всех, всех!.. - взвизгивал он, ударяя кулаком по воздуху.

- Мудрое решение! - «одобрял» Труба. - Никаких исключений! Это вы правильно говорите. А спектакль надо ставить поскорей, а то как бы эти архаровцы не испортили нам всю музыку.

- Что? - уставился на Трубу Потяжкин опять помутневшими глазами. - Ха!.. Я их в Припекине собственной рукой вешать буду.

И опять у Артемки защемило в сердце: сквозь пьяную муть этих глаз на мгновение будто проглянула злобная настороженность.

- Какое Припекино! - пробормотал Труба. - Под Щербиновкой они нас захватили.

- А Припекино сожгу! Дотла! - продолжал Потяжкин, не обращая внимания на слова Трубы. - В золу превращу!..

В полночь, уже сильно пьяный, он потащил Трубу и Артемку в другой конец города к полковнику Запорожцеву.

У Запорожцева, тучного человека с красным, будто обваренным, лицом и маленькими черными глазками, похожими на арбузные семечки, сидела за столом пьяная компания из офицеров и сильно накрашенных женщин. Говорили все вместе, стучали ложками по тарелке, призывая к вниманию, и никто никого не слушал. При появлении Потяжкина с двумя «штафирками» галдеж на минуту смолк.

- Гос... господа!.. - сказал Потяжкин, пошатываясь и запинаясь. - Поз... позвольте вам представить: артисты им... императорского театра оперы и балета Матвей Тру... Трубадунов и Артемий За... Зажигалкин. Здорово, каналы, из... изображают. Ма... Матвей, ну-ка, рявкни!..

И до утра Артемка с Трубой пели, декламировали и даже изображали умирающих лебедей.

Утром я уже был в Крепточевке. В условленном месте - на базаре, у задней стены казармы, - поставил свой лоток с махоркой и принялся торговать. Время шло, махорки оставалось уже на самом доньшке, а Артемка не появлялся. Меня все больше охватывала тревога. Какие только мысли не приходили в голову! И вот, когда я сметал со дна лотка последние крошки, сзади кто-то тронул меня за рукав. Я обернулся. Передо мной стоял Артемка. Лицо его было бледное, помятое, глаза красные, воспаленные.

- Ох, - сказал он, - голова разламывается. Всю ночь, проклятые, поили.

Он нагнулся к лотку и зашептал:

- Здесь дознались, что наши в Припекине. Готовятся наступать с двух сторон... Ждут какую-то часть.

- Когда? Когда наступать? - заволновался я.

- Еще точно не знаю. А у нас что? - Артемка выпрямился и принялся рыться в карманах. - Сбавь бумажку! - сказал он громко.

- Не хочешь, не бери, - так же громко ответил я, а шепотом добавил: - Завтра командир собирает молодежь. Будем выбирать председателя.

- Эх, а я тут! - забыв о конспирации, воскликнул Артемка. Но спохватился и зашептал: - Ты и мой голос засчитай, слышишь? За Таню.

Я спрятал деньги и поспешил домой.

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ

Пешком я шел не больше семи верст. Меня так и подмывало броситься бежать, но я сдерживал себя, чтоб не вызвать подозрения. Побежал только тогда, когда с пригорка увидел в ложбине две хаты, окруженные высокими тополями. Это был хутор Сигиды, в котором хозяйничал брат одного из наших партизан. Заметив меня, он тотчас пошел в сарай, вывел оттуда двух взнузданных лошадей и тихонько свистнул. Из кукурузы вылез Ванюшка. Запыленный, в синей выцветшей рубашке, без пояса, босой, он походил на деревенского парня. Мы переглянулись, вскочили на лошадей и помчались по жнивью напрямик к Припекину.

- Видел? - крикнул Ванюшка на скаку.

- Видел, - ответил я.

- Живы?

- Живы.

- Действуют?

- Ого!..

Командира мы нашли в амбаре. Там уже шло собрание молодежи. За столом, покрытым кумачом, стояла Таня. Вид у нее был торжественный и насмерть перепуганный: шутка ли, председательствовать впервые в жизни!

Я подошел к командиру, силясь казаться спокойным. Видно, удавалось мне это плохо: командир взглянул, и в глазах его появилось то жесткое выражение, с каким он обыкновенно выслушивал неприятные вести.

Мы вышли на улицу.

- Ну? - коротко спросил командир.

И пока я докладывал, он сердито сдвигал брови.

- Вот как! С двух сторон! - со злой усмешкой проговорил он. - Ну, это еще как удастся.

- Вот именно, - поддакнул я, сам удивляясь, куда вдруг исчезла моя тревога.

- А как он выглядит, Артемка? Бодро?

- Ничего, - затрудняясь ответить точно, сказал я. - Серьезный он был какой-то. - И, вспомнив, добавил: - Он просил засчитать его голос за Таню.

- За Таню? - Командир подумал. - Да, она девушка достойная. Пока ее выбрали председателем собрания, а там и председателем союза выберем. Ну, пойдем. Кончится собрание, приходи ко мне. И Таню прихвати.

Мы вернулись в амбар. Вдрагивающим от волнения голосом Таня

читала заявления, а собрание поднимало руки и дружно голосовало.

Заявления были самые разнообразные:

«Я, Петр Кучеренко, буду жить и бороться, как учит товарищ Ленин, чтоб никогда больше не вернулись на наши трудовые шахты прежние хозяева-тунеядцы».

«Я, Денис Васильевич Шило, восемнадцати лет, из откатчиков, вступаю в союз рабочей молодежи и обещаю дойти с товарищами до самого коммунизма».

«Нет у меня ни отца, ни матери, из сиротского дома я. Пусть же отцом моим будет товарищ Ленин, матерью - партия, а братьями и сестрами, - вы, дорогие товарищи. Семен Безродный, а за него, неграмотного, расписался Иван Брындин».

Не всех сразу принимали. Иного сначала отругивали, что не чистит винтовку или курит в дозоре. Досталось и Ванюшке Брындину. Ему даже поставили условие: чтоб перестал ругаться по всякому поводу.

Когда с заявлениями было покончено, командир сказал:

- А как насчет Артема Загоруйко? Он сейчас выполняет важное задание.

- Принять заглазно! - ответило собрание. Командир лукаво улыбнулся:

- А я думал, может, возражать кто будет, так на этот случай приготовился рассказать, как Артемка от тюрьмы меня однажды спас.

- Ой, Дмитрий Дмитриевич, - хлопнула Таня в ладоши и даже порозовела вся, - расскажите! Это так интересно!

- Расскажите!.. Расскажите!.. - поддержали ее ребята.

- Ну, если народ требует, расскажу.

Конечно, это была известная уже мне история, как Артемка спрятал нелегальные книги, только командир воспользовался случаем и заодно рассказал, как боролась партия с царизмом и как повела она за собой трудовой народ.

ВАЖНОЕ ЗАДАНИЕ

После собрания командир пошел на квартиру. Пока он советовался там с партийцами, мы с Таней сидели под окнами на скамье и разговаривали.

- Ты ж не забудь сказать Артемке, - в третий раз напоминала Таня, - что я его билет раньше всех подпишу.

- Не забуду.

- А что он больше всего любит, ты не знаешь?

- Театр он здорово любит.

- Это само собой. А покушать что он любит?

- Покушать? А кто его знает!

- Как же ты не знаешь? А еще вместе росли.

- В детстве он воблу сушеную любил со свежими огурцами.

- Вобла что! Я ему пирог с яблоками испеку.

Я почему-то рассердился и сказал, что Таня, как председатель нашего союза, должна теперь думать не о пироге с яблоками, хотя бы и для Артемки, а о союзе я вообще о более серьезных вещах.

Тут Дукачев высунулся в окно и позвал нас к командиру.

Комната, которую занимал командир с Дукачевым, была раньше кабинетом управляющего рудником. Стены ее оклеены такими обоями, что сразу и не разберешь, бумага то или бронза. На стенах висели какие то дипломы и патенты, разрисованные золотыми гербами и медалями, а на одной стене даже сохранилось темное овальное пятно - след от царского портрета. Но командиру с Дукачевым все это было безразлично, и они прикрепили какие-то свои карты прямо на патенты и дипломы.

- Таня, - сказал командир, когда мы сели перед ним на скамейку и для приличия положили себе на колени руки ладонями книзу, - теперь ты руководитель всего нашего союза социалистической молодежи. У тебя очень важные обязанности. Слушай и ты, Костя. Жалко, Артемки нет, но с ним мы поговорим отдельно. Прежде всего вы должны... - Командир встал и прошелся по комнате. - Да, - сказал он самому себе и опять обратился к нам: - Прежде всего вы должны учесть всех неграмотных своих товарищей и за короткое время научить их писать и читать.

- Что? - невольно вырвалось у нас с Таней: мы никак не предполагали, что в такое время можно было бы сесть за букварь.

- А вы что думали? - строго сказал Дукачев. - Вот, к примеру, в шести верстах от Крепточевки горы штыба навалены. Ветер носит черные тучи

угольной пыли, забивает глаза, засыпает поля. Мы из этой пыли электричество сделаем, всем шахтерам ток дадим, пошлем свет за сотню верст отсюда. А как же ваш Семен Безродный построит электрическую станцию, если он неграмотный?

- Правильно, - сказал командир. - Мы идем на смертный бой, идем за этот свет, за свет над всей нашей жизнью. И вот вторая наша задача - добиться, чтоб это понимала вся наша молодежь, в том числе и Семен Безродный. Буква «а», которую он впервые выведет в своей тетрадке, будет и первым его шагом к социализму...

Мы еще долго говорили о задачах нашего только что сколоченного союза, так долго, что я даже стал опасаться, не забыл ли командир, о чем я ему сегодня докладывал. Нет, не забыл.

- А теперь о самом неотложном, - сказал он под конец. - Вы отправитесь на хутор Сигиды с особым заданием.

- И я? - обрадовалась Таня.

- И ты, если на то будет твоя добрая воля. Дело это рискованное, опасное. Принуждать я тебя не стану.

- Дмитрий Дмитриевич!.. - Таня с упреком глянула на командира. - Что вы говорите! Принуждать!.. Да я... Эх!..

Глаза ее наполнились слезами.

Командир взял ее за руки.

- Так вот, - продолжал он, - с вами еще отправятся товарищ Дукачев и Ванюшка. Поедете вы в бричке. Ванюшка - за кучера, Дукачев - за лавочника, а вы - за его детей. На хуторе товарищ Дукачев останется. Костя пойдет с лотком в Крепточевку, а ты, Таня, в Липовку.

- В Липовку? К дяде Ивану? - воскликнула Таня.

- Да, к твоему дяде Ивану. Нам надо связаться с его отрядом.

- Я найду, - твердо сказала Таня.

- Найди и приведи дядю на хутор Сигиды, к товарищу Дукачеву. Приведешь раздавим крепточевских бандитов, не приведешь - как бы не раздавили они нас.

- Господи, - сказала Таня бледная, - да как же это можно, чтоб не привела!

В амбар я и Таня вернулись с листом глянцевитой красной бумаги, подаренной нам командиром. Из этой бумаги мы сделали двенадцать крошечных книжечек, а Сережа Потоцкий великолепными буквами написал на них двенадцать имен и фамилий. Свою книжечку, с давно уже поблекшими Сережиными буквами и Таниной почти детской подписью, я храню и до сих пор.

Расставаясь в тот день с Таней, я спросил:

- А ты в Липовке и Джима увидишь?

- Может, и увижу. А что?

- Если увидишь, спроси, не встречался ли он когда-нибудь с негром Чемберсом Пепсом, цирковым борцом.

- Спрошу, - сказала Таня. - А зачем тебе?

- Так, - уклончиво ответил я, - на всякий случай.

Таня удивленно посмотрела на меня, но расспрашивать не стала, только несколько раз повторила:

- Чемберсом Пепсом, Чемберсом Пепсом...

АРТЕМКА ПРИОБРЕТАЕТ ЦИЛИНДР

Что за жалкий рынок в Крепточевке! Десяток грязных рундуков, на которые свалена всякая чепуха: рваные башмаки, керосиновая лампа с надтреснутым стеклом, дырявые кастрюли, зажигалки, грубо сделанные из медных стреляных гильз. Тут же кусочки мыла, старого сала для борща, запыленного сахара...

Я распродал всю свою махорку, а Артемка не показывался. Какой-то рыжеусый ротмистр остановился и уперся в меня красными глазами.

«Выследили!» - обожгла меня мысль. - Значит, и Артемка с Трубой попались».

- Много наторговал? - неожиданно спросил ротмистр. - Ну-ка, покажи.

Я выложил на стойку целый ворох бумажек всех мастей и правительств. Ротмистр сгреб их, рассовал по карманам и пошел, икая и пошатываясь. А я стоял и чуть не с умилением смотрел ему вслед: это был обыкновенный белогвардейский пропойца и грабитель, и ничего он обо мне не знал.

Однако где ж все-таки Артемка? Потеряв терпение, я обошел вокруг казармы и заглянул в скверик. И сразу увидел того, кого искал. Артемка стоял на дорожке, перед скамьей, на которой несколько дней тому назад разговаривал я с писарем. Теперь на этой скамье сидела какая-то странная фигура: тощая, с уныло спущенным носом, с серыми бакенами, в сюртуке травянистого цвета и такого же цвета цилиндре. Я подошел ближе и стал за кустом сирени. Безнадежным тоном человек говорил:

- Странно вы рассуждаете, молодой человек. Вернется государь, потребует всех нас к исполнению своих обязанностей, - в чем же я, миль пардон, явлюсь в департамент?

Артемка махнул рукой:

- К тому времени ваш цилиндр мыши сгрызут.

Фигура подняла на Артемку выцветшие голубые глаза, пожевала синими губами и уныло сказала:

- Да, кажется, вопрос затягивается.

- Затягивается! - согласился Артемка. - А кушать-то ведь надо. Я вам хорошо даю, ей-богу. Фунт сахару, буханку хлеба и целую коробку сигар, - кто вам больше даст за такое барахло!

- Миль пардон, - обиделась фигура. - Цилиндр - от Бурдэ, лучшей парижской фирмы. Впрочем... Сигары гаванские?

- Гаванские, - важно сказал Артемка.

- Да, конечно, все это весьма соблазнительно. - Фигура вздохнула. - Странно, почему мне не отвечают их превосходительства генерал Деникин и генерал Краснов? Я им послал детальную докладную записку относительно некоторых административно-хозяйственных мероприятий... насчет самоуправства мужиков и разных там мер пресечения. - Фигура опять пожевала губами. - Н-да... Никакого ответа... Весьма странно... Им, конечно, хорошо там, в разных атаманских дворцах, а каково мне в этой, миль пардон, дыре! Вот Василий Варламович... Вы его знали? Василия Варламовича Шуммера? Тоже действительный статский, нас в одном году представили... Н-да... Так вот, он устроился при генерале Краснове. А я застрял. И жена моя... Вы ее знали? Любовь Степановну?.. Тоже устроилась. В Париж укатила. И, представьте, все мои драгоценности того... с собой захватила. Впрочем, что ж, она на двадцать восемь лет моложе меня.

- Слушай, дед, - крикнул Артемка, видимо, потеряв терпение, - говори толком: меняешь шляпу?

- Миль пардон, - заморгала фигура глазами, - это я - дед? Впрочем, гм... Вы ничего не прибавите больше? Денег бы немножко, а? Тысяч двести, а?

- Нету у меня денег, - нахмурился Артемка. - Будешь торговаться, куда раздумаю.

- Ну что поделаешь: давайте, - вздохнула фигура. - Только чтоб сигары были действительно гаванские, а то знаете, какое теперь время. Все, миль пардон, обжуливают. Вот, например, жена... Вы ее знали? Любовь Степановну?.. Говорила: едем вместе. А сама - фюить!.. Забрала фамильные драгоценности, банковскую книжку - и...

Но Артемка уже его не слушал: он быстро бежал к казарме.

- Н-да... - уехала, - продолжала бормотать фигура. - Все стали жульничать... Собственно, Деникин, если правду сказать, тоже, миль пардон, жулик, но это - строго между нами.

Скоро Артемка вернулся.

- На, - положил он на скамью буханку хлеба и два свертка, - забирай, а цилиндр давай сюда. - И без церемоний он снял с фигуры шляпу, обнажив гладкий, как бильярдный шар, череп.

- Артемка... - позвал я его тихонько. Он оглянулся, разглядел меня сквозь поредевшие уже ветки сирени и кивнул головой.

- Саперная, пять, - шепнул он мне. - Иди туда...

Мы сошлись у глиняной избы на окраине города. Перелезли через

плетень и оказались в садике с беседкой.

- Вот, - сказал Артемка, входя в беседку, - теперь можно говорить сколько угодно. Хозяин - старый рабочий, не выдаст. Да он и не бывает днем дома. Здесь и будем всегда встречаться.

- Как же ты с ним познакомился?

- Я зашел будто воды напиться. Вижу, сидит и шилом сапоги колет, прорехи зашивает. Взял я у него из рук эти сапоги да в два счета и залатал. Сразу в доверие вошел.

- Артемка, - с упреком сказал я, - уж я ждал тебя, ждал...

- Да все из-за этого деда. Хвастает, будто первым человеком в каком-то департаменте был, а торгуется, как цыган. Целый час с ним провозился.

- Да зачем она тебе нужна, шляпа такая! Это ж не шляпа, это ведро.

- Ведро!.. Это настоящий цилиндр. То-то Труба обрадуется! Вот будет Гордей Торцов!

- Ты все о том же. А тут такая обстановка получается...

- Я про обстановку не забываю. Обстановка у меня на первом месте. Вот, слушай. - Артемка выглянул из беседки и, хотя никого не заметил, перешел на шепот. - Вчера прискакал поручик с денщиком от полковника Волкова. Фамилия поручика Змеенышев. Прямо как влипла ему эта фамилия: голова у него маленькая, шея длинная, а глаза гадючьи. Вечером опять кутили у полковника Запорожцева. Уж этого Змеенышева поили, поили и коньяком, и шампанским, и чистым спиртом, а он ни в одном глазу. Только под конец опьянел и стал хвастаться. «Наша, говорит, - часть из одних офицеров, у нас нет этих вонючих солдат, как у вас. Мы, если хотите знать, и одни можем ваших припекинских на корм воронам раскрошить». Сколько их, этих офицеров, я так и не узнал. Узнал только, что остановились они в Прокофьевке, сорок верст отсюда, а в субботу к вечеру будут тут... Уж и конюшни готовят и квартиры.

- Еще что? - волнуясь, спросил я.

- Еще - вот. - Артемка нагнулся, снял с ноги башмак и, поковыряв в нем пальцем, вытащил в несколько раз сложенный лист синей бумаги. - Черт его знает, что оно такое. Труба в штабе со стола стянул. Он думает, что это план всей Крепточевки: с орудием, с пулеметами... Возьми, командир разберется.

- Артемка, - обрадовался я, - если только это план...

- Ну-ну, - усмехнулся Артемка, видимо, и сам довольный, - может, это и не такая уж важная штука.

- Важная, важная! - уверял я. - Ну, а как ты тут? Как Труба?

Губы у Артемки покривились:

- Этот проклятый Потяжкин... Прямо в душу плюет, подлец. Днем изводит на репетиции, ночью на попойках. Труба - тот легче переносит, даже, я замечаю, доволен, что в коньяке хоть купайся, а я не знаю, как и выдержу. Хоть бы конец уж скорей!

И Артемка рассказал, что ему приходится переживать.

До двенадцати часов Потяжкин спит после ночных пооек, а с двенадцати «сочиняет» на репетициях. «Запеканкин! - кричит он Артемке. - Скорей на сцену. Я придумал новый вариант. Прищурь глаз! Оскаливай зубы! Кричи!»

- И знаешь, - еще тише зашептал Артемка, озираясь, - по-моему, он замечает, что мне это противно. Да, замечает и нарочно придумывает всякую чепуху - может, чтоб помучить меня, а может, с расчетом, что я не выдержу и выдам себя.

- Так ты думаешь, он подозревает вас? - ужаснулся я.

- Наверно, - сумрачно сказал Артемка. - Я только Трубе не говорю, а то как бы он не смылся отсюда раньше времени. Вчера за мной какой-то тип ходил. Я оглянусь - он остановится и разглядывает небо. Больно ему там интересно! Или под ноги себе смотрит, будто потерял что.

- Так вас же могут в любой момент схватить!

Артемка минутку помолчал соображая.

- Я думаю, Потяжкин до спектакля нас не тронет. Ему интересно показать свою пьесу, а, кроме нас, тут никто играть не умеет. Главное ж, он хочет выследить, на кого мы работаем. Ты сообрази: ну, арестует он нас, ну, начнет пытаться, а мы, может, упрямся и ничего не скажем. Нет, это ему неинтересно. Я и беседку эту облюбовал, чтоб нам не попасться. Ты больше нигде не ищи меня, только сюда приходи. Делай вид, будто яблоки красть приходишь.

Мне хотелось чем-нибудь порадовать своего друга, и я рассказал о первом собрании молодежи.

- Счастливые! - позавидовал он. - Ну, ничего, может, я опять буду с вами. Значит, Таню избрали?

- Таню. Она просила тебе передать, что твой билет подписала первым. И номер на билете поставила первый.

Артемка недовольно нахмурился:

- Вот уж это неправильно. Если кому ставить первый номер, так самой Тане Или тебе.

- Кроме того, она пирог для тебя испечет, - лукаво прищурился я. - С яблоками, не какой-нибудь.

- Да ты все врешь! - смутился Артемка.

- И платочек обещала вышить, - уж действительно соврал я.

- А я вот дам тебе под жабры, тогда узнаешь, как смеяться.

Он глянул в сторону и задумчиво сказал:

- А может, и вправду не надо смеяться?

Мне стало стыдно:

- Артемка, я ведь только про платочек соврал, а то все правда.

Надо было спешить, и мы расстались, притихшие и немного грустные.

ПАРОЛЬ

Я, конечно, понимал, что значила для нас бумага, переданная мне Артемкой. Из предосторожности я возвращался такими окольными путями, так долго лежал в камышах или прятался в заросших орешником балках, что попал на хутор только к ночи. Оказалось, что здесь уже побывал дядя Иван, а Таня ушла в Припекино. И потом получалось все время так, что, когда я возвращался, Таня шла в Липовку, а когда она возвращалась, я шел в Крепточевку. Встретились мы лишь в день, когда разыгрались все главные события.

На этот раз мы в Крепточевку шли вместе. Я, как всегда, нес лоток с махоркой, в руках же у Тани было по ведру с нежными осенними розами: у каждого свой товар.

К ночи весь наш отряд должен был сосредоточиться на хуторе. Было решено, что впереди, под командой Ванюшки, двинется небольшой разъезд, переодетый в казачью форму. Он снимет все неприятельские дозоры. К тому времени к южной стороне города подойдет отряд дяди Ивана и расположится в камышах. Оба отряда войдут в город по возможности без выстрела. Чтоб облегчить эту задачу, Артемка узнает пароль.

Шли мы то полем, то лесом. Начиналась осень, сквозь поредевшую листву свободно просвечивало блеклое небо. Но утро выдалось солнечное, теплое, ласковое, под ногами шуршали желтые листья, и нам совсем не хотелось думать, каких жертв может потребовать сегодняшняя ночь.

Соловей кукушку
Долбанул в макушку... -

затягивал я, отбивая такт кулаком по лотку.

Не плачь, кукушка,
Заживет макушка, -

тоненько подхватывала Таня.

- Да!... - вспомнил я. - Ты Джима видела?

- Видела. Он сказал, что Пепс умер, - беспечно ответила Таня и опять запела про ссору соловья с кукушкой.

Я остановился, пораженный ее словами. Пепс умер!.. Бедный Артемка! Какую горестную весть принесем мы ему!

- Что с тобой? - встревожилась Таня. - Ты его знал, да?

- Нет, я его не знал. Но Артемке он был как второй отец. Они искали друг друга много лет. Когда ж он умер?

Таня виновато заморгала:

- Я не спросила. Ведь я ничего этого не знала. Я спросила только, как ты велел: «Джим, вы когда-нибудь в жизни встречали негра Чемберса Пепса, циркового борца?» Наверно, он тоже был товарищем этому Пепсу, потому что весь так и вздрогнул.

- Как же он ответил?

- Он ответил: «Пепса больше нет, Пепс умер».

- А где, отчего - не говорил? - допытывался я.

- Нет, больше ничего не говорил.

Мы условились, что, пока Артемка выполняет такое важное задание, не будем говорить ему ни слова.

Распродав на рынке махорку и розы, мы с большой осторожностью отправились в беседку. И опять началось мучительное ожидание. На этот вечер Потяжкин назначил спектакль. Значит, Артемка должен повидаться с нами до вечера. Но время шло, солнце опустилось так низко, что освещались только верхушки тополей, а Артемки все не было. Таня, бледная от волнения, то и дело выглядывала из беседки. Я успокаивал ее как мог, говоря, что пароль назначают обыкновенно перед самым вечером, что, может быть, его еще и не назначили. Но, откровенно признаться, и сам уже потерял надежду. И вот, когда угасли последние отблески солнца и в нашу беседку повеяло холодной сыростью, в саду послышались торопливые шаги.

- Он! - шепнула Таня и стремглав выскочила из беседки.

Я бросился вслед за нею.

Нагибаясь, чтоб не задеть за ветки яблонь, к нам бежал Артемка.

- Наконец-то! - скорее выдохнула из себя, чем сказала Таня.

- Самара! - хрипло ответил ей Артемка. - Самара! - бросился он от Тани ко мне.

- Что - Самара? - оторопело спросили мы.

- Пароль. А отзыв - Саратов. - Артемка пошарил в кармане и вытащил листок бумажки. - Вот, возьми. Я выпросил у писаря контрамарку. Сам

Потяжкин подписал. Ты сбегашь к Ванюшке с паролем и как раз успеешь вернуться и посмотреть меня: я выхожу в третьем акте. Увидишь, как я им сыграю комиссара! Увидишь!..

В голосе его мне почудилась угроза, но я так был обрадован добытым паролем, что не придавал этому значения. А вот Таня, наверно, что-то почуяла.

- Артемка, - вкрадчиво сказала она, - ты теперь ничего уже не делай против них. Только несколько часов тебе остается потерпеть. Ты и так много сделал... ты столько сделал, так рисковал!.. Теперь ты думай только, как выбраться отсюда.

Он смотрел на нее и молчал.

- Правда, Артемка, - в свою очередь сказал и я, - задание вы с Трубой выполнили, больше вам тут делать нечего. Сыграйте этим дьяволам и смывайтесь.

Но он и мне ничего не ответил, только вздохнул и отвел глаза.

ПРАВДА ЖИЗНИ

Бросив в беседке лоток и ведра, мы с Таней выбрались из города, и каждый направился в свою сторону: Таня - в камыши, к дяде Ивану, а я - к ближайшему оврагу, в орешник, где меня уже поджидал Безродный.

Не стану рассказывать о всех приключениях, с какими я возвращался в Крепточевку. Если б не желтенький листочек с подписью Потяжкина, не миновать бы мне беды.

В театр я пробрался перед самым началом третьего действия. Керосиновые лампы, прибитые к стенам казармы, уже были прикручены, свет падал от рампы и освещал только первые ряды. Там сверкали погонями офицеры и обмахивались платочками нарядные женщины. Между офицерами кое-где сидели мужчины, одетые в черные фраки и похожие на воронов. Остальная часть казармы была в полумраке и заполнялась простыми казаками и солдатами.

Занавес зашевелился, вышел длинноногий сутулый офицер. В первом ряду жидко захлопали. Захлопали и солдаты.

- Бон суар, медам! - с достоинством поклонился офицер первым рядам.
- Третье действие моей пьесы разворачивается в обстановке... - Он не договорил и сердито крикнул солдатам, продолжавшим хлопать: - Отставить!

Конечно, это был Потяжкин.

- Медам, господа офицеры! - опять обратился он к первым рядам. - В третьем акте вы увидите большевистский митинг. Комиссар, роль которого исполняет актер Артемий Закарпеткин, призывает рабочих резать всем честным людям животы. Но тут доблестный генерал Забубенный, роль которого исполняет, как вы уже знаете, артист Тру... Трубодеров, налетает со своими бравыми казаками и крошит всех в капусту. Щадя нервы наших прекрасных дам, считаю долгом предупредить, что на сцене будет литься не настоящая кровь, а клюквенный сок.

Он поклонился, брезгливо потянул носом воздух и пошел за занавес, бормоча:

- Кушайте, кадеты, карамель-конфеты.

«Бедный Артемка! - думал я. - Каково ему будет кривляться перед этой сворой!»

Занавес, сшитый из серой мешковины, с треском раздвинулся и открыл сцену с закопченной фабричной трубой посредине. Из-за кулис

послышался громкий шепот:

«Марш!» - и на сцену повалили «рабочие» в ватниках, сапогах, черных картузах, из-под которых высывались чубы. Никогда в жизни я таких рабочих не видел. Окружив фабричную трубу, они начали размахивать кулаками и неистово ругаться. Но вдруг замолкли и уставились на правую кулису. И тут из-за кулисы появился «комиссар». Был он в кожаной фуражке, кожаной тужурке, кожаных галифе, кожаных сапогах - весь кожаный. Брови - толстые, как усы, а усы, наоборот, тонкие, как брови, рот перекошен, правый глаз прищурен, одно плечо выше другого.

«Комиссар» поднялся на кончики носков и пронзительно закричал, делая сильное ударение на последнем слого:

- Товарищи-и-и!..

По казарме прокатился хохот, похожий на лошадиное ржание.

Я слушал, какую невообразимую дичь выкрикивал Артемка, и мне было больно и гадко. От злости я весь дрожал, и сами собой сжимались кулаки. «Посмотрим, думал я, - посмотрим, как вы заржете сегодня в полночь!»

И вдруг услышал такие знакомые интонации, что весь напрягся. Да ведь это голос моего командира! Та же в нем страстность, та же задушевность, та же суровость...

Я смотрел во все глаза на сцену и не замечал больше ни кожаного костюма, ни безобразных усов и бровей, а видел только горящие глаза, устремленные поверх первых рядов на солдатскую массу.

- За какую же святую Русь гонят генералы трудовых казаков на братоубийственную войну? Кто сидел у нас попеременно с нашими хозяевами на всех заводах и рудниках? Англичане, французы, немцы. Кто больше всех кричал: «Самостийная Украина»? Виниченко с Петлюрой. А кто привел на Украину немцев? Виниченко с Петлюрой. Они позовут сюда и французов, и англичан, и американцев - кого хочешь, - только бы опять загнать нас в кабалу и запродать Россию...

Я стоял у входа и видел только затылки тех, кто сидел в первых рядах. Но и по этим вдруг окаменевшим затылкам было видно, что слова Артемки прямо-таки ошарашили всех. Я взглянул на солдат: шумно дыша, они неотрывно смотрели на большевистского комиссара. На лицах было тяжелое недоумение.

Кто-то шепотом сказал:

- Вот шпарит!..

Артемка все больше входил в роль, подсказанную ему великой правдой жизни.

А Артемка, все более входя в роль, подсказанную ему великой правдой жизни, протянул руку вперед и с гневом спрашивал:

- Кто они, эти торговцы русским народом, эти кровососы? Они

обливают себя духами, но души их вонючи, как клопы!..

- Что он говорит! Что он говорит! - взревел вдруг полковник с красным лицом и так вскочил с кресла, будто его ошпарили кипятком.

И тут в первых рядах все ожило, задвигалось, заорало, завизжало.

Из-за кулис выскочил Потяжкин и со сжатыми кулаками, с перекошенным лицом воззрился на Артемку.

- Ага, прорвалось... - зловеще процедил он. - Попался, миляга!

Быстрым движением руки Артемка сорвал усы и брови, стащил с головы парик и бросил все это в лицо Подтяжкину:

- На, сволочь! Тебе это больше к лицу!

- Ох! - хором отозвалась казарма.

Мгновение - и все, кто сидел в первых рядах, оказались на сцене.

Я видел, как рухнул Артемка под ударами десятка кулаков, как его, распростертого на полу, топтали сапогами, били ножнами шашек. Какая-то барыня с обнаженными круглыми плечами, тыча Артемку носком лаковой туфли в бок, истерично взвизгивала.

- И я!.. И я... И я!..

- Стойте! - вопил Потяжкин, расталкивая толпу. - Оставьте его мне живым для допроса!.. Оставьте его живым для допроса!..

Но никто на него не обращал внимания. Дюжий казак подбежал к рампе, протянул руки и, бледный, с прыгающими губами, стал молить:

- Господа офицеры, ваши благородия, не надо бы!.. Ой, господи, за что ж вы его так...

- Что-о? - повернулся к нему полковник с багровым лицом. - Защищать?.. Защищать красных агентов?..

И, размахнувшись, ударил казака кулаком в лицо. Тот дернулся головой и закрыл лицо руками.

- По швам!.. Руки по швам!.. - багровея еще больше, взревел полковник. - Как стоишь, мерзавец, как стоишь?!

Солдатская гуца заколыхалась, послышались возгласы:

- За что бьете, ваше высококородие?..

- Мало им хлопца, так они и нашего брата по зубам!..

Потяжкин изогнулся, как для прыжка, и каким-то новым, лающим голосом закричал:

- Бунтовать?.. Бунтовать, ракалии?..

Возгласы тотчас умолкли, но лица солдат были угрюмые, злые.

Белогвардейцы, оторвавшись на минуту от Артемки, опять бросились к нему.

«Убьют!» - подумал я с ужасом и, сорвав со стены лампу, грохнул ею

об нары.

Брызги стекла и керосина обдали людей, огонь вспыхнул и сразу охватил все нары.

- Пожа-ар!.. - закричал я не своим голосом.

- Пожа-ар!.. - заорали десятки глоток.

Началась невообразимая паника. Орава, отхлынув от Артемки, бросилась к дверям.

- Пожа-ар!.. Пожа-ар!.. - с безумной радостью кричал я, сбрасывая со стен одну лампу за другой.

Но тут Потяжкин вцепился в мою рубашку, а багровый полковник схватил меня за горло. Казарма перевернулась вниз потолком, и все исчезло...

ВСЮ ЖИЗНЬ - НАШЕМУ ДЕЛУ

Очнулся я оттого, что кто-то дул мне в лицо. Было темно, как в погребу. Я тихо спросил:

- Кто тут?

- Я.

Голос был Артемкин.

- Ты жив?

- Жив, - сказал Артемка.

- Я тоже жив. Где мы?

- Не знаю. Кажется, в подвале. Ты слышишь, что делается наверху?

- Нет, - сказал я. - У меня гудит в голове.

- А ты прислушайся.

Я приподнялся и стал слушать:

- Кажется, стреляют.

- Стреляют, - сказал Артемка. - Это наши.

- Тебе больно? - спросил я.

- Больно. У меня, наверно, ребро сломано. А тебе?

- Мне нет. Только в голове гудит. И что-то теплое льется у меня из глаз.

Кажется, я плачу.

- А ты не плачь. Нас спасут.

- Я не потому. Мне очень хорошо, оттого я и плачу. Я горжусь, что ты мой друг. Ты герой, Артемка.

- Какой там герой! - вздохнул он. - Просто вспомнил, как однажды Пепс вот так же в цирке заговорил, и тоже вот...

- А ты видел, как полковник ударил казака?

- Видел, только не понял за что.

- Он хотел заступиться за тебя.

- Правда? - встрепенулся Артемка.

- Да и другие солдаты... Ох, и кричал же на них Потяжкин!

- Ну, так они теперь и воевать ему будут! - сказал Артемка с довольным смешком.

Но я все еще не мог унять слез. Они лились и лились у меня по щекам.

- Артемка, давай пообещаем, что всю жизнь посвятим нашему делу, - сказал я, уже не сдерживая себя.

- Да мы ж ее уже посвятили, - просто ответил Артемка.

ОШАЛЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

В то время когда мы с Артемкой сидели под замком в подвале, Ванюшка с пятью ребятами, переодетые в казачью форму, все ближе подбирались к городу. Встречая по пути дозорные посты, они называли пароль, подъезжали вплотную и без выстрела снимали часовых. За этим маленьким разъездом бесшумно двигался весь наш отряд.

Когда до окраины города оставалось версты три, Ванюшка вдруг услышал впереди топот чьих-то ног. «Казачи» придержали коней и стали по обе стороны дороги. К ним быстро приближался человек, казавшийся в темноте непомерно длинным. Человек не мог не видеть впереди себя всадников, но бег не замедлил наоборот, припустился еще быстрее.

- Сама-ара-а! - страшным басом прокричал человек, явно намереваясь промчатся мимо всадников.

«Эге! - подумал Ванюшка. - Раз знает пароль, значит, белый». И, поставив коня поперек дороги, крикнул:

- Стой!

В ответ длинный выругался:

- Вот я тебя, мерзавец, посажу на гауптвахту, так ты научишься обращению!

Ванюшка взмахнул плетью и огрел его. Длинный шлепнулся в пыль, перевернулся и выругался еще крепче. Спешившиеся всадники схватили его за руки.

- Братцы! - изумленно сказал Семен Безродный. - Генерал!

- Чего врешь! - строго прикрикнул на него Ванюшка. - Будут тебе генералы по ночам пешком бегать.

- А я говорю, генерал! - не унимался Безродный. - Я, брат, ночью лучше кошки вижу. Вот они, аполеты. И лается, как генерал.

Ванюшка вытащил из голенища электрический фонарик и осветил им. В туманно-голубоватом снопе света заискрился пышный генеральский эполет.

- Что за черт! - сказал Ванюшка. - И впрямь генерал. Чего ж он шпарит по степи?

- Самосшедший, - предположил кто-то.

- Канальи!.. Ракалии!.. Я вас, курицыных детей! - опять закричал длинный. - Отвечайте немедленно: какой части?

- Да, - сказал задумчиво Ванюшка, - ругается он соответственно...

Только голос, товарищи, больно знакомый. Где я слышал этот голос?

- На голос нашего Трубы походит, только позлее будет, - заметил Безродный.

«Генерал» ахнул:

- Да кто ж вы такие? Ванюшка, неужто это ты?

- Я, - сказал Ванюшка. - А это ты, Труба?

- Ох, я!.. А то кто ж! Ну, а вы чего ж такие? Вроде казаков стали. Или к белым перекинулись?

- А ты чего такой? Или до генерала у них дослужился?

- Ой, да я ж прямо со сцены... Недоразумение быстро выяснилось.

- Братцы, голубчики! - заторопил Труба, чуть не плача. - Скачите к командиру, спасайте Артемку с Костей! В подвал их сволокли. А живы, нет ли не знаю.

- В подвал? А где он, этот подвал? - глухо спросил Ванюшка.

- Да там же, под самым ихним штабом.

Ванюшка озорно вскинул голову:

- А что, братцы, нагрянем на этот подвал? Форма у нас подходящая, пароль знаем...

И, наверно, помчались бы молодые партизаны к нам на выручку, не спросясь командира, помчались бы и загубили бы все дело, весь план и сотню наших людей, если б не вмешался самый старший из них, фронтовик германской войны Петр Кучеренко:

- Это как же так? Нам поручили дорогу для главных сил прочистить без выстрела, а ты хочешь всю вражью силу на ноги поставить?

Ванюшка поскреб в затылке:

- Ну, так сажай же «генерала» к себе за спину и скачи к командиру. - Он тронул поводья, но тут же повернул коня назад и, наклонившись к Трубе, смущенно сказал: - Я того... извиняюсь. В другой раз, если случай выдастся, огреешь меня.

ЧЕРНЫЙ ВЕЛИКАН

Нас освободили, когда в городе еще шел бой. Первыми в подвал ворвались Ванюшка, Труба и Таня.

Когда Ванюшка осветил нас своим фонариком и Труба увидел Артемку в страшных кровоподтеках, он схватил его руки, уткнул в них свое лицо и громко, надрывно зарыдал. Артемка, стиснув зубы, поднялся на колени, но силы оставили его, и, уронив голову на грудь, он медленно стал валиться на землю.

И тут я понял, что, поддерживая все время со мной в темноте разговор, он делал это сверх сил, ради меня, чтобы не дать мне упасть духом.

Над Артемкой склонилась Таня, а мы трое, полные ярости, бросились наверх. Я оторвал от пояса Ванюшки гранату и сунул ее к себе в карман.

Наверху нас ждал тот самый казак, которого полковник ударил по лицу.

- Товарищи, - сказал он хрипло, - я с вами...

Казарма еще пылала, освещая все вокруг трепещущим багровым светом.

Мы хотели бежать в проулок, откуда доносились выстрелы и крики, но в это время из окна белогвардейского штаба выпрыгнул какой-то человек, одетый в серый пиджак и полосатые штаны. Он оглянулся, втянул голову в плечи и побежал вдоль забора.

- Потяжкин! - крикнул я, узнав в штатском человеке по его сутулой спине и несгибающимся ногам Артемкиного мучителя.

- Он самый! - подтвердил казак.

- Где? - гневно обернулся Ванюшка.

- Вон, вон... к калитке подбегает!

Пришпорив коня, Ванюшка в одну минуту оказался рядом с офицером-палачом:

- А, так ты мужиков сечь!.. Вот тебе за марьевских! Вот тебе за тузловских! Вот тебе за каменских!..

Плетка то взлетала вверх, то со свистом падала на сутулую спину.

- За Артемку! За Артемку дай ему! - яростно прогрохотал Труба.

- За Артемку! - тотчас же подхватил Ванюшка. - За Артемку!.. За Артемку!..

Потяжкин бежал что было духу и так выкидывал своими вдруг обретшими сгибаемость ногами, будто старался достать себя пятками

пониже спины.

Мы едва попевали за Ванюшкой.

Так мы обогнули казарму и оказались на базарной площади. Но то, что мы там увидели, заставило нас на мгновение застыть на месте. Около квасной будки метался огромный, с черным лицом человек и, размахивая дубиной, похожей на вывернутый из земли фонарный столб, отбивался от пятерых белогвардейцев. Те бросались на него с обнаженными шашками, стреляли, но великан удары парировал дубиной, а от пуль, как щитом, прикрывал грудь какой-то железной круглой крышкой.

Вдруг он прыгнул вперед, повернулся, поднял над головой будку и с ревом швырнул ее в белых.

И тут, будто в ответ на этот рев, рядом со мной раздался другой рев, еще более яростный и оглушительный. Это ревел Труба, выворачивая из мостовой булыжник.

Ванюшка бросил Потяжкина, пронзительно, по-разбойничьи свистнул и погнал коня на белогвардейцев.

- Джим!.. Джим!.. Держись, держись! - неистово кричал я, несясь вслед за Ванюшкой с гранатой в руке.

Двое белогвардейцев убежали, один свалился под дубиной великана, другой под шашкой Ванюшки, третьего сшиб казак.

Великан отшвырнул ногой фонарный столб, прижал руку к груди и, показывая в улыбке белые зубы, сказал:

- О, товарищи, какой большой вам спасибо!..

С руки его стекала кровь.

Я ДОГАДЫВАЮСЬ

Мы разгромили крепточевских белых раньше, чем к ним пришел на помощь полковник Волков. До тридцати солдат и простых казаков сдались нам без сопротивления, и мы их распустили по домам. Но оставаться в Крепточевке мы, конечно, не могли и поспешили вернуться в Припекино, где нам во всех отношениях было удобней. Сначала вывезли всех раненых. Я был в числе тех, кто их сопровождал.

Раскачивая крутыми рогами, быки медленно тащили арбы. Таня бегала от подводы к подводе, одному раненому давала напиток, другому подкладывала под голову сползавшую подушку. Но чаще всего ее можно было видеть рядом с дрогами, на которых сидел Артемка. С некоторых пор наша Таня стала проявлять склонность к кокетству. Поймав на себе пристальный взгляд Артемки, она «удивленно» спрашивала: «Что это ты все на меня смотришь?» Потом рассматривала себя и «наивно» говорила: «А, я знаю: тебе, наверно, понравились мои желтые штиблеты». Артемка улыбался и отрицательно качал головой. «Гм... - пожимала Таня худенькими плечами, - тогда уж я не знаю что». Она опять оглядывала себя и радостно говорила: «А, догадалась, догадалась! Тебе нравится моя синенькая блузка». Не добившись от Артемки, что же ему нравится в ней, опечаленная Таня бежала к другим больным, а вернувшись, опять принималась за свои догадки.

- Вот приедем, - мечтательно сказал ей Артемка, - и опять начнем репетиции. Прямо не пойму, что оно получается. Как заморозил кто. Не одно, так другое помешает. Ну, теперь уж доведем до самого представления. Командир сказал: «Свое ребро тебе пересажу, а спектакль поставим, хоть в лесу». Конечно, поставим. Ты ж будешь играть Любу?

Таня окинула взглядом все восемь подвод с ранеными и покачала головой:

- А кто ж с ними будет? Кто вон того, что без руки остался, с ложечки накормит? Кто им книжку прочитает, сказочку расскажет? - Таня вздохнула.
- Нет уж, видно, мне от них не отходить... Да и какая я актриса!

Прошло несколько дней. Потомившись в кровати, Артемка поднялся и побрел в театр.

Казалось, спектакль теперь состоится обязательно - если не в Припекине, против которого белогвардейцы спешно подтягивали силы, так где-нибудь в лесу. Тяжелораненых мы устроили в соседних поселках у

шахтеров, и Таня, таким образом, освободилась. Цилиндр, хоть и подгоревший на пожаре, был налицо; Артемка с каждым днем веселел и наливался здоровьем, - чего еще не хватало! Но, как видно, спектаклю и вправду сильно не повезло... Расскажу все по порядку.

С того момента, как я увидел Джима с дубиной в руках, я не переставал думать о нем. Меня очень удивляло, что он такой же сильный, каким был и Пепс. Неужели, спрашивал я себя, все негры - великаны? Дальше, почему Джим поблагодарил нас таким точно жестом (прижал руку к груди) и почти такими же словами, как когда-то благодарил Артемку за цветы Пепс? Разве все негры благодарят одинаково? И не странно ли, что Джим так скоро, хоть и с акцентом, научился говорить по-русски?

Однажды, рассуждая так, я вдруг хлопнул себя ладонью по лбу и со всех ног бросился к командиру.

Я ворвался к нему как ураган и не переводя дыхания выпалил все свои догадки. Командир слушал, то хмурясь, то улыбаясь. Он задал мне два-три вопроса и, когда я ответил, сказал:

- Да, в твоих догадках есть что-то верное. Бесспорно, Джим не тот, за кого он себя выдает. И недаром Луначарский ему письмо прислал. Танин дядя говорил, что собственными глазами видел это письмо.

- Луначарский?.. А цирки тоже в его ведении?

- Тоже.

- Дмитрий Дмитриевич, дайте мне увольнение на двое суток.

- Что же, - сказал командир, - иди. Иди, а то как бы Джим не укатил в Москву.

Через час, расспросив Таню, где и как найти ее дядю, я уже шагал по мокрому от первых осенних дождей жнивью.

КОНЕЦ НОЧИ НА ЗЕМЛЕ

Найти Таниного дядю оказалось гораздо труднее, чем я думал. После «крепточевского дела» за отрядом дяди Ивана началась форменная охота. Пришлось часть людей временно распустить по домам, а главные силы перевести в другое место и там тщательно законспирировать.

Но мне посчастливилось встретить знакомого парня из числа отпущенных дядей Иваном. Так или иначе, на вторые сутки я уже сидел в шахтерской хибарке и рассказывал дяде Ивану, зачем мне понадобился негр Джим. Дядя Иван, крупный мужчина с наивно-детским выражением круглого лица, смотрел на меня молча, не моргая и только изредка, также по-детски, вздыхал. Когда я кончил, он сказал:

- Ну, счастье твое, парень, что вовремя явился. Приди завтра, не застань бы его уже здесь.

- А что?

- Да на советскую сторону его отправляем. Очень уж заметная он тут личность.

Конечно, я хотел тотчас же отправиться к Джиму, но дядя Иван посоветовал мне запастись терпением.

Узнав, что мы организовали у себя социалистический союз рабочей молодежи и что Таня теперь наш председатель, он развел руками:

- Не пойму, в кого она уродилась такая!

- Да в вас же и уродилась, - сказал я. - А то ж в кого?

- В самом деле? - засмеялся дядя Иван. - А я и не догадался.

Ждать мне пришлось до самого вечера.

Когда сумерки сгустились, дядя Иван прикрыл плотно ставни, зажег ночничок и вышел, наказав мне никуда не отлучаться.

Я обдумал все, что намеревался сказать Джиму, когда меня отведут к нему. Прежде всего, думал я, надо ему рассказать про базарную площадь в южном приморском городе и про сапожную будку в самом центре ее. Потом как-нибудь незаметно перейти к цирку. Затем рассказать, как пьяный режиссер Самарин потерял пантомиму «Тарас Бульба» и как эту пантомиму нашел в песке на берегу моря маленький сапожник. Рассказывая, я буду следить за выражением лица великана, и если оно будет меняться...

Но тут под окном затопали чьи-то шаги, хлопнула наружная дверь, закрипели половицы, и в комнату втиснулся человек вышиной до самого потолка. Вошел, остановил на мне свои блестящие, казавшиеся на черном

лице почти белыми глаза и протянул руку:

- О, знакомый товарищ!

- Вы узнали меня? - спросил я, очень польщенный.

- О да! Бежал на белый офицер, бросал граната: бах-бах!..

И я забыл все, что собирался сказать, и сказал то, что совсем говорить не собирался:

- Товарищ Пепс, да вас же Артемка ищет! Давно уже!

Сказал и даже испугался: так изменилось вдруг лицо великана. Что отразилось на нем, на этом черном большом лице? Радость? Изумление? Или все это вместе?.. Он охнул, всплеснул руками и неожиданно тонким, чуть ли не женским голосом воскликнул:

- Артиомка?.. Чемпион на рибя?.. Дие он, дие?

- Он в нашем отряде, в отряде товарища Дмитрия. Я пришел за вами.

И тут чемпион мира, человек, разящий насмерть врага одним ударом кулака, вдруг стал похож на старую бабушку: он засуетился, заохал, зашарил руками по стене около вешалки.

- Идем, идем, - бормотал он. - Дие мой шапка? Дие мой пальто?

- Куда это? - строго спросил дядя Иван, входя в комнату.

Я стал горячо объяснять, что наш отряд имеет уже связь с Красной Армией, что Пепсу лучше всего перебраться сначала к нам, а уж мы его потом сами доставим куда следует. И вообще, надо же, чтоб Пепс встретился наконец с Артемкой.

- Да чего ты кипятишься! - сказал примирительно дядя Иван. - Я ж не против. К вам. - и к вам. Оно и лучше. Только не надо спешить. В полночь соседи повезут по поставкам сено. Вот с ними до хутора Сигиды и проедете. В сене-то оно незаметней будет, а?

Я согласился, что проехать на арбе в сене будет куда безопасней, чем шагать по степи пешком.

Хозяйка внесла в глиняной миске фаршированные баклажаны Дядя Иван, хитро подмигнув, достал из шкафчика бутылку с мутноватой жидкостью, и мы, повеселев, подсели к столу. Тут-то, за столом, наш черный товарищ и рассказал нам, как умер чемпион мира по классической борьбе знаменитый Чемберс Пепс и как родился шахтер Джим Никсон.

Горько было на душе у Пепса, когда он покидал приморский южный город. Сколько оскорблений и несправедливостей перенес он! А тут еще пропал Артемка, к которому Пепс привязался, как к родному сыну.

Приехав в Москву, Пепс сейчас же написал мальчику письмо. Но письмо, конечно, не дошло. И сколько Пепс ни писал, ответа не было. Потом Пепс поехал в Киев, из Киева - в Будапешт, а из Будапешта - в

Гамбург, на очередной «счет».

Не все знают, что такое «гамбургский счет». Время от времени борцы съезжаются в Гамбург и там при закрытых дверях борются уже по-настоящему и по-настоящему выясняют, кто кого сильнее, кто за кем идет по счету. А так, в обыкновенное время, в цирках не спорт, а блеф - бессовестный обман публики.

Ехал Пепс в Гамбург и думал, что здесь он покажет всю свою силу и ловкость, отдохнет душой. И правда, в первый же день он за восемь минут уложил норвежца Хюиста, потом так же поступил с тяжеловесом немцем Шварцем, потом приемом тур-де-бра на второй минуте припечатал к коврику своего старого соперника Клеменса Гуля. Но в самый канун дня, когда Пепс должен был встретиться с Хольстоном из Калифорнии, Пепса в коридоре цирка пырнул ножом в бедро калифорнийский арбитр Ньюкстон. Пепс хотел вырвать из рук Ньюкстона нож и нечаянно сломал арбитру кисть. И тогда Пепса схватили и отправили в тюрьму. На суде Пепс ясно доказал, что он только защищался, но разве судьи слушают черного человека! И Пепса приговорили к трем годам тюрьмы. У него и сейчас темнеет в глазах, когда он вспоминает свою камеру из железобетона и тюремный двор-колодец.

Три года томился Пепс в тюрьме и три года думал, зачем бог устроил на земле такую несправедливую жизнь. И еще он думал, что никогда больше не станет бороться. Правда, он привык к цирку, его всегда радостно возбуждала ярко освещенная арена, блестящие костюмы артистов, трескучие аплодисменты; при одном звуке циркового марша по телу у Пепса пробегала нервная дрожь. Но ложиться под Гуля или Хольстона только потому, что они белые, он не согласен. Да и публику он больше не хочет обманывать. Спорт есть спорт, а блеф - блеф.

Пепса продержали в тюрьме два лишних месяца, взяли с него за это шестьдесят марок и выпустили. Сейчас же к нему бросились антрепренеры. Один ангажировал его в Вену, другой - в Берн, третий - в Константинополь. «Нет! - сказал им всем Пепс. - Нет!» У какого-то темного дельца он купил паспорт на имя Джима Никсона из Филадельфии и уехал в Бремен. Там он разгружал пароходы, ел с портовыми рабочими за одним столом, спал с ними в одном бараке. И никто из них не сказал ему: «Блэк!» Нет, ему жали руку и говорили: «Комрад». Для тех, кто трудится, всякий цвет кожи хорош.

Так прошло несколько месяцев. И вдруг прилетела весть: в России рабочие взяли власть в свои руки. Пепс сказал: «Кончилась ночь на земле» - и двинулся на восток. Много раз его арестовывали, прежде чем перешел

он фронт. И вот он опять в России. Но теперь уж это была его Россия, страна, за которую он готов был отдать жизнь. Не в цирк потянуло здесь Пепса, а в шахту. Забойщики хлопали его по плечу и, смеясь, говорили:

«Ничего, Джим! У тебя черное лицо от мамы с папой, у нас - от угля. Ничего, Джим: пойдём к коммунизму вместе». Пепс жал им руку и, как никогда в жизни счастливый, отвечал: «Вместе! Вместе!»

И пусть теперь товарищ Иван скажет, что Пепс свое слово держал крепко: они вместе долбили уголь и вместе били врага. А что его отсылают отсюда, в этом он не виноват. Он Луначарскому ничего не писал. Может, товарищ Иван написал, а он, Пепс, никому, кроме Ивана, и не говорил даже, что когда-то боролся в цирке. Зачем ему цирк, когда он и так счастлив! Конечно, народный комиссар лучше знает, что кому делать.

Он, Пепс, понимает, что такое дисциплина, он подчиняется. Но, если правду говорить, Джиму Никсону лучше живется, чем жилось Чемберсу Пепсу. Пепс умер.

И бог с ним.

ЗАКОЛДОВАННЫЙ СПЕКТАКЛЬ

Кому хоть раз довелось проехать ночью по Донецкой степи в арбе на сене, тот, сколько б потом ни жил на свете, хоть сто лет, все будет вспоминать упругое покачивание, запах чабреца и мяты, шелест сена и бархатное небо со звездами, которые с высокого воза кажутся и ярче и ближе. Но одно дело ехать на сене, а другое - в сене. Пепса так глубоко зарыли, что ему было не до звезд. Даже дышать ему пришлось через какую-то железную трубку. Конечно, сено со всех сторон давило, кололо, царапало, но он терпеливо молчал, не двигался и только изредка чихал. Когда мы доехали наконец до хутора и там освободили бедного пленника, он так глубоко задышал, будто хотел вобрать в свои могучие легкие весь воздух.

Светало, идти было опасно, и мы остались на хуторе. Через запотелые стекла мы смотрели, как деловито долбят носами землю еще не улетевшие грачи, и томились. Чтоб скоротать время, я принялся рассказывать об Артемке. Пепс оживился, закивал головой:

- О, да, да! Артиомка очень хороший артист!

Тогда я рассказал, как правдиво Артемка сыграл у белых роль комиссара и как белые чуть не убили его за это. Пепс вскочил и забегал по комнате:

- Белый не любит правда! Белый надо в мусор бросать! Артиомка будет великий артист. Артиомка любит правда. О, то не артист, кто играет неправда, то барахле!..

Едва стемнело, мы выбрались из хутора и зашагали по черной степи. Здесь еще можно было наткнуться на белых. Мы предпочитали не рисковать и, заслышав дальний топот, ложились на землю. Топот затихал, и мы, измазанные грязью, шагали дальше, чтоб через несколько минут, заслышав в бурьяне шорох притаившегося зверька или страшный в ночной тишине крик филина, замереть на месте.

Но, когда сквозь кромешную тьму стал доноситься переливчатый лай собак и больше не оставалось сомнений, что сюда, так близко к Припекину, дозоры белых забрести не посмеют, мы схватились, как дети, за руки и побежали.

Нас остановил разъезд. Меня узнали, но со мной был неизвестный человек, к тому же такой необыкновенный, и нам дали конвоира.

В квартире командира не было ни его самого, ни Дукачева. Был только

дежурный - тот самый старый шахтер, который объяснял Артемке, что на конвертах надо писать уезд и волость. Держался он начальственно.

- Ты что же опаздываешь? - сказал он. - Там, поди, уж кончают, - но увидел Пепса и в изумлении заморгал глазами.

Я наскоро объяснил, кто такой Пепс и откуда мы явились.

- Так топайте же в театр, - сказал старик. - Там они все представление смотрят. А меня, видишь, тут оставили. Думают: как старый, так, значит, не интересуюсь. Я не обижаюсь, нехай смотрят. Артемка, может, для меня одного все сполна покажет. А что, думаешь, нет? Ого! Артемка до меня, как до...

Но мы не дослушали и поспешили в театр.

Вмещал ли когда-нибудь этот амбар столько народу, как в этот вечер! Люди всех возрастов, от поселковых мальчишек до седоусых шахтеров, как зачарованные смотрели на тускло освещенную сцену и, боясь пропустить хоть одно слово, еле дышали. А на сцене озябший и больной старик, одетый в дерюгу, говорил с упреком бородатому купцу в сюртуке и цилиндре. «За что меня гонят? Я не чисто одет, так у меня на совести чисто, я бедных не грабил, чужого веку не заедал».

Кое-как мы с Пепсом протиснулись и стали у стены. И так все были поглощены тем, что делалось на сцене, что никто даже не заметил, какой необыкновенный гость вошел в театр.

Я смотрел, слушал, и светлые мысли, как чистый родник, сами собой пробивались сквозь рой моих грустных воспоминаний. Вспомнилось мне мое безотрадное детство и то, какой ослепительный праздник принесла мне с собой «волшебная» шкатулка с прекрасной наездницей на белой лошадке. Тогда эта красивая игрушка пробудила у нас с Артемкой мечту о счастье. Мы не знали, в чем счастье. Оно представлялось нам таким же нарядным, как наша шкатулка. И неспроста Артемку так пленил в детстве цирк. Но жизнь не наряжена в голубой шелк с блестками. В ней чистое перемешалось с грязью, а высокое - с низостью. И эту правду жизни мы, двое ребят, зарабатывавшие себе кусок хлеба своими руками, скоро узнали. И не потому ли Артемка не может сказать со сцены ни одного фальшивого слова, а в живых образах и сам живет полной жизнью! Вот он, старый Любим Торцов, уличный скоморох, опустившийся до нищеты, но гордый чистотой своей души. Кто б мог сказать, что это - юнец Артемка, сапожник, беззаветный партизан!..

Так думал я, стоя вплотную к Пепсу и чувствуя, как вздрагивает его большое, упругое тело.

А Артемка все больше входил в свою роль. Став перед Гордеем

Торцовым на колени, он говорил:

- «Брат, отдай Любушку за Митю - он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уже мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба... Что Митя беден-то! - Любим окинул зрительный зал взглядом, как бы приглашая всех в свидетели, и еще проникновеннее сказал: - Эх, кабы я раньше беден был, я б человеком был».

И тут произошло то, что навсегда осталось в моем сердце: Любим вздрогнул и быстро поднялся с колен. Поднялся и как замороженный, с лицом, окаменевшим в невероятном напряжении, с устремленными в одну точку глазами, медленно-медленно двинулся к зрителям. Вот он сделал шаг, другой, третий, и, когда до края сцены осталось полшага, два крика, раздавшиеся один за другим, всколыхнули весь зал:

- Пе-епс!..

- Арти-омка!..

Любим Торцов взмахнул руками и ринулся в зал, в распахнутые объятия черного великана.

- Эх! - сказал Труба, снимая цилиндр и бороду. - Опять сорвался спектакль. Ну, как заколдовал его кто!

В МОСКВУ

Утром Пепс, Артемка и Таня сидели в картонной «комнате» и оживленно разговаривали. Я полез под сцену, откопал сверток. Увидев его в моих руках, Артемка быстро встал, вынул из тряпочки кожаный бумажник и застенчиво улыбнувшись, протянул его Пепсу:

- Это тебе. Сам сделал... Еще тогда...

- О-о! - сказал Пепс и, как всегда, когда благодарил, приложил руку к сердцу. - Какой тонкий работа! - Он пошарил в кармане, вытащил конверт и почтительно вложил его в бумажник. - Письмо товарищ народный комиссар. Надо тут класть. Хороший память.

- А это узнаешь? - вынул Артемка часы с серебристым циферблатом.

- Живой? - несказанно удивился Пепс.

Артемка подумал и нерешительно развернул парчу.

- Это - Лясе на туфли, - сказал он потупясь. - Всю жизнь ношу с собой. Потом поднял голову и твердо, будто приготовился услышать сокрушающую весть, спросил: - Пепс, где она?

- О, да, да, да! - закивал Пепс головой. - Такой красивый девочка, очень умный девочка! Она писал мне от город Астрахань... Очень добрый письмо. Она писал мне, что хочет тоже ехать Москва, что хочет учить... как это... на балет... Она спрашивал, где есть Артиомка...

- Так она... в Москве? - с волнением спросил Артемка.

- Не знаю, - сокрушенно развел Пепс руками. - Она давно писал, еще война не был.

Артемка с упреком глянул на своего друга, завернул парчу в тряпочку и решительно сунул ее под гимнастерку.

Таня сидела опустив глаза.

В «комнату» один за другим стали входить наши ребята. Окружив Пепса, они жали ему руку и уговаривали:

- Не уезжайте! Мы вас в наш союз примем. Сразу помолодеете.

Пепс добродушно улыбался. Но, когда просьбы зазвучали настойчивее, вынул бумажник, из бумажника - письмо и со значительным видом прочитал:

- «Не наживе дельцов и не обману будет служить у нас спорт, а физической культуре всех трудящихся. Оставьте же ваши колебания и езжайте в Москву».

Подошел и командир с Дукачевым.

Все двинулись в зрительный зал, накрыли там стол кумачом, и собрание началось. Вопрос был один: выборы делегата на Первый Всероссийский съезд социалистических союзов рабочей молодежи. Таня сказала:

- Товарищи, может, нам и не положено посылать своего делегата - мало еще нас, и ничего мы еще такого не сделали пока, - а мы все-таки пошлем.

- Пошлем! - решительно отозвалось собрание.

- Может, нашу просьбу уважат, - продолжала Таня, - и дадут нашему делегату слово на съезде.

- Даду-ут! - уверенно сказали ребята.

- Ну, так кого ж пошлем на съезд?

Тогда все, точно сговорившись, в один голос крикнули:

- Артема Загоруйко!

- Я так и думала! - радостно сказала Таня. - И Дмитрий Дмитриевич не сомневался.

Проголосовали и выбрали Артемку единогласно.

- Теперь наказ надо дать, - сказал командир.

Посыпались предложения:

- Чтоб били врагов не щадя жизни!

- Правильно разбираться в политике: что в ней к чему.

- С винтовкой аккуратно обращаться!

- Кто покуда неграмотный, чтоб в два счета обучился!

Одна из поселковых девушек потребовала:

- Чтоб парни не задирали нос перед девчатами, не обижали их.

Все засмеялись.

- Это ж ты в чей огород? - с вызовом спросил Ванюшка.

- Ни в чей, а вообще. Понятно?

Ванюшка поморгал, поскреб в затылке и растерянно сказал:

- Понятно.

Артемка сидел ни жив ни мертв. От высокой чести, которую оказали ему товарищи, к тому же так неожиданно, он онемел и только к концу, когда наказ записали и проголосовали, решился поднять руку. Начал он тихо, хриплым от волнения голосом, сбиваясь и растерянно останавливаясь. Но потом выправился.

- Товарищи, - сказал он, - я слово «Ленин» еще мальцом слышал. Фабричные его называли, что в будку к отцу сапоги чинить носили. Где мне тогда было знать, что равного слова на свете нет! Но все ж таки я понимал: для трудового народа в этом слове вся правда и все надежды... А потом пришел в будку Дмитрий Дмитриевич. Отца уже не было, один я был на

свете... Оставил он мне книжки, душевно поговорил, в театр сводил. И не раз я потом думал: «А может, это сам Ленин ночевал у меня в будке?..» Глупо, да? А я рассуждаю так: кто такой Дмитрий Дмитриевич? Коммунист, партийный человек. А кто создал партию коммунистов? Ленин. Вот оно и выходит: хоть не сам Ленин побывал у меня в будке, а будто и он. И еще я хочу сказать вот что: сколько ни есть тут нас, молодых, все мы идем за товарищем Лениным, за коммунистами. А чего ж наш союз называется по-другому? Почему он называется социалистическим? Пусть тоже называется коммунистическим, как и сама партия. А то, что ни говорите, обидно как-то, вроде мы чужие...

Тут все повскакали с мест, повернулись к Дмитрию Дмитриевичу и Дукачеву и захлопали в ладоши.

И записали в наказ дополнительно, чтоб союзы молодежи повсеместно назывались коммунистическими.

А потом говорили Дукачев и Дмитрий Дмитриевич. И вот что сказал наш командир под конец:

- Наказ вы правильно составили и правильно сделали, что избрали Загоруйко своим делегатом. Он выскажет на съезде ваши предложения, вернется и отчитается перед вами. Ну, а какая будет его дальнейшая дорога? Кто позаботится, чтоб талант его не загдох? Вот, скажем, человек имеет хороший голос. Но это не все. Надо, как говорится, этот голос поставить. Только тогда его услышит вся страна. То же и с Артемкой. Одним нутром он всего не возьмет. Учиться надо. Учиться всему: и обыкновенным наукам и сценическим. Как вы думаете на этот счет?

Собрание молчало.

- А?.. Товарищи?

В ответ кто-то вздохнул.

- Так-таки и будете молчать?

Девушка, вносящая предложение, чтоб парни не задирали нос, тихо сказала:

- Жалко разлучаться. Ну как это можно - отпустить такого парня!

Тогда заговорили и остальные:

- Жалко, товарищ командир!.. Жалко!..

- А вы смотрите пошире, - сказал Дукачев, - за далекие горизонты.

Решил дело Пепс:

- Пусти Артиомка! - прижал он руку к груди и так посмотрел на ребят, что Ванюшка крикнул:

- Эх!.. Из самого сердца выдирает!

Собрание еще повздыхало, поохало и вынесло решение: «Просить

товарища народного комиссара Анатолия Васильевича Луначарского определить Артема Загоруйко к театральным профессорам в учение на артиста в мировом масштабе».

Выслушав решение, Артемка хотел что-то сказать, но не смог и отвернулся к стене. Плечи его вздрагивали.

Вечером двинулись мы гурьбой к террикону, что черной громадой закрывал полнеба. У террикона, одетый в крестьянский ватный пиджак, верхом на Ласточке уже поджидал нас Ванюшка, держа на поводу двух взнузданных коней. Отсюда он, Пепс и Артемка проедут на рысях до Пахомовской рощи, а там, спешившись, Артемка и Пепс пойдут дальше, по болотам да лесам.

Шел с ними и Труба, белея в темноте поварским колпаком. Этот колпак он надел тотчас по возвращении в Припекино и ни за что не хотел с ним расставаться. И хоть Труба по-прежнему варил борщ с салом и кашу из «шрапнели», но прозвище «генерал» так за ним и осталось. Шел он рядом с Артемкой и упорно не глядел в сторону Пепса. Его он считал главным виновником своей разлуки с Артемкой.

Шли и командир и товарищ Дукачев. Не было только Тани. Все догадывались о переживаниях девушки и делали вид, что ничего не замечают.

Но, когда стали подходить к террикону и под ногами захрустела измельченная порода, в темноте вырисовалась одиноко стоящая фигура. Торопливым шагом Таня приблизилась к Артемке и взяла его за руку:

- Там, в Москве, не забывай про нас, Артемка. - Она помолчала и, справившись с волнением, тихо добавила: - А если встретишь там Лясю...

- Таня... - сказал Артемка и умолк.

Все поочередно обняли его и Пепса.

Ванюшка, вырываясь вперед, дернул повод, из-под копыт полетели в нас мелкие камешки, и трое всадников потонули в темноте.

- Что ж, - сказал командир, - пойдёмте. Завтра двинемся и мы.

Нерешительно оглядываясь, будто всадники могли еще вернуться, все пошли к поселку. И только Труба, Таня да я еще долго стояли на перекрестке и прислушивались к замиравшему вдали топоту.

ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ

В КУБАНСКОЙ СТОЛИЦЕ

Никогда еще цирковая арена в Екатеринодаре не видела в ложах и партере столько зрителей в военной форме, как в эти дни. Куда ни глянешь, всюду золото и серебро офицерских погон, высокие, серого каракуля генеральские папахи, круглые, с голубым атласным верхом и поперечным серебряным крестом на нем шапки-кубанки, щегольские башлыки, отороченные золотой парчой, нарядные адъютантские аксельбанты, красные темляки на эфесах сабель. Можно было бы подумать, что люди эти собрались на какое-то военное совещание, если б с офицерами не сидели дамы в мехах и шляпах с вуалетками. Откуда они, эти офицеры всех возрастов и чинов? Почему здесь, в кубанской столице, где раньше военные были одеты главным образом в черкески и кубанки, теперь скопились люди в формах всех российских полков? И они все прибывают и прибывают, и скоро от них негде будет жителям повернуться.

Девушка лет шестнадцати, с большими синими глазами, с тонким носом и черными кудрями, стояла у портьеры, отделявшей внутренние помещения цирка от зрителей, и ждала условного знака, чтобы выбежать на залитую ярким светом арену.

Пока рабочие, одетые в пеструю униформу, натягивали на высокие подставки стальной трос, клоун Кубышка путался у них под ногами и смешил публику ужимками и острыми шуточками. Каждый раз, когда раздавались аплодисменты, он кокетливо опускал глаза и жеманно говорил: «Я не красивый, но очень симпатичный», чем вызывал еще более громкий смех.

Но вот униформисты парадно выстроились у портьеры. Ушел с арены и клоун. Пробегая мимо девушки, он бросил свое обычное: «Счастливого, доченька!» Так же обычно ответила ему девушка: «Спасибо, папка!» Оркестр заиграл «Осенний сон». От этих грустных звуков по телу девушки пробежала теплая волна, и юная артистка сразу же прониклась тем чувством внутреннего ритма, которое зорче глаза предостерегает от малейшего неверного движения.

- Мадемуазель, ваш выход! - сказал сзади с ласковой ноткой в голосе ведущий.

Портьера распахнулась. Девушка пробежала навстречу шумным рукоплесканиям к середине арены и там стала, нарядная, как пурпурная бабочка, переливчато сверкающая тысячами радужных блесков.

- Bravo, Мари!.. Bravo, Мари!.. - неслись со всех сторон приветствия.

По шелковой лесенке девушка поднялась на туго натянутый трос, проскользнула до его середины и остановилась с грустно склоненной головой. Музыка умолкла, наступила небольшая пауза, и, пока она длилась, девушка все так же стояла неподвижно, в немой печали. Вдруг, в контраст с умолкнувшим минорным вальсом, зазвенели хрустальные звуки «Вальса цветов» из балета «Щелкунчик». Девушка подняла голову: с высоты, от самого купола, падала пунцовая роза. Девушка поймала ее и прижала к груди. А розы все падали и падали, и вот их уже целый ворох в руках у неё - красных, нежно-розовых, бледно-золотистых. Неожиданно, сделал поворот на одной ноге, она взвилась вверх, ударила в воздухе туфелькой о туфельку и заскользнула, закружилась на проволоке, со щедростью весны разбрасывая розы по гудящим от восторга ломам и партеру.

Это был живой, радостный и грациозный номер, сочетавший в себе великолепное цирковое мастерство канатоходца с антраша-катр и пируэтами балета.

Когда юная танцовщица спрыгнула на арену и под туш помчалась к портьере, ее сопровождали такие бурные аплодисменты, такие неистовые крики «браво» и «бис», что ей пришлось еще много раз выбегать, чтобы послать неистовствующей публике традиционный воздушный поцелуй двумя руками.

- Ляшенька, Ляся, - бормотал обмякший от радости старый Кубышка, ведя по коридору девушку, как маленькую, за руку в ее артистическую уборную, - вот она, победа!.. Я знал!.. Я был уверен!.. Фокусы, жонглеры, акробаты - и это весь цирк? Нет, цирк - это и драма, и комедия, и балет, и симфония! Да, да, и симфония!.. О, я дождусь, я дождусь, когда в цирке поэты начнут выступать!.. Этот твой новый номер теперь будет гвоздем программы. Жалко, публика не та. Эта публика больше в ресторациях толк понимает. Но и до нее дошло. Дошло-о!.. Ишь, как орали, лошади!

- Папка, сейчас твой выход, не опоздай, - сказала девушка, все еще порывисто дыша после трудного номера.

- Знаю, знаю! Сейчас я тоже с новым номером выступлю. Пока, доченька!..

К девушке подходили артисты и цирковые рабочие, поздравляли с успехом и называли ее при этом не «Мари», как значилась она на афишах, а ласково и просто: «Ляся», как с детства звал ее отец.

Пока Ляся переодевалась, Кубышка ходил с барабаном по арене и распевал частушки. Он пел весь куплет, останавливаясь лишь перед последним словом. Его должна была спеть сама публика. Если публика это слово угадывала верно, Кубышка победно ударял в барабан. Веселье усиливалось. Особенно публика хохотала, когда попадала впросак. Повязавшись пестрой косынкой и выпучив бессмысленно глаза, Кубышка пел:

Матрос весь тянется из кожи,
Чтоб потрепать широкий клеш.
Сидит гранд-дама в правой ложе,
А на груди у дамы...

- ...вошь!.. - гаркнула галерка. Бум! - раздался вслед затем удар в барабан. Но тут же Кубышка спохватился и укоризненно сказал:

- Фи дон! Какой конфуз!.. Брошь!.. Салют беру обратно.

И с размаху ударил в барабан.

Частушки следовали одна за другой, и в их ловушки попадали то наехавшие в Екатеринодар добровольцы, то кубанцы, то партер с ложами, то галерка. Нарастало веселье, нарастала и настороженность: вот пожал плечом с переливчатым погоном тучный старик генерал; вот закусил свой ус полковник с багровым обветренным лицом; вот вскинул вверх брови щеголеватый адъютант с аксельбантами. Нет-нет, да вдруг в этих частушках и прозвучит нечто такое, что не совсем укладывается в понятие «святой миссии спасительницы гибнущей России - Добровольческой армии». Впрочем, может, это только кажется? Вот, например, как приятно для слуха звучит бойкая частушка:

Пароход плывет прямо к пристани.
Будут рыбу кормить...

- ...коммунистами!.. - веселым хором подсказали в ложах и партере.

Конечно же, это показалось. Нет, славный старик этот клоун Кубышка. Прямо хоть бери его на фронт против большевиков. Вот и еще он поет что-то забавное:

Пароход плывет, волны кольцами.

Будут рыбу кормить...

- ...добровольцами!.. - гаркнули кубанцы и растерянно умолкли, запоздало уразумев, что получился изрядный конфуз.

- Неужели? - «наивно» удивился клоун, вскидывая наклеенные мохнатые брови вверх, и запел следующую частушку.

Бум!.. Бум... Бум!.. - отсалютовал он под конец и, бросив барабан, убежал с арены.

- Ну как, папка? - встретила его в артистической уборной Ляся, успевшая к этому времени переодеться в свое домашнее серенькое платье. - Удачно? Даже сюда хохот докатывался.

- Ага, и здесь было слышно? То-то вот! - с гордостью сказал Кубышка. - Три раза попадались в частушки-ловушки. Понимаешь, доченька, эти частушки я слышал, когда их пели...

Он не договорил: легкая дверь с треском рванулась, и через порог ступил рослый рыжеусый офицер. Из-за его плеча выглядывали еще двое, тоже в фуражках с офицерскими кокардами.

- Ты здесь? - сказал рыжеусый, глядя на Кубышку красными от злобы глазами.

Он вытянул из кармана шинели нагайку, взмахнул ею и ударил старика по лицу.

- Па-апа!.. - бросилась к отцу девушка.

- Это ваш отец? - удивился офицер. - Сожалею, мадемуазель Мари... То есть сожалею, что у вас такой отец... Слушай, ты, старая обезьяна, - он дотронулся ручкой нагайки до груди старика, на помертвевшем лице которого даже сквозь грим проступила багровая полоса, - благодари бога, что у тебя дочь такая прелесть. Только ради нее я оставляю тебе жизнь. Но чтоб с рассветом тебя в городе не было. Адье, мадемуазель!..

Прикоснувшись нагайкой к козырьку фуражки, будто отдавая честь, он повернулся и, сопя от бушевавшей в нем злобы, вышел.

СГИНУЛ

Лето 1919 года на юге России выдалось на редкость дождливое. Опасались, что хлеба полягут. И они действительно ложились после каждого дождя. Но пригревало солнце, и упрямые стебли вновь выпрямлялись.

По узкой дорожке, утопая в густой, высокой пшенице, шли Кубышка и Ляся с рюкзаками за плечами. В этих небольших холщовых мешках теперь заключалось все их имущество. С тех пор как им пришлось так внезапно покинуть Екатеринодар, они в поисках работы побывали не в одном городе. Но одни цирки были превращены в склады фуража, другие - в военные конюшни, а те немногие, в которых еще шли представления, опасались принять Кубышку: слух о его скандальной истории облетел всех цирковых антрепренеров. Так и пришлось прожить почти все, что несколько лет припасали странствующие артисты про черный день, да вдобавок еще и все свои цирковые костюмы. И то, что несли они теперь в рюкзаках, было последним средством зацепиться за жизнь.

Жара нарастала, по к полудню неожиданно повеяло прохладой, и вскоре перед глазами истомленных путников развернулась блекло-голубая пелена моря. Вдали, будто всплывший с морского дна, возвышался над зеркальной гладью мыс. На нем в прозрачной дымке золотились купола собора; сквозь зелень садов проступала белизна домов с колоннами, а на острове, как стрела, конце мыса вонзалась в выцветшее от зноя небо башня маяка.

Кубышка остановился, вытер рукавом порыжевшей рубашки пот со лба и, прищурившись, долго смотрел на город.

- Издали - как в сказке. Того и гляди, сам царь Гвидон выйдет нас встречать, чтоб отвести в мраморные палаты. А приблизимся - и навстречу выедет казак с нагайкой, - с кривой усмешкой сказал он.

- Найдутся и другие люди, не только с нагайками. Ты, папка, смотришь вдале, а что там, вдали, не различаешь! - ласково пожурела девушка.

- А что же вдали, Ляшенька?

- Вдали счастье.

- Это как же понимать? Подойдем мы к шлагбауму, а там уже ждет нас на белой лошади прекрасный принц в золоченом шлеме? Сойдет он с лошади и положит к твоим ногам... что положит, Ляшенька? Чего бы ты хотела?

- Туфли, в каких и царицы дочери не ходят, - засмеялась девушка.

- Я думал, золотые ключи от города. Но и туфли не плохо. К тому же, доченька, твои сандалии совсем износились. - Лицо старика вдруг оживилось. Подожди, - сказал он, - да ведь это тот самый город, в котором у нас есть знакомое влиятельное лицо: помнишь мальчишку-сапожника? Как его, бишь, звали? Андрюшка, что ли?

- Артемка, - слабо улыбнулась Ляся.

- Да, да, Артемка!.. Вот явемся к нему в будку - он тут же тебе подметки новые пришьет, а мне семнадцать латок поставит. По старому знакомству, значит.

- Едва ли, - с сомнением покачала головой девушка. - Я ему пять писем послала: каждый год по письму. И ни на одно не ответил.

- Загордился, стало быть, - сказал Кубышка. - Сколько ему теперь? Лет шестнадцать? Может, его там городским головой сделали или полицмейстером, вот он теперь и дерет нос.

- Ты все шутишь, папка, а мальчишку жалко. Он один на свете... - Ляся помолчала и твердо сказала: - Пойдем, папка! Что ж мы стали? Пойдем за счастьем. Все равно впереди счастье, сколько б ни размахивали нагайками эти рыжеусые!

Солнце еще не село, когда путники вошли в город. Длинная тихая улица окраины. Одноэтажные белые домики с палисадничками, зеленые ставни, герань на подоконниках. На стук в окошко из калитки выходит хозяйка и на вопрос Кубышки, нельзя ли снять комнату, отвечает: «У нас казаки стоят. Самим тесно». Так обошли уже несколько кварталов. Неужели в степи ночевать?

Но вот из домика с двумя окошками выходят женщина и мальчишка с чуть раскосыми озорными глазами. Женщина не спешит отказывать, внимательно оглядывает путников и с сомнением говорит:

- Вот уж не знаю... Муж на работе, а без него... Да вы кто ж будете?

- Мы артисты, - объясняет Кубышка. - Мы по циркам играем.

- По циркам! - радостно восклицает мальчик. - Пусти, мамка! Пусти!..

И женщина пускает.

- У нас на постое был военный. Сегодня увели. Занимайте, пока другого не поставили. А то приведут - и опять мучайся с ним!

Во всем домике только две комнаты: «зал» и кухня. В летнюю пору хозяева муж, жена и мальчик - живут во дворе, в деревянном сарае, а комнаты сдают приезжим.

- Иначе не прожить, - объяснила хозяйка. - Время теперь тяжелое.

Путникам отвели залик. Устав с дороги, они тотчас легли спать на

деревянные скрипучие топчаны и только утром осмотрелись как следует. Низкий потолок с висящей под ним керосиновой лампой, фотографические карточки на стенах, икона с лампадой в углу, некрашенный стол да два топчана - вот и все. Но Кубышка с Лясей и этому рады.

В дверную щелочку заглянул чей-то любопытный глаз.

- Заходи! - сказал Кубышка. - Мы билета не потребуем.

Дверь немедленно открылась, и в комнату, выставив вперед плечо, вошел хозяйский мальчик.

- Ох, и долго ж вы спите! - сказал он. - Я уж заглядывал, заглядывал...

- А у тебя что, экстренное дело?

- Не... Когда б экперное, я б разбудил... Вы, дяденька, кирпич глотать умеете?

- Пфе! Кирпич!.. Я огонь глотаю и стеклом закусываю.

У мальчика округлились глаза. Он бросился к двери.

- Куда ты? - остановил его Кубышка.

- Побегу, мамке расскажу...

- Подожди, успеешь. Тебе сколько лет?

- Два месяца и девять лет.

- Здорово. Грамотный?

- А то нет?

- Как зовут?

- Когда кошку за хвост тяну, то Васькой, когда мамке пол мыть помогаю, то Васенькой, а когда так просто сижу, ничего не делаю, то Васей. А вы в чертовом колесе крутиться умеете?

- А как же! Я в чертовом колесе кручусь в обнимку с самим сатаной.

- Ну-у?.. А он вас не проглотит?

- Я сам могу его проглотить. Я уже двух ведьм проглотил.

Судорожно хватив ртом воздух, Вася исчез. Он пришел опять, когда квартиранты начали выкладывать на стол содержимое своих рюкзаков. И стоял как замороженный, не в силах оторвать глаз от этого богатства. Здесь были разноцветные лоскутки, золотая бумага, тюбики с красками, серебряные бубенчики, локоны волос разного цвета, куски картона и много-много других таких же интересных вещей. В комнате будто даже посветлело и запахло так, как пахнет в игрушечных магазинах.

- А что, Вася-Васька-Васенька, нет ли тут поблизости хорошей глины? - спросил Кубышка.

- Глотать будете? - обрадовался мальчик. - Сейчас принесу!

И притащил полную кастрюльку желтой липкой глины с воткнутой в нее деревянной ложкой.

Но есть глину Кубышка не стал, а принялся лепить из нее чью-то голову. Вот на круглом глиняном куске величиной с кулак высунулся длинный кривой нос, вот появились уши, впадины глаз.

- Дедушка, да вы куклу делаете? - догадался Вася.

- Куклу. Будем делать вместе, идет? Я - главный мастер, Ляся - главная портниха, а ты - наш подмастерье.

- Идет, дедушка!.. Говорите, чего делать, я все сделаю.

И маленькая комната в домике на городской окраине превратилась на несколько дней в игрушечную мастерскую.

Когда глиняная голова была готова и хорошо высушена, Кубышка принялся обклеивать ее бумагой. Сначала обклеил кусочками голубой бумаги, потом, поверх голубой, обклеил белой, потом опять голубой, потом опять белой - и так несколько раз.

Сопя от чрезмерного внимания, Вася не спускал с рук старика глаз.

Обклеенную голову Кубышка поставил на подоконник сушиться, а сам развел в блюдечке с молоком зубной порошок и добавил туда немножко красной краски. Когда голова просохла, он наточил нож и, к изумлению Васи, разрезал ее пополам, от уха до уха. Но Вася напрасно встревожился: выбрав из головы всю глину, старик сложил обе половинки и заклеил прорезы марлей. Голова лежала на подоконнике, будто ей искусный хирург проделал сложную операцию. Кубышка опять обклеил голову бумагой, а потом принялся мазать раствором зубного порошка. В ход пошли и другие краски. Заалели щеки, обозначились красные губы. Но вот с глазами что-то не ладилось. Кубышка их то нарисует, то опять замажет.

- Васька, ты драться умеешь? - спросил он.

- Ого!.. Я одному как дал...

- Представляю, какие у тебя тогда глаза были. Мне бы твои глаза - на эту куклу: хитрые, озорные...

- Что вы, дедушка! - попятился мальчик. - А я как же без глаз буду?

- Да, без глаз тебе драться несподручно. Придется их не трогать. Но что ж сюда?

- Пуговицы, - сказала Ляся.

- Попробуем. - Кубышка взял со стола две выпуклые черные пуговицы и приставил к глазным впадинам головы. Кукла сразу ожила, на лице появилось драчливое выражение.

- Эврика! - воскликнул Кубышка. - Теперь - только палку в руки.

Пока Кубышка возился с головой, Ляся шила колпачок с бубенцами и широкую красную рубаху.

Куклу одели. Кубышка сунул в рубаху руку: указательный палец

прошел внутрь головы, большой и средний - в рукава. Кукла вскинула голову, протянула вперед руки, точно натягивала ими вожжи, и Вася замер от восторга, когда она озорно запела:

Вдоль по Питерской
По дороженьке
Едет Петенька
С колокольчиком...

- Ну-ка, Васька, очнись, протри глаза да присмотрись: видал, какой я перец, на все руки умелец? А ты думал, что я кукла-игрушка? Не-ет, я самый настоящий Петрушка!

Вася очнулся и бросился со всех ног звать отца с матерью.

Пришли хозяева - Иван Евлампиевич, широкоплечий кузнец с орудийного завода, и его кареглазая жена Марья Гавриловна. Слушая Петрушку, Марья Гавриловна тихонько смеялась, а кузнец так хохотал, будто кулаком по кровельному железу бил.

Ободренные успехом Петрушки, главного персонажа кукольного театра, Кубышка и Ляся принялись за остальных кукол - цыгана, капрала, попа и собаки. Помогая квартирантам, Вася забыл и бабки, в которые целыми днями играл с мальчишками, и бумажного змея с трещоткой, и все на свете.

На другой день, взяв с собой мальчика, Ляся отправилась в город.

И здесь, как в Екатеринодаре, полно военных. Но казаки одеты не в черкески, а в синие чекмени, на шароварах - красные лампасы, на, чубатых головах - фуражки набекрень. Офицеры останавливают прохожих и проверяют документы: дезертиров ловят, как объяснил Вася. И всюду - на тумбах, на заборах, на стенах деревянных лавок - плакаты: зубчатые стены Кремля, купола соборов, по площади к Спасской башне мчатся казаки с длинными пиками.

Вот и гостиница с рестораном «Бристоль». Ее девушка сразу узнала: здесь они - Кубышка, Пепс, Артемка и она, Ляся, - обедали. Это было как раз перед пантомимой «Дик - похититель детей», во время которой разыгрался скандал. А вот и площадь с цирком. В нем Ляся ходила по канату. Каким этот цирк казался ей тогда огромным! А теперь он будто врос в землю. Да и все в городе стало меньшим, чем тогда казалось. Только серебристые тополи всё такие же высокие, выше самых больших домов.

- Василек, веди меня на базар, - сказала Ляся. - Туда, где сапожные

будки, знаешь?

- А то нет! - с готовностью отозвался мальчик. - Я всё в городе знаю.

А вот рынок кажется еще большим, чем был, и все такой же здесь гомон, крик горластых торговков, мычание коров, жалобное пение слепых под волынку, гогот гусей, ржание лошадей, скрип телег. На толкучке шныряют верткие люди с бегающими глазами и предлагают английские сигары, французские духи, греческий коньяк и бумажные деньги чуть не всех стран мира. Калека с толстой деревяшкой на подвернутой ноге протягивает дрожащую руку и с чувством говорит:

- Благородные джентльмены и прекрасные леди, пейзаны и пейзажи, завтра, с вашего разрешения, уезжаю в Ростов, ложусь на операцию. Может, операция пройдет благополучно. Пожертвуйте на первое обзаведение после операции.

Ляся вспоминает: вот здесь, под навесом, была харчевня, в которой Артемка угощал ее и Пепса холодным хлебным квасом, вот там - деревянная парикмахерская, - она и сейчас стоит, - а напротив парикмахерской была ветхая Артемкина будка. Где же она? Ее нет. На этом месте пусто.

- Сапожники там! - показывает Вася. - Вон там, за рыбным рядом.

Действительно, за лотками со свежей рыбой торчат деревянные будочки, такие же заплатанные, покривившиеся и закоптелые, как и та, в которой жил Артемка. Но в какую будку Ляся ни заглянет, там сидят с шилом в руке совсем другие люди и об Артемке, мальчишке-сапожнике, ничего не знают. В одной, самой дальней, Ляся увидела такого древнего старика с трясущимися руками и бородой, что было удивительно, как он еще живет на свете. А ведь работает!

- Дедушка, вы не знаете, где теперь сапожник Артемка? - спросила Ляся. - Тут вот, близко, у него своя будка была. Мальчишка такой, сирота.

Старик поднял на девушку слезящиеся глаза:

- Артемка? Как же, знал я его, знал. Никиты Загоруйки сын. Тоже хороший мастер был, Никита. А это, значит, его сын. Сгинул он.

- Как - сгинул?... Умер?... - вырвалось у девушки, и Вася с удивлением увидел, что лицо у нее побелело.

- Кто его знает, может, и умер. Как в воду канул. Так будка и стояла до самой зимы распертая. Да это давно было, почитай, перед войной еще... А вы, барышня, кто ж будете?

Не ответив, Ляся вышла. И до самой квартиры шла молча.

Притих и Вася и только сбоку поглядывал на девушку пытливыми, умными глазами.

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Жаркий воскресный день. Базар бурлит. В тени деревянной парикмахерской сидят слепые - мужчина и две женщины - с белыми глазами и изрытыми оспой лицами. Мужчина играет на волынке, и под ее однотонные, тягучие звуки слепые поют:

Мимо царства прохожу,
Горько плачу и тужу:
Ой, горе, горе мне
Превеликое!..

Слепых окружила толпа: слушают, вздыхают. Вдруг в это стенание врывается развеселый голос - кто-то невидимый задорно поет:

Вдоль по Питерской
По дороженьке
Едет Петенька
С колокольчиком...

Пение приближается. К толпе идет пожилой мужчина в сильно поношенной рубашке. В одной руке он несет маленький сундучок, в другой складную ширму пестрый ситец, прибитый мелкими гвоздиками к деревянным планкам. Лицо у мужчины серьезное. Он еле заметно шевелит губами. И кажется, будто песенку поет не он, а кто-то другой, сидящий то ли у него в кармане, то ли в ярко разрисованном сундучке.

Набожно-постные лица людей, окруживших слепцов, оживились, в глазах засветилось любопытство.

За мужчиной шла девушка с гармонью на ремне, перекинутом через плечо. И, хотя платье на девушке было из обыкновенного ситца, а курчавая голова повязана простым платочком, она со своими синими глазами, золотистым оттенком миловидного лица и стройной фигуркой казалась нарядной, праздничной, будто не на рынок пришла, а на свадьбу к подружке.

Кубышка установил ширму и спрятался за ней. Песенка не умолкала.

Людей все больше разбирало любопытство: кто же ее поет?

Ляся стала близ ширмы и заиграла «Барыню». Тотчас же на ширме появилась длинноносая фигурка с колючими глазами, в колпачке, в красной широкой рубахе.

- Петрушка!.. - радостно узнала толпа своего любимца, народного героя кукольного театра.

- Ха-ха-ха!.. Мое почтение, господа! - приветствовал толпу Петрушка.

- Вот и я приехал сюда, не в тарантасе-рыдване, а прямо в аэроплане!

- Здорово, Петр Иванович! - откликнулись в толпе. - Милости просим!

Началось кукольное уличное представление.

И представление началось, то кукольное уличное представление, которое так любили во всех городах и селах необъятной России и сто, и двести, и триста лет назад. Петрушка, этот забияка, плут и драчун, смеялся,

пел, плясал. Он безбожно торговался с цыганом, бранился с капралом, объегоривал доктора, бил всех палкой и до тех пор сыпал шуточки да прибауточки, пока его самого не утащила за длинный нос собака Шавка.

Но, кроме этих действующих лиц «Петрушки», давно всем известных, появилось и новое лицо: господин с аккуратным брюшком, гладко выбритый, на носу - пенсне в золотой оправе, на голове - шляпа котелком. Он ходит уверенно, говорит строго и назидательно.

- Ты что здесь шумишь? - спрашивает он Петрушку. - Зачем нарушаешь порядок?

- А что это за штука такая - порядок, ваша милость? С чем его едят? - прикидывается наивным Петрушка.

- Порядок - это чтобы каждый был на своем месте. Всяк сверчок знай свой шесток.

- А, это такой, от которого хоть волком вой? - догадывается Петрушка.
- Не его едят, а он ест?

Когда господин уходит, Петрушка спрашивает:

- Музыкантша, что это за тип?

- Это юрисконсульт, - отвечала Ляся. - Разве, Петр Иванович, ты его не знаешь? Его фамилия Благоразумный.

- А если я его палкой по голове умной, ты сыграешь похоронный марш?

- Что закажешь, Петр Иванович, то и сыграю: хоть марш, хоть плясовую.

По мере того как шло представление, толпа густела. «Ну и Петрушка, хай ему бис! - раздавались одобрителльные возгласы. - Вот дает, шельмец!» Даже слепцы на время прервали свое заунывное пение и слушали, улыбаясь в пространство. А когда со стороны донесся голос одноногого: «Джентльмены и леди, завтра уезжаю в Ростов, ложусь на операцию...» - из толпы даже крикнули: «Ладно, успеешь уехать к тому году, помолчи маленько, не мешай!»

Представление кончилось. Кубышка спрятал своих кукол в сундучок, раздвинул ширму и обнажил голову. Картуз стал быстро наполняться смятыми бумажками разных цветов и рисунков: сыпались деньги всех правительств - от свергнутого царского с портретами императоров до вновь испеченного «Всевеликого войска Донского» с оленем, пронзенным стрелой.

Толпа растаяла. Опять загудела волынка, опять донесся сиплый голос одноногого: «Леди и джентльмены, завтра уезжаю в Ростов...»

Кубышка сложил ширму, подмигнул Лясе, как бы говоря: «Видала,

какой успех!» - и начал пробираться сквозь людской поток на улицу.

За артистами с гиканьем и свистом потянулась мальчишечья орава.

Артисты вошли во двор большого дома.

Но не только мальчишки хотели еще раз посмотреть представление. Вместе с ребятами вошел во двор и какой-то мужчина, сухощавый, жилистый, в синей блузе, в кепке. На базаре он стоял в толпе и серыми внимательными глазами всматривался в то, что делалось на ширме. Если в толпе смеялись, он прищуривался и так же внимательно всматривался в лица людей.

Во дворе он опять смешался с толпой и опять прослушал все представление. Когда артисты пошли со двора, он приблизился к мальчику, который все время держался рядом с гармонисткой, и дернул его за рукав.

- Ты с ними, что ли? - спросил он.

- А то с кем же! - с гордостью ответил Василек. Восторг не сходил с его лица с тех пор, как Петрушка впервые появился на ширме.

- Где же они остановились, кукольники эти? То есть где они проживают?

- У нас! А то где ж?..

- Правильно. Где ж таким артистам и проживать, как не у вас... Ну, а ты где проживаешь?

- На Камышанском.

- А номер?

- Номер восемнадцатый. А что, дяденька, понравилось? Он и не то умеет. Он с самим сатаной в огненном колесе крутится!

- Камышанский, восемнадцать, - будто про себя повторил мужчина. - Как бы не забыть... И пошел далее.

НЕОТВЯЗНАЯ МЕЧТА

Прошло не больше недели, а артисты уже полностью сжились со своими куклами. Спрятавшись за ширму, Кубышка менял голос с такой непринужденностью, будто в нем жили души всех этих кукол. Ляся с раннего детства танцевала перед публикой; к тому, что на нее устремлены сотни глаз, она привыкла. Но только теперь научилась она без робости говорить перед зрителями. Иногда Кубышка, чувствуя за своей ширмой настроение толпы, экспромтом бросал новую реплику, и Ляся почти всегда находила удачный ответ на нее. «Музыкантша! - кричал Петрушка. - Почему зрители молчат?» - «Сытно покушали, ко сну клонит», - с лукавством в голосе отвечала девушка. И люди, для которых даже картошка давно уже стала праздничным блюдом, откликались на эту горькую шутку невеселым смехом.

Домой кукольники возвращались на закате солнца, усталые, голодные.

Несмотря на живой интерес, который вызывали у людей представления, Кубышка не был уверен, то ли он делает, что требует сейчас совесть от каждого честного артиста. Годами выступая в цирке, клоун стрелял своими шутками по взяточничеству царских чиновников, произволу полиции, казнокрадству сановников. А куда направить сейчас свои стрелы, когда все перепуталось, когда добровольцы рвутся в бой за «Русь святую», петлюровцы - за «самостийну Украину», казаки - за «Всевеликое войско Донское», а миллионы рабочих, которым и самим-то есть нечего, льют свою кровь за счастье всего человечества?!

Неспокойно было на душе и у Ляси. Оторванная от цирка, где она с детства привыкла к блеску и ярким краскам, к смелости и ловкости товарищей по арене, к особенной, только цирку присущей музыке, она часто скучала.

- Устала, Ляшенька? - участливо спрашивает Кубышка, втаскивая в комнату ширму и сундучок с куклами. - Трудная наша работа - целый день на ногах!

Ляся отвечает не сразу. Она садится на топчан и, будто к чему-то прислушиваясь, раздумчиво говорит!

- Не потому, что на ногах... Помнишь, папка, «Щелкунчика»? Там тоже куклы, но там ритм, а при ритме никогда не устанешь.

- «Ритм»!.. - вздохнул Кубышка. Пол в комнате дрогнул, звякнули в окнах стекла. - Вот он, нынешний ритм! - с горечью усмехнулся артист. -

Английские инструкторы учат русских офицеров, как расстреливать из английских танков русских рабочих... Давай, дочка, под этот ритм закусим чем бог послал. Что там у тебя в кошелке? Ну-ка, посмотрим. Полселедки, кукурузный кочан, арбуз... Роскошная жизнь!

Они сели к столу и под раскаты орудийной пальбы, доносившейся из степи, поужинали. Пили даже «чай», настоенный на каких-то сушеных листьях и ягодах.

- Роскошная жизнь! - повторил Кубышка, опуская в свою и Лясины глиняные чашки крошечные кристаллики сахарина.

Бу-ум!.. - как бы в подтверждение донеслось до них. После ужина Кубышка зажег фитилек, высунувшийся из флакончика с постным маслом, и принялся подновлять своих кукол. Они лежали на столе все вместе, спутав свои одежды и волосы, но даже в этом сумеречном свете было видно, что каждая из них упрямо сохраняет свое выражение лица: Петрушка - задиристое, Капрал тупо-начальственное, Благоразумный - надменно-презрительное. «Нет, - думал Кубышка, - таких не помиришь, такие даже в сундучке передерутся».

Света коптилки хватало только для стола. Ляся лежала почти в полной темноте и, обхватив руками голову, закрыв глаза, грезила. В какой уже раз она так уходила от грубости жизни в волшебный мир сказки!

Когда Лясе было только двенадцать лет, Кубышка в поисках ангажемента поехал с ней в Москву, и там маленькая цирковая артистка впервые увидела балет. Она сидела с отцом где-то под самым потолком огромного круглого зала, подавленная его тяжелой роскошью: малиновый бархат портьер, тусклая позолота лож, радужное сверкание тысяч хрустальных подвесок на люстрах, - что в сравнении с этим мишурный блеск цирка! Но вот послышалась музыка, и в душе Ляси все затрепетало от предчувствия волшебной красоты, которая войдет сейчас в этот притихший и погружившийся в сумрак зал. Странная была эта музыка, совсем не такая, какую приходилось Лясе слышать до сих пор, странная и прекрасная: в ней будто что-то искрилось, переливалось, нежно звенело, как звенят бьющиеся льдинки, и Лясе казалось, что все эти скрипки, арфа, флейты и кларнеты селятся что-то рассказать - и не могут, и просят, и умоляют кого-то прийти к ним на помощь, чтобы вместе поведать людям о самом прекрасном, что есть в мире.

И тогда поднялся кверху тяжелый красный занавес. С темного неба тихо падают на землю снежинки. Фонарщик зажигает на улице фонарь, и из темноты выступает дом. В его окне сверкает нарядная елка. К дому идут мужчины и женщины; они ведут за руку детей, одетых в теплые шубки. И

все почтительно расступаются, давая дорогу пожилому мужчине. Подмышкой у мужчины коробка с куклами...

Антракт. Зал опять полон света и говора. За занавесом остались и искусный мастер кукол со своей волшебной палочкой, и влюбленный Арлекин, и забавный негритенок, и девочка Маша, так трогательно полюбившая некрасивого, с большим ртом и широкой челюстью, но такого милого, скромного и сильного Щелкунчика. Умолкла и музыка, от звуков которой все оживало на сцене. Кубышка зовет Лясю пройтись по всем этажам театра, но она вцепилась пальцами в перила и молча качает головой: нет, она никуда отсюда не уйдет, пока опять занавес не откроет перед ней этот чудесный мир.

Так вот что такое балет! Сколько раз Ляся участвовала в цирковой пантомиме! Там тоже артисты не говорят, а только жестами и выражением лица показывают, что происходит. Но здесь музыка и движения артистов сливаются в одно целое, и от этого все существо Ляси наполняется таким счастьем, что ей хочется плакать.

Проснувшись утром в «меблирашках» на Коленопреклонной улице, Ляся прежде всего спросила: «Папка, мы в театр пойдем?»

Кубышка смущенно погладил лысину: «Деточка, я ведь ангажемент получил. И аванс уже в кармане. Нам в Саратов надо. Да и театр уже уехал. Это ведь петербургский был, он здесь гастролировал».

Ляся опечалилась: «А в Москве балета нет?»

«В Москве?.. О, здесь такой балет!.. Сегодня «Спящую красавицу» ставят».

«Спящую красавицу»?! Папка, а музыку тоже Чайковский сочинил?» - оживилась девочка.

«Да, Чайковский. Великий Чайковский».

«Он волшебник, папка?»

«Он чародей. Другой чародей, Чехов, хотел ему солнце подарить...»

«Солнце?.. - Ляся вскочила с кровати. - Да я б ему все звезды, все до одной, подарила!»

Кубышка покряхтел и пошел добывать билеты на «Спящую красавицу».

Нелегкое это было дело. Но еще труднее пришлось Кубышке в последние дни перед отъездом.

После спектакля Ляся бросилась отцу на шею и стала умолять: «Папа, отдай меня учиться балету! Отдай, папка!»

И, потрясенный слезами дочери, бедный артист в течение трех дней подкупал на последние гроши швейцаров, часами простаивал у дверей

кабинетов, ловил в коридорах за рукав нужных людей. Его или совсем не слушали, или скороговоркой бросали: «Да, понятно... Но сделать ничего нельзя». Какой-то третий помощник директора вынул из ящика письменного стола пачку писем на голубой и розовой бумаге, с княжескими и графскими гербами: «Вот кто протезирует - и ничего не можем! Привезите из Петербурга от Кшесинской записку - и в тот же день ваша дочь будет зачислена в балетную школу». А пойманный в коридоре лысый толстяк, не веря своим ушам, переспросил Кубышку: «Кто? Клоун? Клоун провинциального цирка? Желаете, чтоб ваша дочь стала балериной?. Ну, знаете, вы действительно... гм... клоун!»

Разгневанный Кубышка плюнул ему вслед и в тот же день увез осунувшуюся от горя девочку в Саратов.

Шли месяцы, годы, рушилась и дробилась на десятки государств бывшая Российская империя, рушился весь уклад Земли русской, а страсть, однажды вспыхнувшая в душе Ляси, не потухла, и чем резче скрежетало все вокруг в огне гражданской войны, чем несбыточнее казалась мечта, тем сильнее овладевала она девушкой.

...Кубышка уже заканчивал очередной ремонт кукол, когда Ляся вдруг приподнялась на топчане и сказала с внезапно вспыхнувшей надеждой:

- Папа, но ведь теперь легче поступить в балетную школу! Теперь, наверно, это совсем легко!

- Почему? - недоуменно посмотрел на нее Кубышка.

- Да ведь тех, которые писали розовые записки, теперь там нет! Они теперь все здесь собрались.

- Да, здесь... - растерянно пробормотал Кубышка. - Это ты верно сказала: они все сюда слетелись.

- Так зачем же и мы здесь? Уедем отсюда, папка! Уедем в Москву! Сегодня соберемся, а завтра сядем в поезд и поедем. Хорошо, папка?

От такого напора Кубышка окончательно растерялся:

- Что ты, доченька... Разве можно так внезапно! До Москвы больше тысячи верст... А фронт! Как мы через фронт перейдем? Да нас подстрелят, как куропаток...

- А главное, такие вопросы надо обсуждать при закрытом окне, - сказал близко незнакомый голос. Кубышка и Ляся вздрогнули. На улице, у раскрытого по-летнему окна, смутно вырисовываясь в темноте, стоял какой-то человек.

НОЧНОЙ ГОСТЬ

- Кто вы? Что вам здесь надо? - испуганно спросил Кубышка.

- Да вот поговорить пришел, - ответил человек. - Вы не тревожьтесь: я не с худым к вам... - Он взялся руками за наружные ставни. - Дайте-ка я прикрою, а вы мне калитку отоприте.

Сам не зная почему, Кубышка беспрекословно направился во двор.

Вернулся он с мужчиной лет тридцати пяти, высоким, сухощавым, со строгим, почти суровым выражением чисто выбритого лица. Перешагнув порог, мужчина глянул назад, будто заранее знал, что там, рядом с дверью, в стену вбит гвоздь, снял кепку и повесил ее.

- Ну, здравствуйте в вашей хате! Чай уже пили?

- Пили, - машинально ответил Кубышка.

- А я вот принес на заварку. Самый настоящий, как говорится, довоенного качества. И сахару три кусочка: на каждого по кусочку. У английского солдата на зажигалку выменял на толкучке. Так сказать, вступаем с иностранной державой в торговые связи... - Сказав это, он улыбнулся, и от улыбки лицо его сразу утратило свою строгость, помолодело, даже что-то детское проступило на нем. Чай не грех в любой час пить. Может, барышня, заварите?

Так же послушно, как послушно Кубышка открыл ему калитку, Ляся взяла из рук незнакомца крошечный бумажный кулечек и пошла во двор, чтоб вскипятить на летней печке воду.

Спустя немного времени все трое сидели за столом и пили крепкий, душистый чай. Мужчина с хрустом надкусывал сахар, дул на блюдечко, вытянув хоботком губы, и с затаенным лукавством в серых глазах рассказывал:

- ...А то еще такой случай был: приходит во двор подпоручик из дроздовского отряда, а по двору с десяток цыплят бегают. «Тетка, - спрашивает офицер, - твои цыплята?» - «Мои», - отвечает тетка Матрена, такая спекулянтша, что двор ее - полная чаша. «Продаешь?» - «А что ж, дадите хорошую цену, хоть всех забирайте». Отсчитал офицер ей сто бумажек, связал цыплятам ножки и пошел. Спекулянтша надела очки и рассматривает бумажки: дескать, что это еще за новые деньги такие появились, совсем незнакомое рисунка. Читает, а на деньгах напечатано: «Гоп, кума, не журишь, у Махна гроши завелись!» Знать, у убитого махновца из кармана вытащил. Как взвоят наша Матрена - да за офицером!

А того уже и след простыл...

Кубышка не очень поверил, что есть еще и с таким лозунгом деньги, но смеялся от души. Смеялась и повеселевшая Ляся.

Вдруг лицо мужчины посуровело, стало таким же, как и тогда, когда он только что перешагнул порог.

- Ну, ребятки (и было что-то понятное и хорошее, что он и лысого Кубышку отнес к «ребяткам»), давайте потолкуем о деле. Вы что ж, всерьез в Москву собираетесь?

- Да вот, - развел руками Кубышка, - дочка требует. К балету у нее большие способности.

- Гм... Я не в курсе этого вопроса, только, думаю, Москве сейчас не до балета. А главное, сейчас вы тут нужней.

- Кому нужней? - не понял Кубышка.

- Нам нужней. Нам - значит и всему трудовому народу.

- А вы - это кто? - осторожно спросил Кубышка.

- Мы - это подпольная организация коммунистов. - Заметив оторопелость на лице собеседника, мужчина усмехнулся: - Удивляетесь, что я так открыто? А чему удивляться? Я ведь уверен, что вы - с нами. И вы, и ваша дочка. Не предадите.

- Вы ошибаетесь, - бледнея, сказал Кубышка, - я ни к какой партии не принадлежу. Я всегда был свободен в своих суждениях.

- Вот и хорошо, - одобрил мужчина. - Одно другому не мешает. Нас, коммунистов, и двух десятков не наберется на Оружейном заводе, а позови мы - и за нами пойдут все три тысячи рабочих. Вот давайте с вами так порассуждаем: сейчас белогвардейцы отдали обратно помещикам землю, а мужиков за «самоуправство» секут - вы это одобряете?

- Как можно!.. Что вы! - даже обиделся Кубышка. - Земля принадлежит тем, кто на ней трудится.

- Очень хорошо. Пойдем дальше. Сейчас белогвардейцы вернули все заводы капиталистам и силой заставляют рабочих делать снаряды и патроны, на гибель своим же братьям, - вы это одобряете?

- Нет, - решительно качнул головой Кубышка, - рабочий должен быть свободен, как и каждый человек.

- Очень хорошо. Пойдем дальше. На помощь белогвардейцам иностранные капиталисты шлют пушки, танки и своих солдат, - вы это одобряете?

- Как можно!.. Я русский!

- Вот и всё. Значит, вы так же, как и мы, хотите, чтоб вся белогвардейская свора сгнула. И она сгинет! А когда сгинет, мы сами

пошлем вашу красавицу дочку в Москву, пошлем от всего трудового народа. Пусть едет туда с нашей рабочей путевкой.

- Но что мы должны делать? Что? - волнуясь, спросил Кубышка.

- А то что и сейчас делаете. Я два раза смотрел ваше представление. Здорово! Но и мы сможем вам кое-что подсказать. Как-никак, в самой рабочей гуще вращаемся, знаем, чем народ дышит. Подсыпайте вашему Петрушке побольше подходящих поговорок. К поговоркам как придерешься? А высказать ими любую мысль можно. Но, конечно, дело все-таки рискованное. Могут всякие быть неприятности... Уговаривать не стану. Решайте свободно, как совесть подсказывает.

- Не знаю, что и сказать... Мне - что! Я старый, я смерти не боюсь... - бормотал Кубышка. - А дочка - ей только бы жить... Ляся, слышишь?.. Что ж ты молчишь?

- Слышу, - глухо отозвалась девушка. Во все время разговора она сидела не шевелясь и не сводила с мужчины глаз. - А... скоро они сгинут? - тихо спросила она.

- Должно, скоро. Их дело гнилое. Но толкать надо, без этого они не упадут. Вот и давайте толкать кто как умеет.

Ляся вздохнула, перевела взгляд на Кубышку и опять вздохнула:

- Останемся, папка!..

- Ах, барышня, звездочка ясная! - Гость взял руку девушки в свои жестковатые, твердые ладони и осторожно, будто боясь сделать больно, пожал ее. - И имя у вас ласковое, никогда такого не слыхивал. Мне бы такую дочку!..

- А вас как зовут? - спросила Ляся, у которой вдруг стало тепло и спокойно на душе.

- Меня просто зовут: Герасим.

- А по отчеству?

- По отчеству - Матвеич. Да меня так мало кто величает. Товарищ Герасим и все тут.

- А я Ляся - и всё тут, - смеясь, ответила девушка. - Не надо меня барышней звать.

- Да я и сам вижу, что не то слово сказал, - в свою очередь засмеялся мужчина. - Так вы, Ляся, насчет балета не сомневайтесь. Дайте только нам сначала этим выродкам... кордебалет устроить!

ХРЕН РЕДЬКИ НЕ СЛАЩЕ

Двор кожевенного завода заставлен длинными столами. На столах, покрытых выутюженными скатертями, блестят под солнцем графины с водкой и в шеренги выстроились высокие пивные бутылки. Вдоль столов тянутся сиденья для гостей сосновые доски на врытых в землю кольях. В воздухе, уже по-осеннему холодном, приятно пахнет смолой от свежеструганных досок. Но, когда со стороны кирпичного корпуса, в котором отмокают кожи, набегает ветерок, непривычному человеку дышать трудно. Ляся то и дело прижимает к носу платок, а Кубышка и Василек морщат нос и сплевывают. Кроме них, на скамьях пока никого: все четыреста с лишком рабочих стоят нестройной толпой в другом конце обширного двора, где под открытым небом совершается богослужение по случаю конца операционного года.

С тех пор как Герасим побывал в домике в Камышанском переулке, Василек заважничал и во всем стал подражать Кубышке. Дело не в том, что к девяти годам и двум месяцам его жизни прибавились еще три месяца, а в том, что он стал выполнять страшно тайные поручения. «Чтоб меня громом убило, чтоб мне не видать ни отца, ни матери, чтоб подо мной земля провалилась!» - божился он самой страшной божбой, что нигде, никому и ни за какие леденцы не выдаст тайны.

Время от времени он отпраплялся на рынок и становился там перед одноногим, который каждый день собирался поехать в Ростов на операцию. «Мальчик, купи тетрадку, - говорил калека. - Я дешево продам». И Василек с тетрадкой в кармане мчался домой.

В синей обложке тетрадки был всего один листик, да тот исписанный. Кубышка внимательно прочитывал о, сжигал и пепел выбрасывал за окошко. Но Василек уже заметил, что после каждого такого листка в кукольном представлении появлялись или новые слова, или даже новые куклы. Вот и на этот раз: только два дня назад Василек принес Кубышке тетрадку, а в сундучке у Кубышки уже новая кукла черный жирный кот. И от ожидания, что еще покажет лысый волшебник, у Василька сладко замирает душа.

- Ныне, и присно, и во веки веко-ов! - тянет старческим жидким тенорком усохший священник, облаченный в искрящуюся на солнце фиолетовую ризу.

- Ами-инь! - тоскливо отвечает ему хор.

Впереди толпы стоит председатель правления завода бельгиец мусье Клисней, тучный, широколицый, с черной, блестящей, как шелк, бородой и красными, плотоядными губами. Он крестится по-католически - слева направо, крестится наугад, так как ни слова не понимает по-церковнославянски. Рядом благоговейно подняла к небу светло-голубые глаза его пышнотелая золотоволосая жена, а с другой стороны презрительно выпячивает нижнюю фиолетовую губу морщинистая теща, о которой говорят, что она прожила в России двенадцать лет и знает по-русски только два слова: «гостиница» и «извозчик».

Но вот служба подошла к концу. Дряхлый священник наскоро пробормотал свою проповедь, благословил Клисней и уступил ему место у самодельного аналоя.

Клисней перекрестился, поправил галстук, откашлялся и тоже начал речь:

- Господин наши служащи, наша дороги работчи! Ваша батюшка просил велики бог наш, чтоб он дать покой нашей... как эта по-русски?.. нашей душа. И я, и моя жена Аннетт, и моя теща мадам де Пурсоньяк тоже просим бог, который всех нас сделал, чтоб наступиль у нас мир, покой и хороша жизнь. Пускай женераль Деникин едет на белий шваль... как эта по-русски?.. на белий кобыля в древни столиц Моску. Прошу всех вас, дороги наши служащи и работчи... как эта по-русски?.. из кожи пошель вон, чтоб помочь женераль скоро доехать до Моску. Для этого надо делать на наша и ваша завод крепки продюкт. Такой крепки, чтоб скорей нога пропаль, чем сапог. А то эст такой... как эта по-русски?.. сукинъ синь, который портит продюкт. Всех вас, чесни работчи, мы любим и говориль мерси...

Далее Клисней поведал, что в его прекрасной Бельгии хозяева и рабочие живут «душа на душа», что и здесь, в России, Бельгийское акционерное общество выделило рабочим завода приличную премию и что он, представитель этого общества, просит всех, по русскому обычаю, идти «на стол».

Клиснее поднял руку, будто посылая полки в бой.

Клиснее поднял руку, будто посылая полки в бой, крикнул: «Браво!», оркестр грянул марш, и люди, повторяя особенно «удачные» фразы из речи хозяина, подмигивая и посмеиваясь, двинулись к столам.

Теперь наступила очередь действовать мадам Клисней. Повязав изящный кружевной фартучек, она брала из рук поваров большие блюда с заливным сомом или телятиной и ставила их перед рабочими на стол. «Кушайте, дорогие друзья, приветливо говорила она почти без акцента. - С праздником вас поздравляю». Иных рабочих она называла по имени-отчеству. «А, Никодим Петрович, вот куда вы от меня спрятались, на самый край стола! Но я все равно вас нашла. Нашла, нашла, Никодим Петрович! - кокетливо щурилась она. - Подставляйте ваш бокал». Потом, сделав озабоченное лицо, спрашивала: «Как здоровье вашей супруги? Помнится, у нее все зубы побаливали. Привет ей от меня. И знаете что? Передайте-ка ей вот это. Говорят, оно здорово помогает от зубной боли». И, сняв со своей молочно-белой, полной шеи нитку искусственных жемчугов, которым в Бельгии грош цена, протягивала рабочему.

Не все знали, сколько стоило усилий «хозяйке праздника» заучить десяток имен рабочих, чтоб не назвать Семена Спиридоновича Никитой Ивановичем или не вручить брошь из позолоченного серебра Николаю Михайловичу для его супруги, умершей еще пять лет назад. И также не все знали, какую ничтожную долю годовой прибыли составляли все премии, которые выдавались рабочим за их каторжный труд в мокрых и зловонных цехах, за изуродованные ревматизмом руки и ноги, за преждевременную старость и инвалидность.

Кубышка внимательно присматривался к тому, что происходило вокруг, и морщил лоб, прикидывая что-то в уме. На мгновение взгляд его встретился со взглядом человека в добротном пальто, в фетровой шляпе, с красивой тростью в руке. Несмотря на молодость, человек был толст, даже тучен. Он быстро отвел глаза и заговорил с другим человеком, тоже молодым, но худощавым и таким рыжеволосым, что золотыми были даже ресницы.

Оркестр перебрался на деревянные подмости, сколоченные тут же, между столов. Меланхолические вальсы из «Веселой вдовы» сменялись быстротемпными «Матчишем» и «Кек-уоком». На подмости выходили то иллюзионист, превращавший дамские платочки в живых голубей, то восторженный поэт, читавший разбитым, плачущим голосом стихи о «святом подвиге» белой армии, то танцоры, дробно отбивавшие чечётку. Наконец один из танцоров, он же и конферансье, объявил:

- Народный кукольный театр «Петрушка».

На скамьях захлопали, послышались выкрики:

- Даешь!

В городе уже крепко полюбили забавных кукол. Кубышка, подмигивая

по старой клоунской привычке, расставил на подмостках ширмы, Ляся стала рядом. Василек, не посмевающий взобраться наверх, чтобы, как всегда, стоять рядом с Лясей и, в случае чего, преданно защищать ее, вцепился в край подмостков и во все глаза смотрел на ширму.

Сперва все шло обычно: Петрушка пел, плясал, озорничал, колотил палкой капрала, попа, цыгана. Но вот Ляся объявила:

- Начинается новое представление: «Кот в сапогах».

Послышалось густое мяуканье, и на ширму вскарабкался толстый черный кот с зелеными глазами. Петрушка в страхе попятился:

- Музыкантша, это что же такое за чудовище морское?

- Это, Петр Иванович, не морское, а заморское, - ответила Ляся многозначительно.

- А можно его палкой?

- Да ты сначала поговори с ним, Петр Иванович.

- Кис-кис-кис!.. - позвал Петрушка. - Тебе чего надо?

- Дошел до меня слушок, будто ты на все руки мастерок, - басом ответил кот с легким иностранным акцентом и ласково замурлыкал.

- Будьте покойны, Кот Котович: захочу, так и блоху подкую.

- А сапоги мастерить умеешь?

- Ого!.. Лапти умел, а то чтоб сапоги не посмел! Много ли надо?

- Мрр... мрр... - еще ласковее замурлыкал кот. - Если будем делать вместе, то тысяч двести.

- Ты, кот, обалдел? На кой черт тебе такой задел?

И тут кот объяснил, что он уж старый, наел живот, обленился, а есть все больше хочется. Пошли белые мыши войной на серых. Кот помирился с белыми мышами, а те ему стали за это пленных серых доставлять. Все б хорошо, да трудно белым мышам в походах по болотам и полям без сапог маршировать.

- Ладно, - сказал Петрушка, - сяду сейчас за работу, а ты приходи в субботу: выдам тебе сапог партию на всю твою шатию, а тебе, кот, самые крепкие, большие, прямо как стальные.

Петрушка выдал коту сапоги, кот ушел, но вскоре вернулся: на ногах у него опорки. Уж не мурлычет, а ворчит:

- Ты что ж, обманом занимаешься? Песни поешь да прохлаждаешься, а подошвы на сапогах вширь и вкось потрескались!

- Ну?! Это я их малость не дожирил и в сушилке пересушил. Приходи в понедельник, смастерю тебе сапоги, и чересседельник.

Кот забрал новую партию сапог с чересседельником, но опять вернулся и уже не ворчит, а рычит - в первый же день сапоги расплзлись.

Петрушка весело хохочет:

- Это я перезолил, кислоты с полпуда лишек в чан подложил! Жди меня в среду, я сам к тебе с товаром приеду.

Потом подкрадывается к коту и колотит его палкой, приговаривая:

- Получай сапоги! На-ка, ешь пироги!

Кот с ревом убегает. Но рева не слышно: его заглушает буйный хохот, несущийся со всех скамей.

Василек в восторге: никогда еще их театру так не хлопали, как сегодня.

Хлопал и сам Клисней, сидевший за отдельным столом в обществе священника, дам и старших служащих: плохо зная русский язык, он так и не понял зловещего для него смысла этой «милрой народной сказки».

За смехом никто не услышал лошадиного топота и опомнились только тогда, когда у самых столов выросли два чубатых казака на взмыленных дончаках.

- Атставить! - скомандовал один из них. Смех и аплодисменты смолкли.

- Кто тут главный начальник?

Клисней недоуменно поднялся:

- Я эст главный начальник. Что вам угодно?

Казаки взяли под козырек:

- Господин начальник, его высокопревосходительство главнокомандующий вооруженными силами Юга России генерал-лейтенант Деникин выехали из Оружейного завода и изволят сейчас прибыть сюда.

Стало так тихо, что у самых дальних столов слышали, как грызут лошади удила.

Затем все заговорили, а около Клисней началась суета.

- Надо блюдо, блюдо!.. - истерически выкрикивала длинноногая лаборантка завода, прицепившая на голову шляпу с яркими цветами. - Хозяин должен высокого гостя с блюдом встречать.

Кто-то услужливо подвинул к Клисней огромное блюдо с фаршированной рыбиной аршина в полтора, и хозяин уже было взялся за него двумя руками, как толстенная жена главного бухгалтера в ужасе воскликнула;

- Что вы делаете, мусье Клисней! Вы не знаете русского обычая: надо каравай, а не сома! Каравай и серебряную солонку с солью!

- Соли давай! - заорал повару бородатый заведующий хозяйством, вечно перехватывающий от излишнего усердия. - Давай соли, балда!

Меж тем во двор въехало еще несколько всадников. Они расположились так, что наглухо отделили двор от столов с людьми. Рабочие, став на скамьи, с любопытством следили за всеми этими приготовлениями.

С улицы донеслись автомобильные гудки, и во двор одна за другой въехали три открытые машины. Из них стали выходить военные с красными лампасами и генеральскими погонами, усатые, бритые, бородатые. Деникина сразу все узнали по портрету: плотный, в меру упитанный, с седой бородкой на полном лице, обтянутом сухой, как пергамент, кожей, он равнодушно, будто даже сонно, смотрел на неторопливо подходившего к нему ровным шагом Клисней с блюдом в руках. Видимо, главнокомандующему блюда эти давно уже надоели, он знал, что не торжественные речи официальных лиц решат вопрос об исходе борьбы, и если все-таки выслушивал обращенные к нему приветствия и принимал хлеб-соль, то потому, что этого избежать было невозможно.

Из последней машины вышли тоже военные, но в формах необычных: на одном, длинном и худом, был коричневый френч, лакированные краги темно-вишневого цвета и фуражка с карикатурно огромным верхом. Другой, маленький и толстенький, был в берете. Над головой третьего дрожал на пружинке большой розовый помпон, а на четвертом развевалась коротенькая юбка.

Все это были представители военных миссий разных стран, следовавших всюду за Деникиным и его штабом.

Боясь сбиться в русской речи, Клисней произнес свое короткое приветствие по-французски. Говорил он почтительно, но без тени подобострастия, и, когда Деникин выразил желание осмотреть завод, пошел не позади главнокомандующего, а рядом, как хозяин или по крайней мере компаньон. С тем же почтительным и в то же время независимым видом он и объяснения давал в цехах.

- Вот вы либеральничаете с рабочими, всякие празднества им устраиваете, а интендантство мне докладывает, что на фронт все чаще поступает недоброкачественная обувь, - с оттенком неудовольствия сказал Деникин. - Ваши сапоги плохо стреляют, господин председатель.

Клисней ответил в тоне милой шутки:

- Насколько мне известно, господин генерал, на фронте и снаряды далеко не все разрываются, хотя уважаемый директор Оружейного завода господин Попов устраивает своим рабочим празднества совсем в ином духе: он их сдает военному коменданту, а комендант сечет шомполами. Я держусь того мнения, что мой метод обращения с рабочими является более

рентабельным.

И то, что бельгиец отвечал по-французски хотя главнокомандующий говорил с ним по-русски, и то, что он позволяет себе возражать, не понравилось Деникину. До каких пор эти иностранцы будут смотреть на него, как на свое доверенное лицо! Он хотел ответить резко, даже прикрикнуть, но сдержался и только сказал:

- Вот я секвеструю ваш завод, тогда на практике проверим, чей метод лучше.

Бельгиец невозмутимо ответил:

- Не думаю, господин генерал, чтоб мое правительство отнеслось к этому благосклонно. К тому же, генерал, я не вмешиваюсь, когда ваша контрразведка выхватывает у меня подозрительных ей людей.

Этой фразой как бы опять была найдена основа для примирения, и два человека, из которых каждый претендовал на роль фактического хозяина, перешли в следующий цех.

Как ни прочно отделили конники рабочих от Деникина и его штаба, как ни чуждо для русского уха звучали в цехе завода французские слова Клисней, но не прошло и четверти часа со времени отбытия высокопоставленных гостей, а за столом уже все знали о короткой дискуссии, возникшей между представителем иностранного капитала и главой русской белогвардейщины.

...Когда Кубышка выходил в толпе рабочих со двора завода, его дружески похлопывали по плечу, угощали папиросами, совали в карман бумажные деньги. Один подвыпивший парень, которого даже праздничный костюм не освободил от запаха сырой кожи, крепко обнял артиста за шею и громко сказал:

- Правильный старик! Хрен редьки не слаще! Всех бы их... под Петрушкину палку!

А Лясе уступали дорогу и смотрели ей вслед ласково, благодарно и немного удивленно: трудно было понять, что заставляет эту девушку, хрупкую и такую красивую, ходить с тяжелой гармошкой в самую гущу простого народа.

ЗАПИСКА

Утром, когда Кубышка опорожнил карманы пиджака, он в ворохе денег заметил белую бумажку. Развернув вчетверо сложенный листок, видимо вырванный из записной книжки, он прочитал: «Вам и вашей дочери грозит опасность Будьте осторожны. Лучше всего бегите из города. Записку порвите».

У старика сжалось сердце. Кто мог это написать? Во всяком случае, не Герасим: на кожевенном заводе Герасима не было. Да и незачем ему в толпе всовывать в карман записку, если он может все необходимое передать через одноногого.

Кубышка опять прочитал записку. Безусловно, писал хорошо грамотный человек: ни одной ошибки, почерк устоявшийся. Кто может знать об опасности и что это за опасность, от которой надо бежать?

Кубышка крепко задумался. Да, конечно, вчерашнее представление было очень рискованным: сказка не только намекала на то, что делается на заводе, но и заключала в себе «рецепт» порчи кожи. Только дурак не догадался бы, кто такие белые и серые мыши и кого под одобрительный хохот рабочих бил палкой Петрушка. Но тогда почему не арестовали дерзких кукольников там же, на заводе? Не хотели делать этого на виду у всех рабочих? Если так, то арестуют этой ночью.

- Папка, о чем ты думаешь? - сдвинув брови, спросила Ляся.

- Вот... - смутился Кубышка. - Вот все думаю, какую бы разыграть новую сказку. Знаешь, такую, чтобы...

- Неправда, - глядя в упор, прервала Ляся. - Я отлично вижу по твоему лицу: что-то случилось. Говори.

Кубышка помялся и протянул записку.

- Да, - сказала Ляся, прочитав три лаконические строчки, - это не может быть шуткой. На нас надвигается беда. Но уходить не стоит, пока Василек не вернется от калеки. «Там» всё должны знать.

- Ляся, пойми, я старый... - с покрасневшими глазами начал было Кубышка, но девушка опять прервала его:

- Знаю: «Я старый, мне умирать не страшно, а у тебя вся жизнь впереди». Зачем ты это, папка, говоришь? Будем жить вместе, а придется - и умрем вместе.

Василек вбежал запыхавшийся, но радостный, с влажным сиянием в своих чуть раскосых глазах.

- Вот! - Он вытащил из-за пазухи тетрадь. - Одноногий сказал: «Ты малый что надо. Дай срок - я тебе пару сизоплечих подарю». И еще сказал: «В случае чего, листок проглоти, а обложку выбрось».

В листке сообщалось, что представление получилось на славу, но можно было бы дать немного запутаннее, а то очень уж рискованно. И опять рекомендовалось налегать на поговорки.

- Значит, «там» не знают, - опечаленно сказала Ляся. - Что же нам делать?

- Вот теперь и я скажу: давай пробираться в Москву, - решительно заявил Кубышка. - Бросим тут и кукол и ширму - налегке двинемся.

- В Москву?.. - В памяти вспыхнул всеми своими огнями огромный, весь в золоте и красном бархате, зал. Даже в груди защекотало - так захотелось всё бросить и сейчас же, сию минуту пуститься в путь. - Вот какой ты у меня, папка, умный! Конечно, в Москву! Сегодня же, папка, да? Сейчас же, да?

- Да, чем скорей, тем лучше. Собирайся, доченька. Возьмем самое необходимое... Ох, к зиме дело идет, а у тебя даже пальтишка нет!.. Ну, денег у нас теперь достаточно, купим по дороге. Только бы из города выбраться...

Лицо девушки вдруг затуманилось.

- Подожди, папка, - сказала она, сдвигая, как всегда, когда ей приходила в голову новая мысль, свои милые бровки, - только как же оно получается? Мы, значит, убегаем и от «тех» и от «этих»?

- От «этих»? Что ты, доченька, не-ет!.. Да если б «эти» знали, они бы сами нам приказали бежать. Мы пошлем им записку с Васильком... Василек, снесешь, а?

- Снесу-у-у!.. - вдруг заревел мальчик; из глаз его светлыми горошинками покатались слезы.

- Василек, милый мой Василек! - бросилась обнимать его Ляся. - Не плачь! Ты же такой сильный, ты же такой храбрый! Ты ж, малый, что надо!.. Разве мужчины плачут?

- Да-а, вас там поубива-ают!..

- Я сам всех поубиваю! - подмигнул Васильку Кубышка. - У меня за пазухой бомба.

Но мальчик во всемогущество деда уже не верил: раз бежит, какая уж там бомба!

Записка была написана, самое необходимое в рюкзаки уложено, и, когда, прежде чем двинуться в путь, по старому обычаю присели. Ляся, о чем-то все время размышлявшая, сказала:

- Знаешь, папка, мы, кажется, глупость делаем. Если нас в обычных местах сегодня не увидят, то сразу догадаются и бросятся догонять. Давай сначала покажемся с куклами на базаре.

Кубышка, который и сам об этом с тревогой думал, тотчас ответил:

- Доченька, на свете была еще только одна женщина, равная тебе по уму, твоя мать! Бери скорей гармошку!..

Ляся не все договаривала. Она думала: если тот, кто написал записку, действительно что-то знает и хочет им добра, он попытается проверить, остались они или уехали. Он будет искать их по городу, и, может быть, ей удастся узнать, кто он и что им угрожает.

Пока шли к рынку, она еще и еще раз говорила:

- Только смотри, Василек, внимательней, у тебя такие зоркие глаза! Как узнаешь кого-нибудь, кто вчера на заводе был, толкни меня.

И Ляся почувствовала толчок, едва они начали на рынке представление.

- Вон, - показал Василек глазами, - рыжий. Он и вчера все время на нас смотрел.

- Да, я тоже заметила, - тихо сказала Ляся. - Василек, подойди к нему и шепни, чтоб он в три часа пришел в «Дубки».

Мальчик отошел, пошнырял в толпе и с безразличным видом остановился около худощавого юноши в потертой студенческой тужурке.

- Ну что? - спросила Ляся, когда Василек вернулся к ней.

- Сказал: «Приду».

- Ах, Василек, - шепнула Ляся, обдавая мальчика ласковым сиянием глаз, - ты ж действительно парень что надо. Я только одного такого знала - Артемку...

Артемка! Сколько раз слышал Василек от Ляси это имя! Оказывается, здесь, в этом самом городе, жил удивительный мальчишка. Он лучше всех сапожников умел пристрочить к сапогу латку, глубже всех нырял в море, а уж бычков ловил таких, каких теперь никто не ловит, - сладких, как мед! Главное ж, он был великим артистом. Он мог изобразить и базарную торговку рыбой Дондышку, и сына американского миллионера Джона. Сам черный великан Чемберс Пепс, знаменитый чемпион мира по борьбе, дружил с ним. И вот этот мальчишка сгинул. Сгинул, так и не сшив Лясе обещанных туфель, в каких и царевы дочери не ходят. Чего б только ни сделал Василек, чтоб хоть краешком глаза посмотреть на этого Артемку!

После двух представлений Кубышка направился с ширмой и сундучком в чайную «горло попарить», Ляся пошла к крестьянским возам, а Василек с другими ребятами полез по узенькой лестничке наверх, на

дощатый пол, крутить карусель: самый опытный шпион не сразу бы сообразил, за кем увязаться.

Час спустя Ляся и Василек уже были за городом, в дубовой роще. В степной полосе южной России это было редкое место, где росли дубы столетнего возраста. Здесь, в стороне от городской пыли и копоти заводов, промышленники строили свои дачи, сюда, под густую листву деревьев-великанов, приходили справлять маевки рабочие. Но теперь, в осеннюю пору, в роще было безлюдно и так тихо, что слух улавливал даже слабый шорох, с каким ложились на землю пожелтевшие листья.

Девушка шла, опустив глаза к носочкам туфель, будто они только и интересовали ее. Зато Василек оглядывал каждый куст.

В стороне из-за могучего, в три обхвата, ствола высунулась студенческая, с голубым околышем, фуражка.

- Пришел! - шепнул Василек.

Ляся украдкой глянула по сторонам и направилась к каменной беседке, еще не совсем сбросившей с себя багряную листву дикого винограда. В беседке пусто; каменные диваны запушились уже тонким слоем мха; на цементном полу беспокойно движутся тени шелестящей листвы.

Василек остался снаружи, притаился меж кустов акации. В случае чего он каркнет вороной - недаром его обучал птичьему языку Кубышка, который умел перекликаться со всеми пернатыми. Но это не всё: за пазухой у Василька кухонный остро наточенный нож - и горе тому, кто хоть пальцем тронет Лясю! Пусть нет с ней Артемки, зато на страже стоит недремлющий Василек.

Пока Ляся в ожидании стояла посредине беседки, сердце ее билось часто и беспокойно. Но вот студент переступил порог, снял полинявшую на солнце фуражку, негромко сказал: «Здравствуйте!» - и девушка сразу успокоилась: таким он показался ей простым и домашним.

- Здравствуйте, - ответила она. Потом протянула руку и сердечно сказала: - Спасибо. Вы, наверно, очень хороший человек.

От этих слов студент так смутился, что его светлые глаза даже блеснули влагой.

- Что вы! Не-ет! Таких злодеев земля еще не рождала... - Он оглянулся и, понизив голос, спросил: - Как вы узнали, что записку написал я?

- Вы так пристально смотрели, будто хотели что-то сказать... И лицо у вас совсем... не злодейское. Так что же нам грозит? Какая опасность?

Студент помялся, но потом махнул рукой и сказал:

- Знаете что? Я вам все расскажу. Я уверен, что вы не предадите.

- Как странно, - озадаченно подняла на него глаза девушка, - вы уже

второй, кто так говорит, совершенно не зная нас.

- Второй? А первый кто? - настороженно спросил студент.

- Этого я сказать не вправе, - ответила Ляся.

- Ах, извините, я не подумал! Но это только подтверждает, что вам должно всё доверять... Так вот, стою я как-то в толпе, смотрю вашего презанимательного «Петрушку», вдруг кто-то берет меня за локоть: «Алеша, ты?» Поворачиваюсь - Петька. Был у меня такой товарищ... То есть не товарищ, а так, в одном классе учились. Противный парень! Ябеда, трус, наглец... Его никто в гимназии не любил. Он даже гимназию не кончил, а из седьмого класса в юнкерское училище подался.

- Он толстый? - прервала рассказ Ляся.

- Толстый. А вы откуда знаете?

- Это он был с вами на кожзаводе?

- Он. Так вы его знаете?

- Нет, но я догадливая. В цирке я одно время даже выступала в сеансе отгадывания мыслей. Хотите, я расскажу, что было дальше?

- Интересно. Ну-ка, попробуйте.

- Он, наверно, подпоручик или даже поручик.

- Поручик.

- Во время войны служил в тылу.

- Да, в Самаре. Фронта он и не нюхал.

- Когда Юг захватили белые, поступил в контрразведку.

- Немыслимо! - поднял студент свои рыжие брови. - Послушайте, вы ясновидящая?

- Но это ж так понятно! Куда еще может поступить ябеда, трус и наглец? К тому же, наверно, и сын богача?

- Да, отец его рыбопромышленник.

- Вот видите! А дальше так: он заметил, что наше представление не совсем обыкновенное, что Петрушка белых высмеивает, и стал следить за нами. Он переоделся в штатское и пришел на завод. Там он посмотрел нашу сказку и решил, что нас надо немедленно убрать.

- Вот в этом я не совсем уверен. То есть не уверен, что немедленно. Видите, когда шла ваша сказка, он все время делал карандашом на манжете какие-то пометки. И вдруг радостно засмеялся. Слышите, радостно? Я спросил: «Чего ты?» А он мне: «Даю голову на отсечение, что кукольники подкуплены большевиками!» И опять засмеялся.

Ляся задумалась. Студент не спускал глаз с ее лица: брови ее то сходились, то опять расходились.

- Да, - сказала она наконец, - нас могут арестовать и сегодняшней

ночью, но могут еще и долго не трогать. Правильно?

- Правильно, - кивнул студент. - Они будут следить за вами, чтобы обнаружить других. Но я боюсь за вас, Ляся, еще и по другой причине...

- Откуда вы знаете мое имя? - вскинула девушка голову.

И лицо студента залила краска.

- Я... мне... - замялся он. - Ну, считайте, что мне очень нравится ваше искусство... Я ведь сам играл на сцене. Поэтому я так часто ротозейничал в толпе. И, конечно, не раз слышал, как вас старик называл по имени... Вот... Он вытер лоб платком. - Фу, даже взмок весь!

- Так по какой же другой причине? - спросила Ляся помолчав.

- Видите, я должен буквально повторить то, что он сказал вчера, хоть это и резанет ваш слух. Он спросил: «Как тебе нравится эта девочка?» Я ответил, что вы напоминаете мне Психею Кановы. «Ах, вот как! - засмеялся он. - То-то я вижу, что ты ходишь за ними, как привязанный. Но будь уверен, что первым буду я».

- Мерзавец! - вырвалось у девушки.

- Вот тогда-то я и написал вам записку.

Ляся опять задумалась.

- Как же нам быть? Если мы опять... - Она не договорила: издали донеслось карканье вороны. Ляся вскочила со скамьи: - Уходите! Не надо, чтобы вас со мной видели.

- Ляся... - у студента дрогнули губы, - повидайтесь со мной еще раз, если задержитесь в городе!

- Хорошо, - просто ответила девушка. - Мы увидимся здесь завтра в это же время.

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Ночь кукольники провели тревожно: шаги на улице, топот лошадей, чей-то далекий свист, шорох во дворе - все заставляло их поднимать голову и прислушиваться. Только за полночь, когда наступила длительная тишина, им удалось забыться.

Лясе снилось: яркий солнечный день, по обе стороны немощеной улицы шумят тополя. Ляся, почему-то босая, идет, погружая ноги в бархатную теплую пыль. Ах, как светло, какой золотистый воздух кругом, какое чистое небо! Но почему же так тоскливо у нее на душе? Будто плачет в груди скрипка, тоненько и однотонно. Зачем она плачет, зачем, когда вокруг так светло и зелено?

Вдруг кто-то сзади хватается Лясю за руку. Она оглядывается - Василек. Он приподнимается на носки, чтоб достать губами до Лясиного уха, и что-то шепчет. Но Ляся не может понять ни одного слова, и от этого ей делается еще тоскливей, еще безысходней. «Боже мой, я ничего не понимаю! Василек, скажи ясно!» И вдруг Василек шепчет так отчетливо, что Ляся слышит каждое слово в отдельности; «Я нашел Артемкину будку. Иди за мной, только закрой лицо шарфом». - «Нашел?! - вскрикивает Ляся. - Нашел?! Василек, милый, веди, скорей веди меня!»

И вот они уже где-то за городом, на железнодорожных путях. Кругом бурьян, заржавленные вагонные колеса, какие-то грязные тряпки, кучи бурого угля... «Вот она, вот!» - показывает рукой Василек, и Ляся действительно видит сапожную будку, ту самую, в которой жил когда-то Артемка, залатанную, покосившуюся, со ржавой жестяной трубой. Кто же ее перенес сюда, в этот пыльный бурьян, какой злой волшебник?.. Да, да, это сделал колдун, он усыпил Артемку и в будке принес его сюда.

Ляся хватается за дверную ручку, но дверь не открывается. Василек стучит тихонько в окошко, но в будке тихо, как в гробу. «Артемка, Артемка, - жарко шепчет Ляся в щелочку, - проснись! Это я, Ляся!.. Проснись, Артемка, проснись!..»

- Ляся, проснись, проснись, Ляся! - слышит она шепот и открывает глаза. Кто-то стучит, Ляся. Стучит кто-то, - шепчет в темноте над нею Кубышка. Ляся приподнимает голову и прислушивается. Тишина такая, что в ушах звенит. Слышно только, как прерывисто дышит старик. И вдруг: тук-тук-тук... Стучат в дверь со двора, стучат тихо, осторожно... Да, пришли, пришли все-таки...

Ляся ощупью находит платье, надевает и, босая, неслышно подходит к двери.

- Кто здесь? - спрашивает она ломким голосом.

- Это я, не бойтесь... Откройте, только не зажигайте света, - тихо говорит за дверью знакомый голос.

- Герасим! - со вздохом облегчения шепнула Ляся Кубышке и быстро сдернула с двери крючок. Кубышка потянул гостя за рукав:

- Признаться, струхнули... Идите за мной, тут топчан. Как же вы сами не побоялись?

- Не так страшно: тут везде рабочие живут - в случае чего, в любой хате спрячут... Так что же у вас случилось? Получил вашу записку, а понять не могу. Очень уж уж крепко вы ее зашифровали...

- Зашифруешь тут! - вздохнул Кубышка и принялся в темноте рассказывать, какая надвинулась беда на его и Лясину головы.

- Да, дело серьезное... - озабоченно протянул Герасим, когда Ляся в свою очередь рассказала о разговоре со студентом. - Знаю я этого Петра Крупникова на всякую подлость способен. Значит, так: мальчугана больше к «калеке» не посылайте, наладим другую связь. Это раз. Второе: из представлений все «такое» повыбрасывайте, оставьте только старого, прадедовского «Петрушку». И, в-третьих, будьте готовы в любую минуту тронуться: вам тут климат больше не подходит. Скоро отсюда отправляется в Бердянск баркас, мы и вас туда посадим. Документы выправим такие, что ни один черт не придерется. Только о наружности своей побеспокойтесь: вы, папаша, за мастера поедете, а вы, Ляся, за браковщицу.

- Бердянск еще в их руках? - осторожно осведомился Кубышка.

- Покуда в их, но скоро и Бердянск освободят. Слыхали, как генерал Шкуро хвастался на банкете в городском театре, что через месяц в Москве будет? А его, да заодно и генерала Мамонтова, товарищ Буденный так чесанул под Касторной, что костей не собрать. Верьте слову, и месяца не пройдет, как они и тут смотают удочки.

- Кому ж кукол оставить? Васильку, что ли? С самим Петром Ивановичем я не расстанусь: он мне как брат родной... В карман засуну! - с грустной усмешкой сказал Кубышка.

- Оставьте Лунину, студенту этому рыженькому, - посоветовал Герасим. - Хороший парень, только...

- Что «только»? - спросила Ляся.

Герасим усмехнулся:

- Умная голова, да дураку досталась... Ну, да это дело поправимое... Так я пойду. - И, уже стоя на пороге, мягко сказал: - А на меня не

обижайтесь, что втянул вас в нашу работу.

Когда ночной гость ушел, Кубышка и Ляся попытались уснуть, но сон не приходил.

- Папка, я Артемку сегодня во сне видела, - уныло сказала Ляся. - Как он мне нехорошо снится! Каждый раз после этого у меня камень на душе.

- Дался тебе этот Артемка! - проворчал старик. - Слышишь, дождь накрапывает? А под дождь всегда что-нибудь такое снится.

- Не потому... Он мне всю жизнь будет сниться... - Девушка порывисто приподнялась в постели и со слезами в голосе сказала: - Зачем мы тогда не взяли его с собой?!

На улице действительно шел мелкий осенний дождь. Тем не менее Кубышка и Ляся опять отправились побродить с куклами по городу. На улицах военных будто стало еще больше. На каждом перекрестке - проверка документов. Крикливые плакаты «На Москву!», содранные ночью с тумб чьими-то бесстрашными руками, валялись мокрыми клочьями по всем тротуарам, а новые что-то не появлялись... Лязгая цепями, сотрясая землю, проехал огромный танк, на котором стояло несколько офицеров с английским, в крагах, инструктором в центре.

- По лицам видно, что дела на фронте плёвые, - злорадно шепнул Кубышка.

Дав одно представление, кукольники вернулись домой. А в назначенный час Ляся с верным Васильком опять шла по мокрым аллеям рощи.

Студент уже ждал в беседке. Когда Ляся вошла, он с болезненной гримасой сказал:

- Я здесь с утра... Который час, не знаю. Решил, что вы уже не придете...

- Почему? Думали, что нас забрали? - с улыбкой спросила девушка.

- Могло и это случиться... А могли и просто так не прийти... Мокро... «Унылая пора, очей очарованье!..» Но какое же очарованье, когда... Ну да ладно! - прервал он себя. - Спасибо, что пришли. А то сижу - только шорох дождя в листве. Теперь и это приятно. «Приятна мне твоя прощальная краса...»

- Прочтите всё, - попросила Ляся и, когда студент взглянул на нее удивленно, объяснила: - Я тоже знаю эти стихи наизусть, но мне интересно, как читаете вы.

- Хорошо, - сказал он послушно и прочитал все стихотворение до конца, где оно так неожиданно обрывается:

Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но, чу! - матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз - и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.
Плывет. Куда ж нам плыть?..

Читал он хорошо: просто, без ненужного пафоса. Но последнюю строчку произнес с такой горестной ноткой, что Ляся взглянула на него с немым вопросом.

- Да, да, - смутился он слегка, - я тут, кажется, перехватил... Как всегда, вложил в чужие слова свой смысл. Но ведь никто не знает, о чем спрашивал этими словами Пушкин. Может, и он о том же? Конечно, применительно к своему времени.

- А вы о чем? - спросила Ляся, чувствуя за словами студента какую-то драму.

- О чем?.. - студент задумался. - Если вы не поскучаете, я расскажу... тем более, что мне здесь не с кем поделиться, нет друзей. Я много читал, еще до революции, и Маркса, и Каутского, а главное - Плеханова. Какой это мыслитель! Маркс и он открыли мне целый мир. А когда началась революция и Плеханов в своей газете «Единство» стал писать против взятия власти пролетариатом, я растерялся. Сердцем я был с теми, кто штурмовал Зимний дворец, а умом - с меньшевиками. Тут в город пожаловал сам Деникин. И встречает его не кто-нибудь другой, а сам городской голова, меньшевистский лидер Николаев. Встречает с хлебом-солью и с такой вот речью (я ее запомнил назубок): «Ваше высокопревосходительство, мне выпала большая честь приветствовать вас от имени городского самоуправления. Городское самоуправление всегда стояло на страже закона и порядка и верит, ваше высокопревосходительство, в вашу высокую и благородную миссию». А в это время Добровольческая армия уже заливала землю народной кровью, порола крестьян, вешала рабочих. Прочитал я в газете эту речь - и побежал в меньшевистский комитет. Спрашиваю: «Можно мне присутствовать на заседании, когда будут исключать Николаева?» - «За что?» - удивился секретарь «А за речь, сказанную на вокзале». - «Вы, - говорит, - с ума сошли. Эту речь мы в комитете составляли». Я постоял, постоял и побрел домой. А недавно попал мне в руки номер «Правды» с «Письмом к рабочим и крестьянам» Ленина «Меньшевики и эсеры, все без изъятия, помогают заведомым бандитам, всемирным империалистам, прикрашивая

лжедемократическими лозунгами их власть, их поход на Россию, их господство, их политику», - прочитал я там. И до того стыдно стало! Стыдно и больно!.. Особенно, когда прочитал в конце письма: «Долой колеблющихся, бесхарактерных...» Вот уж поистине не в бровь, а в глаз мне!.. - Студент встал, прошелся по беседке и угрюмо сказал: - Извините, что так подробно о себе... Наболело у меня.

- Нет, это интересно, - живо отозвалась Ляся. - Я таких людей еще не встречала.

- Поверьте, я даже хотел махнуть на все рукой и пойти на сцену. Не все ли равно, кто будет играть Гамлета - меньшевик или большевик! Но подумал и решил: нет, искусство не обманешь, от жизни никуда не уйдешь, разве только в могилу. Подумал и так позавидовал одному мальчишке, простому сапожнику, с которым когда-то на любительской сцене подвизался. Уж он-то не знал бы сомнений!..

- Какому... сапожнику?.. - насторожилась Ляся. - Как его звали?

- Мальчишку? Артемкой. А что?

- Артемкой?!

- Неужели вы его знали? - удивился студент. - Но откуда? Ведь это было так давно, а вы только с лета здесь. Он пропал, исчез, как сквозь землю провалился. Или вы его в другом месте встречали?

- Нет... - покачала Ляся головой. - Расскажите мне о нем все, что знаете.

И студент Алеша Лунин, не пропуская ни одной подробности, рассказал, как пришел однажды к ним, гимназистам, босоногий мальчишка-сапожник, чтоб тоже играть на сцене, как долго не давали ему роли и смеялись над ним, как поразил потом он всех своей необыкновенной игрой, как великодушно взял на себя «вину» гимназистов за «крамольную» пьесу и попал в каталажку и как, наконец, исчез из города, не оставив и следа.

Ляся слушала, низко опустив голову. А когда подняла ее, Лунин в испуге вскрикнул:

- Боже мой, у вас в глазах слезы!.. Но почему же, почему?

- Так, - сказала Ляся отворачиваясь, - просто день такой мокрый. Я сегодня уже плакала раз.

ЕЩЕ ОДНОГО ПОВЕЛИ

Дождь не прекращался несколько дней. Немоощные улицы окраины утопали в грязи. Кубышка и Ляся почти не выходили из дому. Даже в полдень в комнате было сумрачно. Ляся томилась еще сильнее. Как ни далеки кукольные представления от гармонического мира звуков и движений, но даже Петрушка был отдушиной для артистической натуры девушки, особенно в последнее время. Теперь же и Петрушка умолк, будто из него вынули неугомную душу озорника и пересмешника.

- Скорей бы отсюда! - с тоской говорила Ляся. - У меня здесь сердце болит.

- Еще бы не болело, когда того и жди... - ворчал Кубышка.

- Не только поэтому, папка... Тут столько всяких воспоминаний...

...Возвращаясь с завода, Иван Евлампиевич, хозяин домика, сумрачно рассказывал:

- Совсем очумели, проклятые! Хватают кого попало. Им там, на фронте, по зубам дают, так они тут отыгрываются. Ну да не отыграются! Скоро уж, скоро...

Однажды он задержался так, что Марья Гавриловна, его жена, даже забеспокоилась. Пришел, когда уже стемнело, и на плече принес мешок с чем-то.

- Вот, - положил он мешок на топчан, - приданое вам. Сказано так: хоть и грязища кругом, а завтра с куклами выйдете в город обязательно. Покажите для отвода глаз чего-нибудь - и домой. А вечером переоденетесь и пойдете огородами в Блюковский переулочек. Там вас на извозчике один студент будет ждать. Он вас и доставит до причала.

- Какой студент? - подозрительно спросил Кубышка.

- А рыженький. Да вы его, сказал Герасим, знаете. Это ему вроде первого партийного поручения. У него и документы ваши. И вот еще что: не говорите покуда Ваське нашему, а то тут реву не оберешься. Еще за вами увяжется.

В мешке были сапоги, стеганки, вязаные фуфайки. Кубышка и Ляся тотчас же принялись все это примерять. Конечно, не все было впору, а сапоги так даже совсем не держались на Лясиных ногах, и ноги пришлось обмотать полотенцами.

Кубышка повеселел. Он помнил совет Герасима ничего «такого» в представления не вводить, но его так и подмывало вернуть напоследок

парочку доходчивых пословиц, и он мысленно перебирал все, что могло подойти к случаю. Отправляясь на другой день в город, он сунул в свой сундучок и Благоразумного.

В сырой, дождливый день народу было на рынке не густо, но все так же тянули слепцы свое «Мимо царства прохожу», и все так же одноногий всех оповещал, что завтра он уедет в Ростов и ляжет там на операцию.

Кубышка расставил ширму, вяло провел обычное представление и, подавив в себе соблазн выпустить Благоразумного, «свернул» свой театр.

Кукольники медленно шли по городу, в последний раз оглядывая его добротные особняки, скверы, церкви, Кубышка - с надменным презрением, Ляся - со скрытой болью.

Вот двухэтажное белое здание с длинной вывеской наверху. На синем поле вывески - выпуклые золоченые буквы: «Гимназия». Вот растянувшийся на целый квартал и уже весь облетевший сквер. В светло-серых шинелях и синих фуражках с серебряными гербами по скверу снуют туда и сюда юркие гимназисты. А вот и чугунные ворота; там, в глубине двора, барский дом-вилла, а в нем засело второе отделение контрразведки, прославившееся своей особенной жестокостью. Кубышку обжигает дерзкая мысль:

- Давай-ка, доченька, «попрощаемся» с этими выродками!

Посредине сквера, прямо против чугунных ворот, он быстро расставил свою ширму и начал представление.

Тотчас же кукольников окружили гимназисты. Старшие слушают с деланной снисходительностью, малыши не мигая смотрят на кукол блестящими глазами и вспугивают галок взрывами рассыпчатого смеха. Подходят и взрослые и тоже слушают ухмыляясь. Но вот на ширме появляется Благоразумный. Петрушка отворачивается и хочет уйти.

- Куда же ты, Петр Иванович? - спрашивает Ляся.

- А ну его! - отвечает Петрушка. - Тошно смотреть, не то что разговаривать.

- А ты все-таки поговори: может, ума наберешься.

- От него-то? Как бы не так! С собакой ляжешь - с блохами встанешь. Ну уж ладно, поговорю... Извольте прогуливаться, барин? Наше вам почтенье в то воскресенье!

- Ты опять тут, балагур? - отвечает ворчливо Благоразумный. - Все в рассужденья пускаешься? Ты богу угоди, а сам думать погоди.

- Значит, нам жить в кротости, а нас палкой по кости? - язвительно спрашивает Петрушка.

- А хоть бы и так. Не твоего ума дело - рассуждать. Всяк сверчок знай

свой шесток. Да работай поусердней - вот и сыт будешь.

- Мы и так стараемся, ваша милость, живем - не тужим, бар не хуже: они на охоту, мы - на работу; они - спать, а мы - опять; они выспятся да за чай, а мы - цепами качай...

- А ты потише, потише! Тише едешь - дальше будешь. Сильную руку богу судить.

- Вона! Собором и чёрта поборем!.. - задорно смеется Петрушка.

- Ну, ты это брось. Делай мирно: недоволен - подай в суд, там разберут.

- Уж это верно! Суд - что паутина; шмель проскочит, а муха увязнет.

- Что? Что? - грозно кричит Благоразумный. - Ну-ка, повтори!

- Могу и повторить, - охотно отвечает Петрушка и вытаскивает палку.

Среди малышей веселое оживление:

- Этого тоже побьет!

- Вот сейчас треснет!

И в контраст с их звонким щебетанием до Ляси доносится чей-то угрюмый голос:

- Та-ак!.. Еще одного ведут.

Взрослые, забыв о Петрушке, повернулись к мостовой. И только гимназисты, привыкшие к тому, что здесь целыми днями водят арестантов - то из тюрьмы в контрразведку, то из контрразведки в тюрьму, - с любопытством продолжали смотреть на ширму.

Как удручающе действовали всегда на Лясю эти картины! Бедные люди! За что их мучают? Вот и сейчас: два стражника, а посередине совсем молодой парнишка На дворе так холодно, так мокро, а он босой, без шапки, в одной ситцевой рубашке, да и та в прорехах, сквозь которые видно голое тело.

Все ближе стражники, все громче глухой стук их сапог о булыжную мостовую... Парнишка поднял голову и с любопытством глянул на ширму. Бедный, бедный паренек! Может, и жить тебе осталось два дня, а ты все еще тянешься к забаве, к каким-то куклам!..

Взгляд паренька оторвался от ширмы, скользнул по толпе и встретился глаза в глаза - со взглядом Ляси. И будто молния озарила память девушки...

- Боже мой! - шепнула она, роняя гармошку. Парень весь дернулся, как от электрического тока, и остановился, вытянув вперед худую шею.

- Чего стал!.. - крикнул конвойный и пхнул парня сапогом.

- Подожди, - сказал парень хрипло. - Прошу тебя, подожди минутку, будь человеком!

Второй конвойный повернул винтовку и молча толкнул парня прикладом в спину.

И, пока арестанта не подвели к чугунным воротам, он все рвался назад, а его все толкали прикладом.

«НЕ РОДИЛСЯ ЕЩЕ ТОТ КАТ...»

Пепс и Артемка, выехав ночью из Припекина, медленно продвигались на север. Приметная внешность Пепса вынуждала путников быть особенно осторожными. Деревни они объезжали стороной, днем прятались в балках, в лесных посадках. И все-таки им не удалось избежать встречи с гетманцами. Пять всадников в шапках и синих жупанах съехали по спуску в балочку и круто остановили лошадей.

- Шо ж воно такэ? - выпучил глаза передний.

- Мабуть, трубочист, - предположил другой.

- Арап, - догадался третий.

Обнажившись до пояса, Пепс чистил привязанную к дереву лошадь.

Артемка бросился навстречу всадникам. Надо было действовать решительно, ничем не обнаруживая страха.

- Это борец, добрые люди, чемпион мира, вроде нашего Ивана Поддубного. Покурить нема?

Всадники переглянулись и опять уставились на Пепса.

- Вин шо, усих боре? - спросил третий, мордастый, краснощекий и такой огромный, что под ним приседал конь на задние ноги.

- Всех подряд, ни один не устоит! - гордо ответил Артемка.

Здоровяк поморгал, потом медленно слез с коня, сбросил на землю шапку, жупан и широко расставил ноги:

- А ну, давай!

Пепс, улыбаясь, взял гетманца поперек туловища, приподнял и осторожно положил на землю.

- Ги-го-го-го!.. - заржали всадники.

- Хай ему бис! - отряхиваясь, поднялся посрамленный гетманец. - Такого ще не було, щоб менэ боров.

Гетманцы угостили путников махоркой и уехали. Осмелев, Пепс и Артемка больше уже не прятались. Они дерзнули даже заночевать в хуторе, на сеновале у кулака. Кулак, поняв из подслушанного разговора, что заезжие пробиваются к красным, а красные были близко, запер на болт дверь сарая. Пепс, конечно, дверь высадил, но к хутору уже мчался во весь опор конный отряд.

Вскочив на лошадей, Пепс и Артемка бросились со двора, и им наверняка удалось бы ускакать, если б под Артемкой не упала, споткнувшись, лошадь. Пепс бросился на помощь другу, но Артемка так

яростно крикнул ему: «Беги!», что бедный негр только жалобно охнул и пустил лошадь во весь опор. Когда он с отрядом красногвардейцев вернулся в хутор, Артемки там уже не было.

Допрашивали Артемку в маленьком заштатном городишке Святодухове. На столе у следователя лежал кусок парчи, вынутый у Артемки из-за пазухи. Мог ли гетманец поверить, что парчу эту паренек купил на свои трудовые деньги еще шесть лет назад и с тех пор не расстаётся с нею в глупой своей мечте встретить опять девочку-канатоходца Лясю и сшить ей самые красивые на свете туфли!

- Ты шо, святой божий храм ограбив? - спросил следователь.

Артемка не знал, как объяснить наличие у него парчи, но хорошо знал, что гетманцы и сами грабили все, что попадалось под руки. Надеясь поэтому на снисходительность, он сказал:

- Да, малость того...

- И попа убыв?

- Нет, зачем же!

- Бреешь, убыв. По морде бачу, шо убыв.

Артемка пожал плечами.

- Ну, а чога ж ты к красным драпав?

- Я боялся, что вы батогов всыпете, - сказал Артемка, будучи уверен, что за перебежку на советскую сторону по политическим причинам его тут же зарубят.

- Та мы ж таки и всыпымо... Эй, Мыкыта, стягай с его штаны!

Мыкыта, жилистый мужик с редкими усами и редкими желтыми зубами, видимо, знал толк в деле больше своего начальника. Он сказал:

- Зараз. Треба ще потрусить.

Он снял с Артемки сапог и отодрал подошву. Между подошвой и стелькой лежали документы.

- Ось, бачите? Надягайте очки.

Следователь нацепил на красный бугристый нос пенсне в металлической оправе и принялся читать документы. Узнав, что перед ним делегат на Первый Всероссийский съезд социалистической молодежи, везущий письмо к самому наркому Луначарскому, он удивленно, поверх очков, оглядел пленника:

- Дывысь, яка птыця!

Артемка спокойно сказал:

- Это не мои сапоги. Я снял их с убитого партизана.

- За шо ж ты его убыв? - недоверчиво спросил следователь.

- За то, что он в сапогах, а я босой, - хитровато подмигнул Артемка.

- Бис тэбэ разбэрэ, - плюнул следователь. - Ты видкиля родом?

Артемка назвал свой родной город.

Следователь задумался. Пенсне съехало набок, на губах застыла блаженная улыбка.

- Ох, и рыбци ж там гарни! Божже ж мий, яки там гарни рыбци!.. Мыкыта, ты колы йидешь туды за кожу?

- На тий недили.

- Так визьмы, Мыкыта, с собою и цього хлопца, нехай вони сами там його повисять на шибельныци, а мени може за те хоть десять рыбцив с тобою прышлють...

И Артемку с протоколом допроса и парчой повезли в сторону, совсем противоположную той, куда он так стремился.

Мыките казаки не дали ни кожи, ни рыбцов, а Артемку посадили в тюрьму и там долгое время держали вместе с бандитами и профессиональными убийцами, так как Артемкино «дело» куда-то запропастилось. Потом оно всплыло в шестом участке государственной стражи, оттуда перешло в казачью контрразведку, из казачьей в первое отделение контрразведки Добровольческой армии, а из первого отделения его, по просьбе следователя Крупникова, передали во второе. И, по мере того как это дело переходило из одного места в другое, рос и сан «убитого» Артемкой духовного лица. Сначала оно было обыкновенным священником, потом стало благочинным, потом протоиереем и наконец епископом.

Во второе отделение дело пришло в таком виде: местный уроженец Артемий Загоруйко, по профессии сапожник, грамотный, семнадцати лет от роду, служил в Москве в Чека, оттуда был направлен в Киев, где поджег собор и топором зарубил епископа Иосифа. Завладев его ризой, он бежал в Донбасс и там на базарах и в трактирах, облаченный в епископскую ризу, совершал архиерейские богослужения, бесстыдно при этом сквернословя. За такие подвиги был своими почитателями избран делегатом на Первый Всероссийский съезд социалистической молодежи и послан в Москву, в театральную школу, для усовершенствования в способах маскировки при выполнении заданий Чека. Руководил всеми этими делами Артемия Загоруйки сам диавол, принявший образ трубочиста и всюду сопровождавший чекистского святотатца и убийцу. При задержании Загоруйки диавол ускакал на красной лошади в «Совдепию».

Вся эта нелепость понадобилась составителям дела для того, чтобы внушить верующим людям, будто большевизм есть порождение ада. Артемку предполагалось, прежде чем повесить, долго возить по станицам и деревням и показывать народу; при этом Артемка должен был сам

рассказывать о всех своих злодеяниях и дружбе с дьяволом. Но Артемка, признав только то, что вытекало из отобранных у него документов, остальное начисто отметал и, сколько его ни истязали, упорно стоял на своем.

Тогда взялся за это дело Петр Крупников, считавшийся в городе одним из самых искусных следователей. Ознакомившись с протоколами допросов, он сразу догадался, что «друг дьявола» есть не кто иной, как тот самый сапожник-мальчишка, который спас гимназистов от больших неприятностей, но, когда Артемку ввели к нему в кабинет, сделал вид, будто только теперь узнал его:

- Как! Ты?.. Тот самый Артемка, который так великолепно сыграл Феклу? Вот не ожидал!.. Да ты помнишь ли меня?

В толстом, будто надутым воздухом поручике Артемка узнал того противного гимназиста Петьку, который когда-то строил ему рожицы и всячески потешался над ним.

- Помню, - сказал он угрюмо.

- Идиоты! - выругался сквозь зубы Крупников, разглядывая на лице Артемки кровоподтеки. - Что они с тобой сделали! Форменные идиоты!.. Ну, да ничего. Теперь ты за мною числишься. Пальцем не позволю никому тебя тронуть!.. Садись, Артемка. Садись и рассказывай все, что с тобой случилось. Можешь быть со мной абсолютно откровенным. Как-никак, подвизались в детстве на одной сцене. Ах, детство, детство, золотая пора!.. - покрутил он круглой, как у кота, головой. - Каким все тогда казалось чудесным, вкусным... А теперь... Эх!.. Изгажено все... Так вот, Артемка, познакомился я с твоим делом, и сразу, конечно, увидел, что в нем полно вздора. Чего стоит один этот дьявол в образе трубочиста! Глупо. В таких трубочистов верят теперь только кликуши. Я, Артемка, займусь тобой по-деловому и с полным к тебе доброжелательством. Рассказывай, брат, не стесняйся. Курить хочешь? Вот английские сигареты. Прелесть!..

Для Артемки было достаточно того, что «Петька толстый» сидел за столом следователя контрразведки, чтобы замкнуться.

- Чего ж вам от меня требуется? - спросил он, глядя исподлобья.

- А, пустяки! Сущие пустяки!.. Ну, поездишь по деревням, расскажешь, как московские чекисты уговорили тебя угробить этого несчастного попа и обокрасть церковь, ну, нарисуешь перед ними две-три картинки, как грабили партизаны крестьянские дворы...

- Я в Москве не был, церковь не обкрадывал, попа не убивал, а партизаны крестьян не грабили, - перебил Артемка Крупникова.

- Артемка, милый, ну какое это имеет значение! - с ласковой укоризной

сказал Крупников. - Да если хочешь знать, я сам уверен, что поп - выдумка. Разве в этом дело? Дело в том, что это к тебе уже прилипло, и его не отдерешь от тебя никакими силами. Подумай, на кой черт тебе болтаться на виселице, когда в груди у тебя сидит второй Щепкин! Ты своим талантом всю страну потрясешь. Тебе благодарная Россия монумент воздвигнет!

- Как же так? Попа убил, церковь ограбил, а Россия монумент воздвигнет? - спросил Артемка.

Крупников смущенно крикнул, но тут же нашелся:

- Милый мой, мы же тебя потом реабилитируем. Скажем, что ты действовал под гипнозом... Ну да, под гипнозом! Загипнотизировал тебя большевистский доктор...

- Не выйдет, - коротко сказал Артемка.

- Ну, это не выйдет, что-нибудь другое придумаем. Боже мой, все же в нашей власти!

- Я не о том, - вперил Артемка в следователя взгляд своих заплывших, в кровавых подтеках глаз. - Не выйдет, чтоб я изменил народу. Мне дело Ленина дороже моей жизни. Точка.

Крупникова будто пружиной подбросило.

- Точка?.. Ну нет, это мы еще посмотрим!.. - Он замахнулся кулаком, но не ударил и принужденно засмеялся. - Фу, Артемка, какой же ты осел! Только взволновал меня. А мне, брат, волноваться нельзя, у меня ожирение сердца... Вот что: давай сейчас этот разговор прекратим. Я успокоюсь немного... Дурак, за тебя же волнуюсь!.. А ты подумай на досуге. Встретимся - тогда возобновим разговор.

- О чем разговор? Я все уже сказал: точка.

- Ну, ладно там, точка! «Точка, точка, запятая, минус рожица кривая...» На-ка вот,хвати с собой пачку махорки. А то вашему брату и покурить там не дают... Конвойный, уведи арестованного!

Три раза еще пытался Крупников уговорить Артемку «взяться за ум», но каждый раз слышал в ответ одно и то же слово: «точка». Потеряв терпение, Крупников ударил его с размаху кулаком в лицо. Артемка вытер рукавом кровь и дерзко сказал:

- Не родился еще тот кат на свете, чтоб сделать из Артемия Загоруйки предателя, - понял?

В день, когда он так неожиданно увидел на бульваре Лясю и почувствовал в груди страшный толчок сердца, его вели на тринадцатое по счету избиение.

БЕДА

Ляся лежала на топчане вялая, безразличная ко всему. За окном кончался серый, неприветливый день. Осторожно, как говорят с больными, Кубышка сказал:

- Ляшенька, пора. Одевайся, деточка.

- Сейчас, - не сразу отозвалась девушка.

Она опустила с топчана ноги и начала обматывать их полотенцами.

Когда окончательно стемнело, Марья Гавриловна повела своих квартирантов к назначенному месту. В темноте несколько раз перелезали через мокрые изгороди, увязали в размякшей земле огородов. Когда вышли в тихий Блюковский переулок, впереди увидели красноватую светящуюся точку. Это Иван Евлампиевич раскуривал сигарку в знак того, что путь свободен.

Вот и темный силуэт извозчицкой пролетки. Верх поднят. Понурая лошадь не шевелится, покорно принимая на себя дождевые капли.

Из-за пролетки вышел в плаще Лунин; не здороваясь, сказал тихо:

- Садитесь скорей, промокнете.

Кубышка обнял Ивана Евлампиевича, поймал в темноте руку Марьи Гавриловны и поцеловал ее. Всхлипнув, Марья Гавриловна перекрестила его. Потом прижала к груди голову Ляси и зашептала:

- Красавица, милая, звездочка ясная! Василек тосковать будет. Услала его к соседям, вернется - глаза выплечет.

Сели в пролетку и сразу услышали дробный стук дождя о клеенчатый верх. Лунин поместился против Кубышки и Ляси на скамеечке.

Когда пролетка тронулась, Кубышка огорченно сказал:

- Эх, Петрушку забыл! Других кукол не жалко, а Петрушку... Ах, как же это я!

- Я вам его почтой пришлю, - пообещал Лунин.

- Ну, разве что... Очень буду вам благодарен, голубчик! Привязался я к нему, старый дурень, как к живому.

Пока ехали, Ляся не проронила ни слова. На пристани, около большого мрачного баркаса, копошились закутанные фигуры: несли на плечах разбухшие мешки, тащили по сходням огромные круглые корзины, сверху покрытые брезентом. Казалось, не люди, а хищные звери сбежались сюда в темноте со всех сторон, чтобы терзать и растаскивать добычу. Кубышка, работая локтями, пробрался сквозь эту толпу спекулянтов на баркас в

поисках свободного местечка. Ляся И Лунин остались около пролетки.

- Вы можете меня спрятать? - шепотом спросила девушка.

- Что? - не понял студент.

- Я спрашиваю, вы можете меня где-нибудь спрятать? - твердо повторила она.

- Но ведь вы уезжаете... - растерянно сказал Лунин.

- Я остаюсь. И не вздумайте меня отговаривать.

- У меня полгорода знакомых. Да, наконец, вы могли бы и у нас перебыть: я живу только со старушкой матерью... Но почему же, почему?..

- Потому, что я не могу оставить Артемку в беде. Он здесь, в контрразведке.

- Что-о? - забыв об осторожности, воскликнул Лунин. - Артемка здесь? И вы его видели?

- Я вам потом все расскажу. А сейчас помогите уговорить отца уехать.

Когда Кубышка вернулся, Ляся сказала:

- Папа, давай прощаемся... И не трать лишних слов: я все равно останусь. Меня спрячут. А ты поезжай. Если ты тоже останешься, нас схватят скорее.

Старик застонал.

- Папка, - прильнула к нему Ляся, - ты же у меня такой умный, ты же все на свете донимаешь!..

- Я так и знал, я так и знал... - сокрушенно бормотал Кубышка. - Господи, так лучше ж ты поезжай, а я останусь!

- Останусь я, - твердо сказала Ляся. - Я, а не ты. Не надо зря тратить время.

Кубышка знал, что, если Ляся уж решит что, с ней не сладишь. И он сказал:

- Деточка, так не гони ж, по крайней мере, меня. Я и до места не доеду умру в дороге от одного страха за тебя...

Ляся заколебалась: в голосе отца было столько муки!

- Едемте! - взял их под руки студент. - Я вас обоих спрячу.

И они опять сели в пролетку. Когда проезжали вблизи покинутой квартиры, Кубышка, выбитый из равновесия всем происшедшим, вдруг выскочил из пролетки и со словами: «Подождите за углом, я сейчас... Я не Тарас Бульба, но не хочу, чтоб и кукла оставалась вражьей силе!» - скрылся в темноте.

Время шло, а старик не возвращался. Лунин прокрался к домику, заглянул в окно - и скорей к пролетке.

- Гони!.. - шепотом бросил он вознице. - Гони что есть духу!..

- Боже мой, что случилось? - Испуганная Ляся рванулась из пролетки.
Но Лунин схватил ее в охапку и опять зашипел:
- Да гони же, гони!..

ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПЕТРУШКИ

Когда Кубышку ввели в кабинет следователя, Крупников, начавший уже терять терпение, строго спросил:

- А дочь?

Вылощенный поручик, руководивший операцией, равнодушно сказал:

- Нет ее там. Я на случай, если появится, оставил людей. Вот вам ваш носатый тезка, - положил он на стол Петрушку.

- Черт!.. - выругался Крупников. - Вы мне, поручик, все дело загубили! Дернула ж начальника нелегкая поручить арест такому...

- Осторожней! - предупредил вылощенный. Он подошел вплотную к Крупникову и брезгливо процедил: - Я не обязан доставлять девочек сынкам тугосумов. Швейцар в доме моего отца на Лиговской рыбных промышленников дальше передней не пускал.

Крупников поморгал и оторопело сказал:

- Ну, то на Лиговской... Ладно, идите.

- И когда мне выйти, я тоже сам знаю.

Бормоча под нос: «Толстобрюхое хамье...» - поручик вразвалку пошел к двери.

- Ну-с, товарищ кукольник, попались? - повернулся Крупников к смертельно бледному Кубышке. - Хотел я вас еще немного понаблюдать на воле, да очень уж вы обнаглели: под самым окном контрразведки большевистскую песню затянули.

У Кубышки на щеке вздрагивал мускул. Он старался овладеть собой, но щека все подергивалась, и это мешало ему найти нужные слова. Все же он сказал:

- Вы находите, что «Вдоль по Питерской» - песня большевистская?

- Я нахожу, что тебе не отвертеться... - Крупников потянул к себе лист бумаги. - Фамилия, имя, отчество?

Кубышка назвал себя.

- Профессия?

- Артист.

Крупников оттопырил губы:

- Арти-ист!.. Сколько получаешь?

- Дают, кто сколько может.

- Я спрашиваю, сколько большевики тебе платят в месяц? За сколько ты им продался?

- Я не продаюсь, - ответил арестованный, начиная по мере допроса овладевать собой.

- И ты будешь утверждать, что вот это носатое чучело говорит не по большевистским шпаргалкам?

- Этот народный любимец говорит раешником и пословицами, а пословицы есть соль народной мудрости.

Крупников с интересом поднял глаза:

- Хитер!.. Но какая польза в хитрости? Еще в прежних судах, где сидели присяжные заседатели, в увертках был какой-то смысл. А мы ведь тебя и судить не будем. Удавим - и все.

- Я - ваш пленник, - уже спокойно ответил Кубышка; он знал, что обречен, и только мысль о Лясе сжимала ему сердце.

Крупников взял со стола Петрушку, поиграл им, прищуренно глядя не на куклу, а на карниз стены, и сказал, растягивая слова:

- Вот что, старик: все мы живем раз, умирать никому не охота. Живи и ты. Придет время, все утихомирится, ты узнаешь покойную старость. Я даже отдам тебе вот этого твоего любимца. Пожалуйста, ходи, артист, и забавляй людей. Но все это при двух условиях. Во-первых, ты назовешь нам тех, кто тебе платит. Понимаешь, старик, не верю я, чтобы ты действовал, как говорится, по убеждению. На кой черт тебе, бродячему кукольнику, какие-то там убеждения! Твои убеждения - это не пропасть с голоду, добре поесть, добре выпить. И правильно! Для того живем. Второе условие такое: ты напишешь своей дочке записочку... - Моя дочь в море, - прервал его Кубышка.

- Если б она была в мире, ты бы этого не сказал. Продолжаю; ты напишешь дочке записку, чтобы она, ради твоего спасения, пришла ко мне. Не сюда, нет! На квартиру. - Крупников перегнулся через стол и многозначительно уставился своими круглыми, с маслянистым блеском глазами в задрожавшее лицо старика. Понимаешь? - Он встал, открыл сейф. На пухлой руке повисло ожерелье. - Видишь? Чистый малахит. Недавно потрусили одного еврея... И вот, - бросил он на стол массивный золотой браслет. - Великоват, конечно, но из большого сделать малое легче, чем из малого большое... И вот. - На стол упал серебряный в форме змеи пояс. - И это, - помахал он в воздухе черными, с шелковым блеском чулками. - Мечта наших дам, интимный дар французских друзей. Всё - ей. И ходить она будет не в полинялом ситце, а в бархате, как ей и подобает, ибо вся она - как английская статуэтка. Если ты не дурак, то и дочь свою осчастливишь, и сам при ней будешь жить припеваючи. - Крупников опять уселся в кресло и взял в руки Петрушку.

По мере того как он говорил, лицо Кубышки все гуще багровело и все чаще вздрагивал на щеке мускул. Когда Крупников сел, старик еще несколько секунд молча смотрел ему в лицо. И вдруг, резко выбросив вперед руку, сказал:

- Дай!

И столько было силы в его голосе, такая прозвучала убежденность в своем праве приказать, что Крупников раскрыл от изумления рот и послушно протянул куклу.

Не спуская со следователя горевших гневом глаз, отчеканивая каждое слово, старик сказал:

- У Петрушки нет в руках сейчас палки, но он голову свою не пожалеет, чтобы наказать подлеца...

Взмах руки - кукла мелькнула в воздухе, с сухим треском ударила следователя в лоб и распалась на куски.

Отшатнувшись, Крупников гулко стукнулся о стену затылком.

- Конвойный! - взревел он. - Бей его! Топчи! Глуши!

Окровавленного Кубышку отвезли в тюрьму. Попал он в ту же камеру, где столько месяцев томился Артемка.

ЛУНИН ДЕЙСТВУЕТ

По два раза в день вывешивались у здания градоначальника сводки о «победоносном» и «ничем не отвратимом» движении белых армий на Москву. Отпечатанные на машинке, сводки эти попадали под стекло витрины раньше, чем в редакции газет, и к двухэтажному, с колоннами дворцу в стиле ампира тянулись заполнившие город сиятельные дегенераты, лысые, в роговых очках банкиры, бородатые, в синих, из тонкого сукна поддевках и бритые, в английских смокингах промышленники, кадетские и махрово черносотенные лидеры, обсыпанные пеплом сигар журналисты, пронырливые, с глазами голодных волков спекулянты. Наступая друг другу на ноги, они толпились на каменных плитах тротуара и так громко сопели, читая свежие строчки сводок, будто внюхивались в каждое их слово.

Но вот в сводках неожиданно появилась весьма подозрительная фраза: «По стратегическим соображениям...» Через два дня всплыла фраза уже открыто неприятная: «Под давлением превосходящего по численности противника...» А затем застекленная дверца и совсем перестала открываться, и за нею, наводя злую тоску, линяла старая сводка, уходящая своей датой все дальше назад.

Встревоженная «соль Русской земли» направилась к дому окружного атамана. Но туда в это время пригнали под конвоем человек двести арестантов дезертиров, мелких воришек, босяков, и прямо на улице стали выдавать им военное обмундирование.

На крыльцо вышел атаман, широкозадый казачий генерал. Багровея и раздувая усы, он заорал:

- Идиоты! Кого вы привели? Да они же при первом выстреле разбегутся или сами начнут стрелять нам в спину! Разогнать эту шпану!

И «шпана» с радостным гиканьем смылась.

Видя такое дело, стала из города «смываться» и «соль».

Но чем хуже складывались для белых дела на фронтах, тем яростнее работала контрразведка. Ляся, пленница маленького флигелька старушки учительницы, куда ее спрятал Лунин, таяла на глазах своей хозяйки. Девушка считала себя виновницей страшной беды, в какую попал ее отец, и мучилась угрызениями совести. Когда Лунин привел к ней ночью Герасима, тот только головой покачал.

- Эх, ты! - сказал он студенту укоризненно. - Не выполнил задания.

- Она не захотела, - вздохнул Лунин.

- Не захотела! А ты бы ее связал да в баркас бросил.

Ляся взяла обеими руками руку Герасима и, заглядывая ему в глаза, сказала:

- Мы спасем их, товарищ Герасим?

- Кого - их? - спросил он.

- Отца и Артемку?

- А остальных?

- И остальных. Но если бы вы знали Артемку...

- Знаю Алексей мне уже рассказал. Да, по всему видать, парень он настоящий. - Герасим помолчал и сурово сказал: - Ляся, я вас уважаю: вы тоже настоящая. Если б вы бросили его тут, я б... Ну сами понимаете...

- Не дали б мне путевку в Москву? - слабо улыбнулась девушка.

- Не дал бы, - серьезно подтвердил Герасим. Он опять помолчал и будто с удивлением сказал: - Сколько хорошего на этой земле! Вот та, что за мужем на каторгу поехала... Волконская. Я б ей памятник поставил, даром что княгиня... Так вот, Ляся, скажу вам не таясь: дело серьезное, дело трудное. Как справимся, и сам не знаю еще. Но... отбивать будем. Там, среди тюремщиков, у нас есть свой человек. Он предупредит, когда их поведут.

- Куда поведут? - замирая, спросила Ляся.

- Ну... сами знаете. Что другое, а тюрьму они ликвидировать будут.

Ляся вздрогнула:

- Да, я понимаю... Но вы ведь и меня возьмете с собой, правда?

- Что вы, милая!.. - даже засмеялся Герасим. - Вы нам еще для другого дела пригодитесь.

- Значит, так, - зло сказала Ляся: - одни ни на что больше не нужны, как только отдавать жизнь в борьбе, а другие, вроде меня...

- Ну, хватила! - перебил ее Герасим и пожаловался: - А с тобой трудно, девушка! Понятно теперь, почему Алексей не выполнил поручения. Что ж, когда так, пойдешь сестрой. С йодом пойдешь, с бинтами...

- Я пойду с Лясей рядом, - сказал Лунин.

- Тоже с йодом? - прищурился Герасим.

- Нет, с револьвером.

Утром Лунин отправился прямо в контрразведку. В кабинете Крупникова сидели военные. Все они склонились над столом, на котором в беспорядке лежали какие-то списки.

- Что тебе, Алеша? - неохотно поднял голову Крупников.

- Извини меня, Петя, но я отберу у тебя ровно две минуты. Дело...

гм... приватное.

Крупников вздохнул и посмотрел на военных. Те молча вышли.

- Вот что, Петя, - прямо приступил Лунин к делу: - в городе, ты знаешь, тревожно. Как-никак, мы с тобой сидели за одной партой. Я хочу тебя спросить: в случае чего, ты сможешь мне уехать?

- Вот как? - удивился Крупников. - А я думал... Ведь ты, кажется, с меньшевиками?.. Нет, я беспартийный. Но все равно, я с большевиками здесь не останусь. Да и меньшевики, насколько мне известно, собираются уехать. По крайней мере, Николаев уже чемодан уложил.

- Городской голова? Ну, этот, конечно... Что ж, Алеша, дело несложное. То есть несложное пока, а дальше - черт его знает... В общем, зайди завтра. Сегодня я - вот, - провел он пальцем по горлу. - Некогда вздохнуть.

- А что? - участливо спросил Лунин.

Крупников оглянулся на дверь и доверительно шепнул:

- Тюрьма. Списки просматриваем.

- А... - равнодушно отозвался Лунин. - Это, наверно, не очень приятное занятие - возиться...

- А что в нашем деле приятное? Нас вот даже свои ругают: «Засели в тылу, душите безоружных...» А попробовали бы они сами посидеть здесь, чистюльки сиятельные, вояки паршивые! Только отступить умеют. Меня один такой безоружный недавно так хватил по морде, что я думал - и дух вон. Видишь, какой герб нарисовал?

- Да, в самом деле, - сказал Лунин, сочувственно разглядывая на лбу Крупникова сине-багровое пятно. - Ты б припудрил его.

- Пудрил уже... Да! - вдруг оживился Крупников. - Ты ж его знаешь - это тот, кукольник! Помнишь?

- Кукольник? Неужели?.. - привскочил Лунин на стуле, но сейчас же овладел собой и возмущенно воскликнул: - Ах, хам какой! Значит, ты его все-таки схватил?

- Схвати-ил! Это такой злодей. Старый, тощий, а жилистый, проклятый: всем тут синяков наставил, когда его били. Да! - опять вспомнил Крупников. - У меня здесь еще один наш общий знакомый: Артемка! Помнишь, сапожник-мальчишка, что в наших спектаклях участвовал?

- Какой это? - поморщил лоб Лунин.

- Ну, конопатый такой... Э, да как же ты забыл? Он же Феклу играл в «Женитьбе»!

- А, вспомнил, вспомнил! Который «Разбойников» написал?

- Во-во! Так он таки и сам в разбойники пошел! Можешь представить, попа убил! То есть, может и не убил, а только ограбил, но в партизанах был, этого и сам не отрицает.

- Скажи пожалуйста! - удивился Лунин. - Кто б мог подумать!..

- Да, вот вы все танцевали вокруг него: «Ах, талант! Ах, самородок!», а я тогда уже видел, чем он дышит. Упря-амый, проклятый!.. Ну, да завтра ему тоже конец.

- Там? - подмигнул Лунин. - За еврейским кладбищем?

- Гм... Нет, сейчас там неудобно. Слишком близко, в городе выстрелы будут слышны, а время теперь знаешь какое! Того и гляди, заводские поднимутся... Нет, подальше. В степи...

В дверь заглянули.

- Ну, извини, Алеша. Видишь, ждут. Заходи послезавтра: я к тому времени разгрузюсь.

Лунин побродил по улицам и, убедившись, что за ним не следят, пошел к Лясе.

- Только не волнуйтесь, - предупредил он и рассказал обо всем, что узнал от Крупникова.

Девушка дрожала так, что зубы ее стучали о стакан с водой, который ей поспешил подать Лунин.

- Да успокойтесь же, Ляся! - упрашивал он. - Нам, главное, надо немедленно разыскать Герасима. Но как, как? Днем к нему нельзя, да и неизвестно, где он сейчас.

- Василек! - сказала Ляся. - Только он. Вас одноногий не знает.

- Правильно!

Лунин вырвал из записной книжки листок и быстро написал: «Ликвидировать будут этой ночью, в степи. Ждем на вчерашнем месте». Держа сложенный вчетверо листок в руке, чтоб можно было проглотить его в любой момент, он выскочил на улицу и на извозчике поехал в Камышанский переулок.

К счастью, Василек был дома. Проходя мимо окна, Лунин замедлил шаг и подмигнул. У мальчика вытянулось лицо. Через несколько минут он уже стоял перед студентом в соседнем переулке.

- Василек, - сказал Лунин, - если ты не передашь тайком записку одноногому, дедушка Кубышка погибнет.

Мальчик охнул.

- Вот возьми. И помни еще одно: если тебя схватят...

- Я выцарапаю глаза.

- Нет, ты проглоти записку.

- Я проглочу записку и выцарапаю глаза. - Мальчик оглянулся, пригнул к себе голову студента и шепотом спросил: - Ляся жива?

- Жива и скучает по тебе.

Когда Лунин выпрямился, Василька около него уже не было.

ГОЛУБАЯ ЗВЕЗДА

Что тюрьму будут ликвидировать, никто заключенным не сообщал, но у них не было и тени сомнений на этот счет. Как ни строг был тюремный режим, вести о поражении белых на фронтах проникали и к заключенным. Да это было заметно и по лицам тюремщиков - угрюмым, злобно-сосредоточенным. Когда же поздно вечером из всех камер свели в одну двадцать семь человек и оставили у двери вызванных из города шестерых стражников, все двадцать семь поняли, что дневного света они уже не увидят.

Кубышка и Артемка сидели в углу, на холодном цементном полу. Артемка не выпускал из своей руки руку старика, будто хотел поделиться с ним теплом своего молодого тела. Говорить было больше не о чем. За четыре дня, проведенные стариком и юношей рядом, каждый рассказал о себе и главное и такие подробности, которые, казалось, совсем ушли из памяти. Вспомнил Артемка даже и о том, как его, трехлетнего хлопчика, купала мать в бочке из-под огурцов в соленой воде и говорила при этом, что жить ему, просоленному, сто лет. Не вышло. А от Кубышки Артемка узнал, что мать Ляси была знаменитой гимнасткой. Об ее ловкости и красоте писали во всех газетах. Многие и цирк приходили, чтоб только увидеть ее лучезарную улыбку. А за что она полюбила некрасивого клоуна, который к тому же на десять лет был старше ее, так он и не узнал. Погибла она потому, что владелец цирка, итальянец Круцци, не сменил вовремя шелковые потертые шнуры на трапеции под куполом. И еще рассказал Кубышка, что каждое седьмое января, в день рождения Ляси, он приносил ей красную розу: не так легко достать живую розу в лютый крещенский мороз.

*Начальник тюрьмы сипло сказал:
-- Выходи по одному.*

Заскрежетал засов, и в камеру в сопровождении смотрителей вошел начальник тюрьмы. Он сипло сказал:
- Выходи по одному.

Потом поднял керосиновый фонарь до уровня лица, так что отчетливо обозначились вздрагивающие над глазами черные мохнатые брови, и все тем же простуженным басом стал читать фамилии.

Кубышка был вызван одним из первых.

Когда в камере осталось человек десять, начальник молча повернулся к двери. Коренастый заключенный, все время говоривший товарищам, что он умирать не собирается, но если уж придется, то и тюремщика хоть одного захватит с собой, с вызовом спросил:

- Нас поведут двумя партиями?

- А тебе дело? - окрысился тюремщик.

- Да уж, наверно, большее дело, чем тебе, мерзавец! - с гадливостью ответил заключенный.

Артемка шагнул вперед.

- Не разлучайте меня со стариком. Мы вместе пойдем, - сказал он требовательно.

Начальник угрюмо глянул на него из-под нависших бровей:

- Поперед батька на шибельницу суешься?

- Мерзавец и есть! - подтвердил Артемка. С полным равнодушием к брани смертников начальник вышел из камеры.

Разделить заключенных на две партии было решено лишь час назад. Контрразведка сделала это для того, чтобы сбить с толку рабочих, если бы они попытались освободить приговоренных. Первую партию высели из ворот тюрьмы и повели налево, в степь. Вслед затем вывели вторую партию и повели направо, в порт.

Наблюдавший это из соседнего двора подпольщик последовал за второй партией и, поняв, куда ее ведут, побежал через дворы к месту, где залегли двадцать вооруженных рабочих.

Когда Герасим узнал об этом маневре контрразведки, он невольно разразился проклятиями. Но перестраиваться уже было поздно: к месту засады приближалась партия. Смертники шли толпой в кромешной тьме, посредине улицы. Шлепая сапогами по жидкой грязи, покрывшей мостовую, их окружали конвоиры с винтовками наперевес. Впереди, позади и с боков ехало по два конника. Вырваться из такого кольца не было никакой возможности.

Вдруг обе лошади, шедшие впереди, одновременно споткнулись, заскрежетали подковами о булыжник мостовой и свалились в грязь, подмяв всадников. На лошадей наткнулись пешие конвоиры и тоже повалились, грохоча винтовками о мостовую. Стальной трос, перетянутый через улицу, приподнялся и ударился по задним лошадям. Лошади вздыбились. Все

смешалось в беспорядочную кучу.

Покрывая неистовую ругань конвоя, чей-то резкий голос крикнул из соседнего двора:

- Товарищи заключенные, прижмитесь к земле! По палачам - огонь!

Ночную тишину окраины разодрали выстрелы.

Конвоиры бросили смертников и, стреляя наугад, побежали к дворам, но, не добегая до ворот, заборов и изгородей, за которыми прикрывались рабочие, падали под револьверными выстрелами.

Одному из конников удалось подскочить к самому забору и взмахнуть саблей. В тот же миг раздался выстрел. Завалившегося на бок казака лошадь унесла в темноту.

- Алеша, вы ранены? - вскрикнула Ляся, видя, что Лунин как-то странно сползает с забора на землю.

- Я? Нет... Впрочем, кажется, да... Ничего... ничего... - сказал студент и потерял сознание.

Меж тем остальных заключенных уже вели по берегу к тому причалу, от которого должны были уйти в море Кубышка и Ляся. Заключенным сказали, что их переводят в Мариуполь, но никто этому не верил: смертников и раньше отвозили в баркасе на рейд, в тридцати милях от берега, и там топили. Надежды на спасение не было: при входе в порт выстроился целый взвод казаков, вдоль берега прохаживались темные фигуры с торчащими из-за плеч винтовками. Заключенные шли будто в состоянии кошмарного сна, когда мучительно хочешь и не можешь проснуться.

И Артемка шел как во сне. Он никогда не задавал себе вопрос, зачем он живет. Всей душой тянулся к каждой травинке на земле, всем телом ощущал теплую ласку солнца. Жизнь со всеми ее колючками была такая вкусная! И, засыпая, он с трепетом думал, что завтра опять будет день. Но никогда не остановился бы он перед тем, чтобы отдать эту жизнь за обиженного.

Вот он поднял голову и огляделся вокруг. Тьма, тьма. Только смутно белеет пена на черном лоне моря. Взглянул он на небо, а небо все в тучах. И опустил Артемка голову.

- Смотри, - шепнул ему сосед, тот самый коренастый рабочий, который назвал тюремщика мерзавцем. - Смотри туда.

И опять вскинул Артемка голову и увидел над морем кусочек синего неба. А в нем, в этом чистом и бездонном кусочке, плыла голубая звезда. И в самое сердце проникли ее золотые лучи. И затрепетало оно в страстном желании жить. Глянул Артемка на соседа, а у того глаза блестят, будто и в

них засветилась звезда.

- Двинем? - спросили глаза соседа.

- Да! - ответили ему глаза Артемки.

- Давай!.. - шепнул коренастый.

Артемка собрал в кулак весь остаток сил своего истерзанного тела и ударил конвойного в висок.

В тот же момент рухнул на землю под тяжким кулаком соседа и другой конвоир. Будто пружиной выбросило Артемку из круга стражников. Он еще услышал грохот выстрелов, крики, топот - и с разбегу кинулся в кипящую воду.

Вынырнул он саженях в сорока от берега, рванул на себе рубашку и опять пошел под воду.

И каждый раз, выныривая, он жадно озирается: где же они, железные буйки, что указывают здесь путь по каналу? Ухватиться за буюк и передохнуть!.. Но небо и вода слились в непроглядную тьму. Перехватывает дыхание, сердце готово лопнуть.

И еще раз вынырнул Артемка. А там, где раньше мерцала лишь одна звезда, высыпал целый рой звезд. И в их призрачном свете он вдруг увидел впереди себя темный силуэт рыбацкой лодки. Вот оно, спасение!

Он набрал полную грудь воздуха и поплыл к лодке. Но руки с каждым взмахом делались все тяжелее. Уже слышен шелест волны о борт лодки, уже видно протянутое ему кем-то весло... Нечеловеческим усилием Артемка бросил тело вперед и, не достигнув лодки, уронил голову. Страшная сила схватила его в свои объятия, наполнила уши набатным звоном, потянула вниз. «А ведь Ляся осталась одна...» - еще успел подумать он, и мрак потушил его сознание.

Перед рассветом молодой рыбак Ваня Калюжный вошел в хату, что стояла над самым обрывом в деревне Курочкиной, и сказал:

- Батя, там я хлопца какого-то вытащил. До самой лодки доплыл, а около лодки на дно пошел.

- Жив? - спросил старый рыбак.

- Вроде нет.

«СЕ ЛЯ ЛЮТТЕ ФИНАЛЕ...»

Рана Лунина оказалась неопасной. Уже на десятый день он мог выходить из дому, и только бледность лица напоминала о большой потере крови.

Как все переменялось за это время в городе! Здание градоначальника стояло с распахнутой парадной дверью и никем не охранялось. На крыльце дома окружного атамана еще торчал пулемет, но пулеметчика при нем уже не было, как не было в здании и самого атамана: сдав власть городской управе, он «отбыл в неизвестном направлении». По городу ходили с деревянными катушками солдаты и сматывали телефонные и телеграфные провода.

К растянувшемуся на целый квартал зданию технического училища подъехало несколько колываг с ранеными. Казак с погонями хорунжего слез с лошади и, сказав: «Сгружайте покуда хоть сюда», распахнул дверь. На ступеньке мраморной лестницы стоял юнец в гимназической шинели и английской фуражке с широким верхом. Юнец сказал:

- Сюда нельзя. Это помещение заняли мы.
- Кто это «мы»? - сощурил глаза хорунжий.
- Отряд спасения России! - звонко выкрикнул юнец.
- А ну, выкидывайся! - грубо сказал хорунжий.

Юнец взъерепенился:

- Как вы смеете?.. Господа добровольцы, сюда!

По лестнице вниз сбегало еще десяток юнцов в таких же шинелях и фуражках. Они угрожающе застучали прикладами винтовок по мраморным ступеням.

Хорунжий поднял плетень и начал стегать гимназистов. «Спасители России» с визгом бросились врассыпную.

- Та-ак! - сказал Алеша. - Своя своих не познаша.

Отсюда он пошел на базарную площадь. Площадь опустела. Лишь кое-где сидели торговки с пирогами и солеными огурцами. Да и те свою снедь уже не продавали, а обменивали на всякое барахло: кто его знает, какие деньги будут завтра в ходу!

Одноногий все еще стоял на своем обычном месте, но и он уже никого больше не называл ни джентльменами, ни господами и не оповещал о поездке в Ростов на операцию. Взамен этого он насвистывал что-то веселенькое и поглядывал по сторонам с видом полной независимости.

К нему подошел стражник.

- Давай, - сказал он.

- Чего это? - «не понял» одноногий.

- «Чего», «чего»! Не знаешь, что ли? Давай половину. Да скорей, мне некогда.

- Далече ли собрался? - спросил одноногий.

- А кто его знает. Куда судьба кинет.

- Сейчас дам, - сказал одноногий.

Он нагнулся, развязал ремешки на ноге и, подняв свою деревяшку, стукнул ею стражника по голове. Стражник крикнул и свалился. Одноногий неожиданно оказавшийся двуногим, вынул у него из кармана наган и ровным шагом пошел с базара. Деревянную же ногу свою оставил около стражника - видимо, на память ему.

Лунин прошел с базарной площади на привокзальную. Вся она была забита военными. Они сидели на сундучках, на чемоданах, на вещевых мешках, понурые, молчаливые. Ждали погрузки, но машинисты и кочегары где-то прятались, и поезда вести было некому.

Обойдя площадь, Лунин через товарный двор проник на перрон. Там тоже было полно военных. Около одной теплушки столпились казаки. Они что-то выкрикивали, размахивали руками. Лунин подошел ближе. В теплушке трясли головами в фуражках с огромным верхом английские инструкторы.

- Вытряхивайтесь! - кричали казаки, хватая инструкторов то за краги, то за полы шинелей. - Вытряхивайтесь к чертовой бабушке!

- Оф уид ю, кэсекс, бандитти! Уи шел тэл дэ Дженерал Дэныкин! - пучили инструкторы глаза.

Казаки английского языка не знали, но отвечали впопад:

- Сами вы всемирные бандиты! Плевали мы на вас и вашего Деникина! Издалека донесся и прокатился пушечный выстрел.

Увидев, что к составу наконец подходит паровоз, казаки вскочили в теплушку и пинками вышибли «союзников» на перрон.

Поезд, набитый до отказа, дрогнул и медленно стал отходить. Но едва он скрылся за поворотом, как раздался страшной силы грохот: это подпольщики «отсалютовали» белогвардейщине взрывом путей.

К полудню привокзальная площадь опустела. Части, опасаясь оказаться в мешке, в панике бежали из города.

А немного спустя на главной улице показался разведчик. На груди у него алел пышный бант, в гриве лошади развевались разноцветные ленты. И было во всем его облике - в небрежной и в то же время настороженной

посадке корпуса, в розовощеком, круглом лице с белыми крупными зубами, в смушковой, чуть набекрень шапке - столько праздничного, задорного, молодого, что, казалось, в город въехал не разведчик, а отбившийся от свадебного кортежа веселый дружка.

Он попридержал лошадь и, подмигнув, спросил:

- Нема?

- Нема-а! - радостно ответили ему высыпавшие на улицу люди.

- Смылись?

- Смы-ылись!..

Разведчик повернул лошадь и галопом поскакал обратно.

- Ляся, Ляся!.. - кричал Лунин, вбегая во флигелек старой учительницы. - Уже всё!.. Выходите! Выходите!..

Ляся кинулась одевать еще не окрепшего от всего пережитого Кубышку.

- Вот так, вот так, - кутала она шею старика шарфом. - На дворе такой морозище.

- И я, и я с вами... - говорила учительница, не попадая в рукав шубы дрожащей рукой.

И только распахнули дверь, как в уши полились призывные звуки военного оркестра. Учительница, жившая несколько лет в Париже, так вся и выпрямилась.

Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской...

запела она дрожащим голосом под музыку.

Люди стояли стеной по обе стороны улицы. А посредине со звонким цокотом копыт в город вливались части Конной армии.

- Боже мой, боже мой, как же они переменились! - качала старушка головой, сравнивая проходящие эскадроны с теми отрядами красногвардейцев, которые покинули город полтора года назад. - Да ведь это настоящая армия! Настоящая!

А красноармейцы все ехали да ехали мимо в своих краснозвездных, похожих на шлемы древних русских воинов буденовках, и впереди каждого подразделения, кося глазами на радостный народ, отлично вычищенный конь гордо нес на себе крепкого, с заиндевелыми усами командира.

- Что с тобой, доченька? - спросил Кубышка, заметив, что Ляся вдруг вытянулась на носках и застыла в тревожном напряжении.

- Там... кто это, папка?.. Смотри, смотри!..

К ним приближался новый эскадрон. На большой лошади, сильно выделяясь богатырским сложением, ехал всадник с черным лицом.

Ляся пронзительно крикнула и бросилась ему навстречу.

Всадник вздрогнул, всмотрелся, и вдруг лицо его осветилось.

- Ляся!.. - у сказал он и протянул подбежавшей девушке руку.

Скачок - и Ляся оказалась на лошади.

- Мой маленький Ляся... Мой маленький Ляся... - говорил всадник, глядя большой черной рукой щеку девушки.

И по взволнованным лицам черного воина и тоненькой бледной девушки все догадались, что люди эти - старые друзья и встретились они после долгих лет разлуки.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР

В театре шел митинг. Объезжая вновь освобожденные районы, в город прибыла правительственная комиссия. В ее состав входил и народный комиссар просвещения Луначарский. Он стоял на трибуне, покручивая бородку, поблескивал пенсне и баском говорил:

- И вот заехал к вам, товарищи, чтобы спросить - может быть, хоть вы знаете, где прописал свой паспорт Деникин...

От дружного хохота заполнивших зал рабочих и красноармейцев звенят хрусталики на люстрах.

- ...Запросили мы по телеграфу Ллойд-Джорджа, английского премьера, а он от злобы и дар речи потерял. Вот ползет сейчас за пазуху, вытащит оттуда гром и молний и кинет их в нас, бедных...

Когда Луначарский опять сел за стол, Герасим, председательствовавший на митинге, наклонился к его уху и тихо сказал:

- Хочу вас, Анатолий Васильевич, просить об одной девушке... То есть, как говорится, всей организацией челом бьем. Разрешите зайти с ней в вагон к вам.

- Ну что ж, заходите, товарищ Герасим. Я ведь здесь еще дня три пробуду. А вас я тоже хочу спросить: вы не знаете, как зовут вот того негра в красноармейской форме? Видите, в ложе сидит?

- Знаю и даже беседовал с ним, Чемберс Пепс его зовут.

- А, так это и есть Чемберс Пепс! То-то он опускает глаза каждый раз, как я на него посмотрю.

- А что, Анатолий Васильевич, провинился он в чем перед вами?

- Провинился. Захватите и его, когда пойдете ко мне.

...Вагон наркома стоял на запасном пути. Перегородки нескольких купе были разобраны - получился настоящий кабинет, с письменным столом, с телефоном, с пишущей машинкой. Луначарский только что кончил диктовать машинистке какой-то приказ, когда вошел Герасим, а с ним Ляся и Пепс.

- Садитесь, товарищи, - пригласил нарком. Все сели, но Пепс продолжал стоять навтыжку.

- Садитесь, товарищ Пепс, - повторил Луначарский.

Пепс сел, но тотчас опять поднялся и опустил руки по швам. Он не мог представить, как можно сидеть военному человеку в присутствии народного комиссара.

- Чего же эта девушка хочет? - спросил Луначарский.

- Она вам сама скажет, Анатолий Васильевич... - ответил Герасим. - Ляся, говорите, не бойтесь.

- Я... я хочу танцевать Машу... в «Щелкунчике»... - зардевшись от смущения, пролепетала девушка.

- Вот как! - улыбнулся нарком. - А способности такие у вас есть?

Опустив голову, Ляся молчала.

- Что вы скажете, товарищ Герасим? - спросил нарком.

- В «Петрушке» она толк понимает, Анатолий Васильевич. Сам видел. Учиться балету - желание страшное. А про остальное не скажу. Спросите, Анатолий Васильевич, товарища Пепса: он давно ее знает по цирку.

- Товарищ нарком, разрешите доложить: Ляся будет велики артист, - положил Пепс руку на сердце и тотчас же опустил ее опять.

- Буду рад, если ваше предсказание исполнится, - кивнул Луначарский.

- Хорошие артисты нам нужны не меньше, чем хорошие учителя, инженеры, ученые. Владимир Ильич не устает мне напоминать: «Искусство - для народа». А знаете, товарищ Пепс, мы ведь с вами в какой-то степени старые знакомые. Не то в девятом, не то в десятом году я от души аплодировал вам, когда вы с таким блеском положили на обе лопатки зазнайку Карадьё, французского чемпиона. В Париже это было, в цирке. Помните такой случай?

- Так точно, товарищ народный комиссар, помню.

- Вот видите. Там гастролировала тогда великолепная русская гимнастка Елизавета Горностаева. Фамилия-то какая... царственная...

- Это была моя мама, - сказала Ляся.

- Вот как! - воскликнул нарком. - Ну, если вы восприняли от своей матери не только ее красоту, но и талант, быть вам великой артисткой... А теперь, голубчик, - повернулся он опять к Пепсу, - извольте объяснить, почему вы не выполнили мою просьбу, почему не приехали в Москву?

- Я хотелъ приехать, товарищ народни комиссар, - жалобно заговорил Пепс, - я уже совсемъ приехалъ, но мой Артиомку схватил гетманец. Я поехалъ отнимать Артиомку - и пошелъ Красная Армия.

- Кто такой этот Артиомка? - заинтересовался нарком.

Пепс как мог объяснил, опасливо поглядывая на Лясю. Рассказал он и о том, как писали молодые партизаны Луначарскому письмо и просили «определить Артемку к театральным профессорам в обучение на артиста в мировом масштабе».

- Ну, и нашли вы своего Артемку? - спросил нарком.

У Пепса задрожали губы.

Герасим пугливо оглянулся на девушку и тихо сказал:

- Нет, Анатолий Васильевич, парень, наверно, погиб. Его утопили белые...

Он опять глянул на Лясю и поморщился, как от зубной боли: девушка уронила голову на руки и беззвучно плакала.

- Да, да... - сказал нарком, поправляя пенсне. - Да...

Когда все поднялись, чтоб уйти, Герасим спросил:

- Так как же нам это оформить, Анатолий Васильевич?

- А зачем оформлять? - ответил нарком. - И Пепс и Ляся поедут в нашем вагоне.

- У Ляси отец здесь, тоже артист.

- И отца возьмем с собой.

Оставшись один, Луначарский долго ходил по вагону и пощипывал ус.

ЗОЛОТЫЕ ТУФЕЛЬКИ

Но Артемка не умер.

Неведомая сила распирала ему изнутри грудь и бросала его из стороны в сторону. Он не вынес боли, застонал и вцепился пальцами в какие-то веревки.

- Мычит, - сказал старый рыбак. - А ты, Ваня, говорил, что помер! Хватит качать.

«Я живой», - хотел отозваться Артемка, но из груди его вырвался только хрип.

- Что же с ним будем делать? - спросил Ваня.

- Вот в этом и вопрос, - поскреб старик бороду.

- По всему видать, он, батя, из-под конвоя бежал. Слышно было, как из винтовок палили.

- Если палили, то, ясное дело, бежал. Может, даже из-под самого расстрела. Как бы не бросились искать его тут...

- И очень просто, что бросятся. Спрятать надо.

- Где ж его спрячешь?

- А на чердаке боровок теплый - отогреется.

- Не влипнуть бы нам, - после небольшого молчания сказал старик. - От них пощады не жди: и нас заодно ликвидируют.

- Ну, так давай его обратно в воду кинем! - с раздражением крикнул парень.

- Скажешь тоже!.. - буркнул старик. - Клади его мне на спину, а сзади ноги придержи. Да тихей разговаривай... Чистый порох - и сказать ничего нельзя.

Артемку вынули из невода, в котором его откачивали, и понесли по узенькой тропинке вверх, на высокий берег.

Почувствовав тепло человеческого тела, Артемка опять застонал: только так он мог выразить свою благодарность людям, вернувшим его к жизни.

А потом пошло что-то непостижимое: Артемка в ужасе бежит в степи по жнивью, а за ним гонится целая свора волков, и у самого большого волка человечья голова. Волки промчались мимо, будто они не за Артемкой гнались, а сами от кого-то убегали. Артемка оглядывается, чтоб посмотреть, от кого же убегали волки, и вдруг видит: по степи бежит товарищ Попов, командир партизанского отряда. «Артемка! - кричит командир. - Куда ты

запропастился? Бежим скорей на станцию! Пришел приказ выехать нам сейчас же в Москву: товарищу Ленину грозит страшная опасность!» И вот они оба бегут по степи... Но что это?!. Перед ними вся степь в огне. Кто-то поджег степь, чтобы они не могли добежать до станции. «Скорей, скорей!» - кричит командир и бросается прямо в огонь. «Скорей, скорей!» - кричит Артемка и взмахивает руками, будто, собирается плыть по огню. Потом все исчезает. Наступает густая-густая тьма. Артемка вынимает из кармана нож и режет тьму, как ваку. Он режет до тех пор, пока во тьме не появляется под ножом окно. В окне светится голубая звезда. Артемка осторожно вылезает в окно и оказывается в степи. Звезда померцала и погасла. Медленно поднялось солнце. Вдруг слышен страшный вой. Ах, да ведь это волки! Вот они мчатся целой сворой, а впереди - самый огромный, с человеческой головой. Артемка в ужасе бросается бежать...

Однажды, после того как он долго ничего не видел, а только слышал далекое плавное пение, ему представилось море. Оно было тихое и все искрилось под солнцем. Артемка сидел на берегу, на камне, и дышал. Он ничего не делал, только дышал. И от этого ему было так хорошо, так приятно, будто он не дышал, а пил лимонад. От удовольствия Артемка даже глаза прикрыл. А когда опять открыл, то увидел над головой потолок. Артемка долго думал, что это за потолок такой в тюрьме потолок был серый, а этот чисто выбелен и под ним висит керосиновая лампа. Артемка скосил глаза вбок: на глиняном полу сидел парень и вязал рыбацью сеть.

- Ты кто? - спросил Артемка и не узнал своего голоса - такой он был сиплый и слабый.

Парень вздрогнул, вскинул кудлатую голову и уставился на Артемку зелеными глазами.

- А ты кто? - спросил он в свою очередь и засмеялся, обнажив белые неровные зубы.

Артемка задумался. Потом сразу все вспомнил и спросил:

- Это ты меня вчера из воды вытащил?

- Вона, вчера! - удивился парень. - Не вчера, а, считай, седьмой день пошел.

Артемка опять помолчал, обдумывая, как же это могло быть, и неуверенно сказал:

- Я что, хворый, что ли?..

- Знамо, хворый. Горячка тебя палила. Все окна нам тут перебил. Пришлось стекла вставлять.

- Ну, прости, - сказал Артемка. - Я заработаю - верну.

- Обязательно! Только об этом и мечтаем.

- Они меня тут... не сцапают? - осторожно спросил Артемка.

- Им теперь не до тебя. Они не знают, как самим унести ноги. Не сегодня-завтра в город наши придут.

- Наши?! - встрепенулся Артемка и заволновался, пытаясь приподняться. - А я тут... А я тут...

- Брось! - сказал парень строго. - Хочешь, чтоб я тебя сеткой накрыл? Так мне недолго... Лежи и молчи. Сейчас придет фельдшер и все предписания сделает.

И Артемка покорно затих.

...Красная Армия вступила в город через два дня, но только неделю спустя фельдшер позволил Артемке выйти на воздух.

Артемка сидел под хатой, на завалинке, и через залив, скованный теперь льдом, смотрел на город. Деревья, дома, церкви - все было запорошено снегом. В солнечных лучах город казался серебряным, сказочным. И сказочным казалось то, что где-то там, в одном из этих домов, живет Ляся. Из газет Артемка знал, что первую партию заключенных подпольщики отбили, очень этому радовался, но очень боялся, как бы Кубышка не увез куда-нибудь Лясю раньше, чем он, Артемка, окрепнет и явится в город.

Уже на другой день Артемка принялся тренироваться в ходьбе вокруг хаты, а еще через день даже спустился по тропинке вниз, на лед. С каждым днем силы его крепили, чему немало способствовала невероятно вкусная уха, которую готовил старый рыбак по одному ему известному способу.

За день до Лясиных именин Артемка поцеловал старику руку, крепко обнял зеленоглазого Ваню и пошел через залив по льду в город.

Остановиваясь через каждые десять-пятнадцать-ступенек, чтоб передохнуть, он преодолел длинную каменную лестницу, что вела от моря до одной из лучших улиц города. Но едва Артемка ступил на тротуар, как с зеленой афиши в глаза бросились крупные печатные: строчки:

КЛУБ ИМ. ЛЕНИНА

ДЕТСКОЕ КУКОЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ПЕТРУШКА

В ГОСТЯХ У ЛЛОЙД-ДЖОРДЖА

Артемка радостно сказал:

- Здесь! Никуда не уехали...

Афиша будто влила в него новые силы: улыбаясь каждому встречному красноармейцу, он твердой походкой прошел через всю главную улицу,

свернул к запущенному инеем скверу и нажал плечом на чугунные ворота.

Комната, где его допрашивал Крупников, была вся завалена папками: «дела» лежали на столах, на подоконнике, на полу. Мужчина в военной гимнастерке, нажимая коленом на большую кипу папок, перевязывал ее шпагатом.

- Здравствуйте, товарищ начальник! - сказал Артемка.

- Мое почтение, - ответил мужчина. - Что скажешь?

- Я за своей парчой пришел, товарищ начальник. Тут она, парча моя, к «делу» пришпилена.

Мужчина поднял бледное, в очках лицо и внимательно оглядел Артемку.

- Ты кто? Как твоя фамилия?

- Загоруйко.

- Загоруйко?! - удивился мужчина. - Тот самый? Друг дьявола?..

- Да, - подтвердил Артемка.

- Но разве ты жив?

- Жив.

- Чудеса!.. Ты что же, ни в огне не горишь, ни в воде не тонешь?

- В воде тону. Меня люди вытащили.

- Вот оно как: одни топят, другие вытаскивают. А называются одинаково: люди. Я, брат, твое «дело» три раза читал. А ну, сядь да расскажи, как же ты спасся.

- Я, товарищ начальник, в другой раз зайду. - взмолился Артемка: - А сейчас у меня времени в обрез. Мне бы парчу назад получить... Я ее шесть лет за пазухой носил.

- Да вот она, твоя парча, - сказал мужчина, вытаскивая из ящика письменного стола пухлую папку. - Бери, пока в архив не сдал.

Артемка отодрал парчу от папки и сунул за пазуху, а письмо партизан к Луначарскому, тоже пришитое к «делу», спрятал в карман:

- Спасибо, товарищ начальник!

- На здоровье, друг дьявола. Не забудь зайти: я про тебя в газету напишу.

Немного спустя Артемка уже был на базарной площади. Не поинтересовавшись даже, стоит ли его будка на старом месте, он уверенно, будто был здесь только вчера, прошел к будке Петровича и открыл дверь. Петрович все так же сидел на прежнем месте и дрожащей рукой протягивал дратву. Только борода стала совсем белая.

- Вот, Петрович, и я, - сказал Артемка. - Давно не видались.

Старик поднял слезящиеся глаза. Вдруг лицо его сморщилось, борода

затряслась:

- Неужто Артемка?

- Я самый.

- Живой, значит?

- Живой, дедушка.

- Ну, слава тебе господи! - перекрестился старик. - А я уж думал, что ты навеки сгинул. Так и барышне сказал. Барышня тут одна про тебя спрашивала... Ну, присаживайся. Сейчас чаю заварю...

- Какая барышня? Когда спрашивала?

- Да это летом еще было. Молоденькая такая, с глазками...

- Ах, Петрович, все барышни с глазками!

- Э, не скажи! У этой особенные глазки - такие, брат, бог не всякой дает.

- А ты не заметил, Петрович, какая у нее нога? Номер, то есть?

- Вот этого не заметил. Она у меня обувку не чинила. Только справилась про тебя и ушла. Даже вроде в лице расстроилась.

- Дедушка, - попросил Артемка, - ты мне помоги! Я, можно сказать, прямо из воды: ни инструментов при мне, ни колодок. А туфли надо сделать такие, в каких и царевы дочери не ходят. Вот он, товар, за которым ты меня в Ростов посылал.

Старик взял парчу, пощупал пальцами.

- Хороший товар! Качество довоенное. Это ж для нее, что ли?

- Для нее, дедушка.

- А мерку снял?

- Да я ж ее шесть лет не видел!

- Да-а... - задумался старик. Он взял на полке колодку и подал Артемке. - Как считаешь, подойдет?

Теперь задумался Артемка. Надеясь на профессиональный навык определять размер обуви по фигуре, он напрягал память, чтобы представить девушку точно такой, какой увидел ее на бульваре перед контрразведкой.

- На полномера бы меньше.

- И такая есть, - сказал Петрович. - Вот, смотри, - потянул он с полки другую колодку.

Артемка деловито оглядел и кивнул:

- Вот эта будет в самый раз.

Всю ночь горел свет в будке Петровича. Только перед утром старик задул в лампе огонь, чтобы дать Артемке часок поспать. Артемка, еще слабый после болезни, как свалился на лавку, так будто в пустоту

провалился.

А когда открыл глаза, то увидел на верстаке уже готовые две золотые туфельки И были они такой благородной формы, так сияли в утренник лучах солнца несказанной красотой, что Артемка даже зажмурился.

- Петрович, - сказал он со слезами в голосе, - ты ж самый великий мастер! Нету тебе равных на свете!

- Что уж там, что уж там... - смущенно забормотал старик. - Вместе ведь делали...

Засунув туфли под ватник, Артемка распростился со стариком и пошел к клубу имени Ленина.

Клуб помещался в большой каменной ротонде, стоявшей в городском парке. Вся площадка перед ним уже кишела детьми.

Артемка разыскал дверь, что вела за кулисы, остановился перед нею, глубоко перевел дыхание и потянул за ручку. И сейчас же увидел светлого рыжего человека в потертой студенческой куртке и с носатым Петрушкой в руке.

- За кулисы нельзя! - крикнул студент. - И чего вы все за кулисы лезете!..

- Алеша! - сказал Артемка, узнав в студенте того гимназиста, который когда-то защищал его от насмешек «Петьки толстого». - Неужто не признаешь?

Студент всмотрелся и выронил куклу.

- Боже мой!.. Ты жив?! - вскрикнул он и схватил Артемку в объятия.

- Мне бы Лясю повидать... - робко сказал Артемка. - Именинница она сегодня. Подарок ей принес...

- Лясю?.. А ты разве не знаешь?.. Э, брат, ты, кажется, опоздал: она сегодня в Москву уехала. А может, еще поезд не отошел... Ты беги, беги на станцию! Она в вагоне Луначарского... И Кубышка с нею... Беги - может, еще застанешь. Поезда-то теперь знаешь как ходят...

Не сказав ни слова, Артемка повернулся и бросился вон из театра.

- И Пепс с ними! - кричал ему вслед Алеша. - Пепс, твой приятель!.. Беги!..

Пока Артемка бежал до станции, он ничего не слышал, ничего не видел. Только одни паровозные гудки достигали его слуха, и каждый такой гудок ударял его прямо в сердце.

Вот он, перрон! Народу на нем тьма-тьмущая. Но почему-то никто не стоит на месте, а все идут в одну и ту же сторону и машут руками... Ах, да ведь это они идут рядом с отходящим поездом!

Артемка помчался еще быстрее. Вот он настиг вагон, вот он

поравнялся с дверями... Но на ступеньке стоит красноармеец с винтовкой в руке и предостерегающе грозит Артемке пальцем.

И еще одно сделал Артемка усилие и настиг второй вагон. Но и там красноармеец с винтовкой, и там тот же предостерегающий жест...

А поезд идет все быстрее и быстрее, все чаще и чаще стучат колеса И вот уплывает вперед второй вагон, вот плывет вслед за ним мимо Артемки и последний вагон... Прощай, Ляся!.. Прощай, Пепс!..

Артемка собрал весь остаток сил, ударился ногами о шпалу - и повис на буфере последнего вагона.

Пепс, Кубышка и Ляся сидели в маленьком купе рядом с кабинетом наркома и изредка обменивались короткими, незначительными фразами. На столике, в стакане с водой, алела живая роза. И то, что за окном мороз и снег, а на сердце у всех тяжесть, как-то странно уживалось с яркой красотой цветка.

Когда промелькнули последние домики окраины и за окном растянулась белая пелена, откуда-то издалека и в то же время будто из-за самой спины, донесся отчаянно-призывный голос:

- Пе-е-епс!.. Ля-а-а-ся!..

Смертельно побледнев, девушка вскочила с дивана. Странно изменился в лице и Пепс. Кубышка растерянно переводил взгляд с дочери на негра.

Крик повторился. И еще отчаяннее прозвучал в нем страстный призыв.

- Боже мой!.. - вскрикнула девушка, хватаясь за сердце. - Это он!.. Он!! Он!!!

- Деточка, деточка! - бросился к ней Кубышка. - Успокойся!.. Уже который раз слышится тебе его голос! Возьми же себя в руки!..

- Это он! - кричала Ляся, отталкивая от себя отца.

Пепс шагнул к Луначарскому в кабинет и твердо сказал:

- Товарищ народни комиссар, на крыша кричит человек. Очень много холодно. Разрешите остановить поезд.

- Да, конечно, - сказал нарком. - Остановите.

Пепс рванул ручку тормозного крана. Послышалось резкое шипение, и поезд стал быстро сбавлять ход.

Пепс и красноармеец бросились в тамбур. А минуту спустя они ввели полузамерзшего Артемку в вагон.

Увидев Лясю, Артемка начал поспешно расстегивать ватник, но замерзшие пальцы не слушались. Артемка рванул пуговицу, вытащил из-за пазухи две золотые туфельки и поставил их у ног оцепеневшей от счастья

девушки.

- Товарищ народни комиссар, - весь озаряясь, сказал Пепс, - это Артиомка. Он жив...

- Вот как! - сверкнул Луначарский стеклами пенсне. - Так это и есть ваш Артемка? Поздравляю вас всех. Но ведь он еле на ногах стоит. Трите его, трите!.. Вот тут у меня шерстяные перчатки.

Артемка молча протянул наркому письмо партизан. Немного спустя Луначарский опять заглянул в маленькое купе и, прищурившись, сказал:

- Выходит, товарищ Пепс, мне подвезло: каких артистов везу в Москву! Эти знают, что такое настоящая жизнь!

1958

«АРТЕМКА» И ЕГО АВТОР

Дорогие читатели! Вы перевернули последнюю страницу книги, и вам стало грустно расставаться с Артемкой и его друзьями. Но что поделаешь, писатель волен остановить свой рассказ в том месте, где он сочтет это нужным. Зато и у нас, читателей, тоже есть свои преимущества. Мы можем раскрыть книгу и перечитать ее всю или особенно понравившиеся места, можем снова вернуться к ней и вновь пережить вместе с любимившимися нам героями их приключения. Можем помечтать о том, что стало с ними дальше. А главное - мы можем на досуге поразмыслить о своем отношении к ним.

Так вот, давайте подумаем об Артемке, о Косте, Лясе, Герасиме, Пепсе - героях этой замечательной книги.

Костя и Артемка - два друга. Один сын лудильщика, другой - сапожника. Рано познали они тяжесть подневольного труда и нужды. Костя работал мальчиком на побегушках в грязной «обжорке», Артемка в полутемной, холодной сараюшке от зари дотемна чинил многострадальные, облепленные грязью башмаки простого люда. Слышали мальчики чаще всего грубую брань, получали немало незаслуженных подзатыльников.

Их окружали нищета, бедность. Мир вокруг них делился на богатых и бедных, голодных и сытых, имеющих власть и бесправных. В этом мире мальчики видели много жестоких людей. Но были и другие. Как ни ломала, как ни гнула их жизнь, она не могла убить в них светлую веру в будущее, охладить горячее, откликающееся на ласку сердце. Мальчишкам посчастливилось узнать и негра-борца Пепса, и бедного артиста Алексея Евсеича.

Всем сердцем потянулся Костя к Евсеичу - человеку веселому, остроумному, способному сказать смелое,

дерзкое слово даже «самому полицейскому». Коротка была дружба Кости и Евсеича. Полиция и нужда выгнали Евсеича из города. Но свое обещание - прислать маленькому другу волшебную шкатулку - он выполнил. Шкатулка стала для Кости с Артемкой не просто игрушкой. Она явилась воплощением той красоты, которая существовала где-то вне их жизни, она заронила в них искру мечты, растревожила воображение маленького сапожника и мальчика на побегушках, повела их властно за собой в неведомые дали будущего. С мечтой о прекрасном слилось и навсегда поселившееся в сердцах мальчиков воспоминание о добром

человеке, сдержавшем свое слово. Не этот ли благородный поступок пробудил в Артемке веру в человеческое сердце?

Чудесным теплом согрела Артемку и дружба с негром Пепсом. Не задумывались ли вы, в чем секрет того, что Артемка «угадывал» хороших людей? Ведь может показаться, что гораздо естественнее было бы, натерпевшись обид, нагнадевшись на несправедливость, разочароваться в людях, возненавидеть их. Но ведь случилось иначе: чем больше мальчик видел зла, тем настойчивее, с большей жадностью тянулся он к человеческому теплу.

Деятельная натура Артемки не позволяла ему мириться с несправедливостью, а доброе, отзывчивое сердце помогло не только встретить настоящих людей, но и найти отклик в их сердцах. Алексей Евсеич, дед Шишка, борец Пепс - все они тоже были очень одиноки и так же обездолены, как и Артемка.

Хорошими людьми были Алексей Евсеич, Кубышка, Пепс, дед Шишка, но что они могли сделать в одиночку против власти и железных законов капитализма? Как песчинки, разметала их жестокая действительность. И недаром, видя их судьбу, теряя своих друзей, Артемка не раз ощущал ужас одиночества. Временами ему казалось, что устроить свою жизнь как-нибудь иначе, лучше просто невозможно.

Встречи с коммунистами Дмитрием Дмитриевичем Поповым и Герасимом стали решающими в судьбе юных героев. За этими людьми стояла сила организованного сопротивления существующему порядку вещей, сила пролетарской солидарности. Дмитрий Дмитриевич заронил в душу Артемки убеждение, что счастье каждого человека добывается в борьбе против общественного строя, который обрекает таких ребят, как Артемка и Костя, на нужду и бесправие.

Дмитрий Дмитриевич горячо одобрил и поддержал Артемку в его стремлении стать артистом и помог ему сделать первые шаги к осуществлению заветной мечты.

Что же нас пленяет в характере Артемки?

То, что у него была своя мечта, своя цель в жизни и он упорно добивался этой цели. Упорный, настойчивый труд - вот что дает победу таланту! вспомните, как Артемка работал над трудной ролью свахи в «Женитьбе».

Артемка правдив, честен. Условности «хорошего тона», когда думают одно, а говорят другое, ему чужды, он говорит то, что считает справедливым. Затаенных мыслей или личного расчета в нем нет и в помине. Он надежный товарищ. Именно эти качества и личное обаяние

помогают ему и в среде гимназистов найти друзей.

Многому научился Артемка у гимназистов: здесь приобщился он к русской литературе, с ними сыграл свою первую роль в драматическом кружке. Многому научились у него и гимназисты: выдержке, находчивости, мужеству.

Не раз отнимала у Артемки жизнь самое лучшее, что есть у человека, - хороших друзей. Иные, как Алексей Евсеич, дед Шишка, уходили навсегда, другие жили далеко, и годами мальчик о них ничего не знал. Но верил он, что они есть, стремился к ним всей душой, надеялся снова встретиться. И Артемка был вознагражден за мужество и веру в друзей.

Как прекрасно передает писатель то чувство окрыленности, которое приобрел Артемка уже много лет спустя, в годы гражданской войны, в партизанском отряде! Попов сказал ему, что его, Артемкин, талант нужен людям, а разве это не самое большое счастье - осознать свою нужность людям? Вспомните замечательный эпизод, когда Артемка впервые испытывает

свой талант как оружие в борьбе с врагом и понимает цену своего призвания.

.Замечательна в Артемке его любовь к жизни. Он «никогда не задавал себе вопрос, зачем он живет. Всей душой тянулся к каждой травинке на земле, всем телом ощущал теплую ласку солнца. Жизнь со всеми ее колючками была такая вкусная». Воля к жизни постоянно помогает ему сопротивляться, находить выход из, казалось бы, безвыходных положений.

Последняя повесть в книжке рассказывает о встрече Артемки и Ляси.

Отношения Артемки и Ляси - это, вероятно, и есть дружба на всю жизнь. Сколько поэзии в этих отношениях! Образ девушки слился с детской мечтой Артемки о прекрасной незнакомке из волшебной шкатулки. Мечта всегда прекрасна. Но, когда Артемка увидел живую, настоящую Лясю и пошел с ней рядом потрудней дороге жизни, он понял, что живой человек удивительней любой мечты. Он почувствовал в Лясе близкую ему душу уже потому, что она заботилась о Пепсе. Ляся пришла в Артемкину жизнь и покорила его сердце навсегда в тот решительный час, когда Артемка робко, задыхаясь от волнения, делал свой первый шаг в искусстве и когда от волнения ничего у него не получалось. Она помогла ему, ободрила, подсказала, как быть. А ведь это был такой момент, от которого зависит вся дальнейшая жизнь. Парящая на канате над толпой девочка стала ему еще милее, когда Артемка увидел в ней маленькую труженицу, умеющую упорно работать и быть настоящим другом. И разве можно забыть человека, с которым связаны первые шаги к любимому будущему,

первые победы?

Верность в дружбе определяется верностью человека своим идеалам, своей жизненной цели. Ни Артемка, ни Ляся не изменили раз выбранному пути, несмотря ни на что: «Шли месяцы, годы, рушился весь уклад земли русской, а страсть, однажды вспыхнувшая в душе Ляси, не потухла, и чем резче скрежетало все вокруг в огне гражданской войны, чем несбыточнее казалась мечта, тем сильнее овладевала она девушкой».

Далеко подчас друг от друга пролегали дороги Ля-си и Артемки, но они шли к одной цели. Артемка и Ляся служили своим артистическим искусством народу, помогали подпольной революционной организации. Они не встречались шесть лет, но каждый сохранял в сердце любимый образ. Оба пронесли нетронутым свое чувство, оба оказались достойными друг друга.

Поэтическое чувство первой любви Ляси и Артемки передано писателем так проникновенно, что не может не волновать сердце, наполняя его тоской по большим, прекрасным чувствам. А уж если человек затосковал о прекрасном, то он и найдет и создаст его...

Когда читаешь хорошую книгу, всегда хочется хоть что-нибудь узнать о ее авторе, о том, что он еще написал.

В юности Иван Дмитриевич Василенко не собирался быть писателем. Он работал учителем в начальной школе, потом, окончив Белгородский педагогический институт, вел большую партийную и профсоюзную работу в родном своем городе Таганроге и читал лекции по политэкономии в авиационном институте и техникуме.

В 1934 году, когда Ивану Дмитриевичу было тридцать девять лет, он заболел туберкулезом. Тяжелая болезнь приковала его к постели надолго, может быть навсегда. Для деятельного, энергичного человека, горячего участника строительства новой жизни, отрыв от живого дела был равносильен смерти. Но Василенко принадлежал к тем несгибаемым людям, которые не сдаются никакому врагу, даже телесным недугам.

В тяжелые дни борьбы с болезнью он пробует свои силы в литературе. Из-под его пера появляется первая повесть - «Волшебная шкатулка» (напечатана в журнале «Пионер» в 1938 году). В этом же году ленинградский журнал «Костер» печатает его второе произведение, «Мышонок», - о смельчаке Лене Гармашове, юном бойце гражданской войны.

Так в нашу литературу пришел писатель, который быстро завоевал сердца юных и взрослых читателей. В 1937 году Иван Дмитриевич уже встал с постели и начал новую жизнь, наполненную радостным,

напряженным творческим трудом.

Переживания трудных месяцев борьбы с туберкулезом дали Василенко материал для волнующей повести «Гордиев узел» (1940).

Самым ценным в творчестве Василенко является его глубокое знание жизни. Как пригодились ему в работе писателя огромный жизненный опыт, богатство впечатлений, ясная память, трудовое детство, годы учительства на селе, участие в революционном движении, педагогическая деятельность!

Живость впечатлений, сердечность, образный, меткий язык делают его произведения захватывающими, глубоко волнующими.

Вы, наверное, если не читали, то слышали о повести И. Василенко «Звездочка». В 1949 году она была отмечена Сталинской премией. Это одна из самых увлекательных книг, посвященных жизни ребят-ремесленников. Можно с уверенностью сказать, что вас заинтересует беспокойная творческая дружба Паши Сычева и Маруси Родниковой - героев повести. Прочтите или перечитайте «Звездочку», и вы поймете, как одинаково важна крепкая дружба и для медлительного, сдержанного Паши, и для дерзкой, всегда недовольной собой, порывистой Маруси, как хорошо они дополняют друг друга, как многому научились друг у друга в общем труде коллектива.

Хорошо подобрать для своей домашней библиотеки повести и рассказы И. Д. Василенко. Они поселятся у вас дома как желанные друзья. Эти книги доставят вам радость и тогда, когда вы станете старше. Настоящее художественное произведение обладает счастливой особенностью быть интересным и любимым людьми самых разных возрастов. И, когда вы будете перечитывать «Артемку» или «Звездочку», обратите внимание на то, как по-новому все будет выглядеть в книге. Многого вы не заметили в ней раньше, книга словно стала для вас богаче, умнее. Это потому, дорогие читатели, что вы сами выросли и поумнели, стали серьезнее понимать жизнь и тоньше чувствовать силу и прелесть искусства.

Н. Макарова

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)